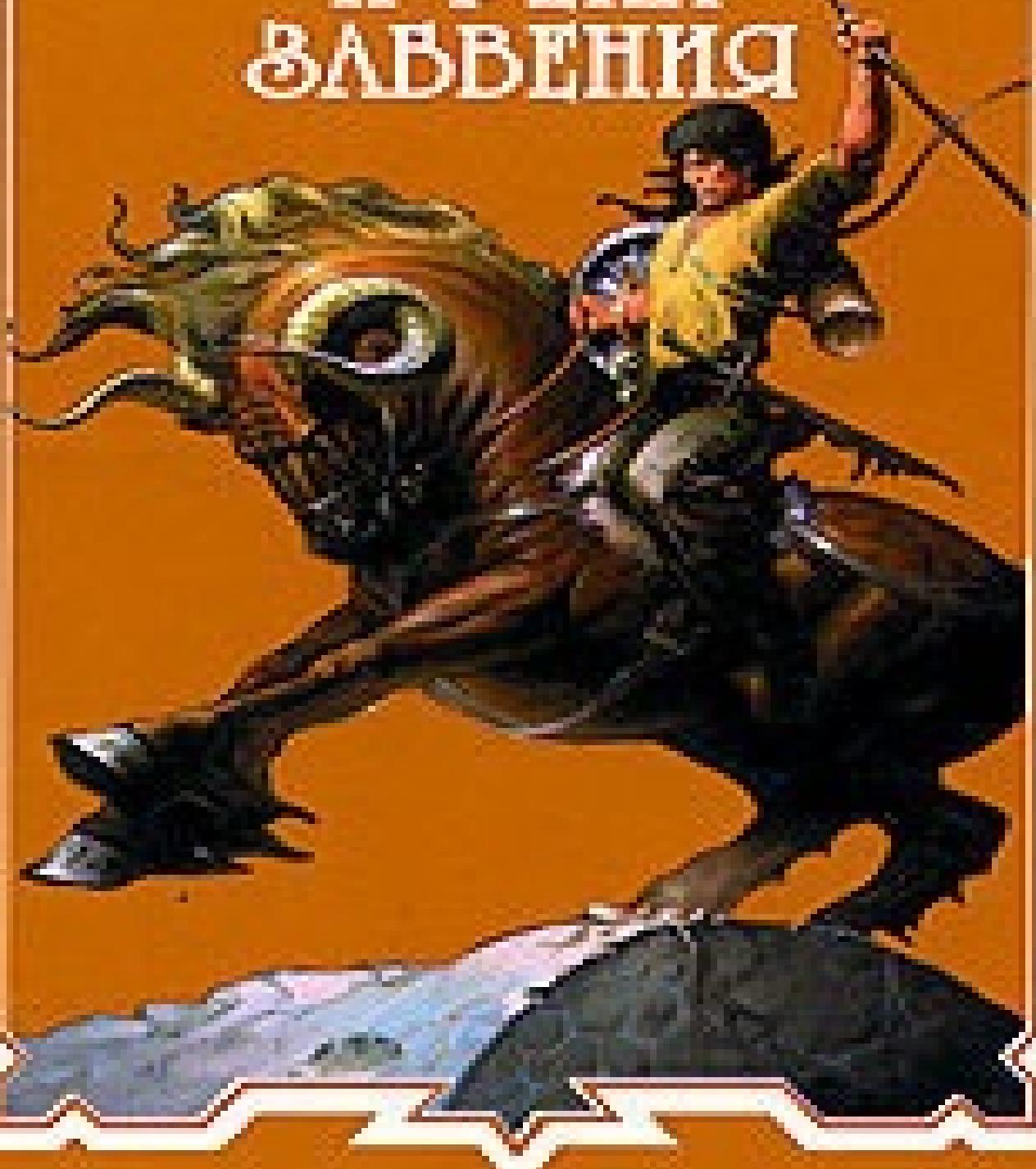




КОНАН И ДЕКА ВАВЕНИЯ



Annotation

В Вендии при странных обстоятельствах умирает посол Турана. Владыка Йилдиз в сопровождение к новому послу даёт сотню Конана. За одно дав поручение варвару разобраться, что на самом деле случилось с покойным послом.

Путь от Турана до Вендии предстоит не близкий и таит в себе множество опасностей. А Конану ещё предстоит разобраться в хитросплетениях вендейских интриг...

Северо-Запад, 2006 г. Том 119 "Конан и Узники Камня"
Брэнт Йенсен. Город у священной реки (роман), стр. 8-238

- [Брэнт Йенсен](#)

- [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
 - [Глава 10.](#)
 - [Глава 11.](#)
 - [Глава 12.](#)
 - [Глава 13.](#)
 - [Глава 14.](#)
 - [Глава 15.](#)
 - [Глава 16.](#)
 - [Глава 17.](#)
-

Брэнт Йенсен
Город у священной реки
Вендия - 1

Глава 1.

День казни Хамара. Центр Айодхьи.

По мрачному серому небу медленно ползли облака – похоже, собиралась гроза. Редкое явление в Айодхье, особенно в начале лета. То там, то здесь в толпе раздавался шепот, что это сам бог Индра прибыл посмотреть на казнь.

— Не надо! Пожалуйста, не надо!

Полный отчаянья крик донесся с наскоро сооруженного помоста.

Гул собравшейся вокруг толпы не мог заглушить звуков этого голоса. Но народ остался глух к призыву.

— Я не убивал! Клянусь вам, я не убивал.

Молодого парня туранской внешности тащили под руки к виселице. Он упирался и старался вырваться из объятий двух стражей, каждый из которых был на голову выше своего подопечного. При этом парень непрестанно причитал на дивной смеси туранского и вендийского языков.

Люди смотрели на приговоренного к смерти туранца без ненависти и без сожаления. Они только хотели удостовериться, что казнь свершится.

Стражи передали пленника в руки палача, который неспешным выверенным движением надел ему на шею веревочную петлю. Туранец дрожал всем телом. Он в последний раз окинул взглядом толпу в тщетной надежде, что кто-нибудь придет к нему на помощь.

— Сотник, не бросай меня! Ты же знаешь правду!

Несчастный обращался к высокому голубоглазому киммерийцу, что стоял в отдалении. На миг возникло такое впечатление, что вот-вот случится невозможное. Северянин положил руку на эфес сабли и сделал шаг вперед, но потом остановился.

— Конан!

Реакция киммерийца стала для приговоренного последней каплей. Он разрыдался и окончательно утратил волю к сопротивлению. Палач попросил его встать на специально заготовленную скамеечку, затем отрегулировал длину веревки и закрепил ее свободный конец.

— Молись, — посоветовал он туранцу.

Тот не услышал его слов либо счел их недостойными внимания. Его пустой невидящий взгляд замер в одной точке, где-то над головами собравшихся.

Без вступительных слов и ритуалов казнедей выбил скамейку из-под ног у туранца. Раздался хруст шейных позвонков, и вот уже безжизненное тело раскачивалось в петле, свободное от страха и отчаянья.

Не было слышно приветственных криков, ни одной улыбки не появилось на лицах зрителей в миг торжества правосудия. Случилось то, что должно было случиться, и радоваться, по мнению жителей Айодхьи, здесь было абсолютно нечему.

Конан ненавидел этих людей. Он не понимал их безразличия, не понимал, как они могут оставаться спокойными. Его собственная душа была полна противоречивых чувств, главными из которых были стыд и презрение к самому себе. Киммериец замер на месте, не в силах отвести взгляда от виселицы. Только что умер человек, солдат, за которого он был в ответе.

Но самым страшным испытанием для совести северянина были те слова, что Хамар произнес перед смертью. Туранец сказал, что Конану известна правда. Что если он и вправду был невиновен? Могла ли произойти ошибка?

— Идем отсюда, Конан. Посмотри, уже никого нет. Здесь только ты да я.

Симпатичная молодая вендийка с совершенно кукольным лицом взяла под руку киммерийца и повела его прочь от места казни. Ростом она едва доставала Конану до середины груди, и со стороны они вдвоем смотрелись несколько необычно. Одета девушка была на туранский манер.

Внезапно киммериец замер на месте.

— Я должен забрать его тело.

— Успокойся, — голос вендийки был полон нежности и сострадания. — О Хамаре позаботятся. Можешь не сомневаться, его уже вынули из петли и готовят к погребению. Вам предложат самим провести обряд. Думаю, гонца стоит ждать сегодня вечером.

— Конечно, Рамини, — сказал Конан. — Я помню обычай. Но сейчас я сам не свой, мысли путаются. Ты слышала те слова, что он адресовал мне?

— Все их слышали, — ответила девушка, увлекая северянина дальше по дороге. — Он до последнего момента надеялся на спасение.

— Он любил жизнь, — произнес Конан.

Начался дождь. В любой другой день киммериец бы радовался ему, как брату, а сейчас даже не обращал внимания на сбегающие по его лицу капли. Другое дело, Рамини, одежды которой, пропитавшись влагой, стали плотно облегать ее точеную фигуру.

— Конан, скорее, — поторопила они киммерийца.

Взявшись за руки, они побежали вперед по улице к возвышавшемуся вдали храму Иштар.

Гроза набирала силу, сверкали молнии, слышались раскаты грома. Большая часть жителей вендейской столицы укрылась в своих домах или просто под навесами. Но кое-кто специально вышел на улицу, дабы обратить свой лик к небесам, чей цвет сейчас приближался к черному. Эти люди плясали, смеялись, приветствовали бога, которого несколько веков назад брамины объявили погибшим. Две синие вертикальные черты украшали их щеки, символизируя принадлежность к культу Индры.

Тяжелые струи дождя размывали землю, превращая дороги Айодхьи в сплошную грязевую лужу. Снежно-белые одеяния Рамини покрылись красно-коричневыми разводами, та же участь постигла и широкие шелковые штаны киммерийца

Поклонники Индры благоразумно уступали дорогу Конану и его спутнице, не забывая при этом благословлять путников именем бога грозы. Киммерийцу хотелось втотпать их всех до единого в грязь, убить, уничтожить, стереть с лица земли. Ему передавалась их уверенность в том, что казнь совершили именно волей Индры. Но северянин держался, напоминал себе, что Хамар так и не смог убедить его в своей невиновности. Эти люди здесь были совершенно не причем, равно как и их бог.

Храм Иштар возвели в столице Вендии три сотни лет тому назад. Вендийцы с радостью приняли хайборийскую богиню семи в свой обширный пантеон и отвели ей в нем весьма значительную роль. Само строение было выполнено в том же стиле, что и местные храмы. За округлым каменным забором располагалось красивейшее здание из белого мрамора высотой примерно в тридцать локтей. Внутри находились покой жрецов и молельни, сама же статуя богини, опять-таки согласно вендейской традиции, стояла с задней стороны храма. Там была специально расчищенная площадка, на которой могли разместиться до трех десятков человек, возжелавших узреть лик Иштар.

Рамини и Конан проскользнули внутрь храма мимо двух огромных стражей, которые недвижимо стояли у его ворот. Киммериец чужаком здесь не считался, но даже если бы он появился здесь впервые, в присутствии верховной жрицы Иштар охранники не посмели бы усомниться в его праве посетить храм.

— Конан, я боюсь за тебя, — Рамини прижалась к северянину всем телом. — Ты так

смотрел на этих людей. Я думала, что ты на них набросишься, а мне не достанет сил тебя остановить.

Киммериец обнял вендику и наклонил к ней голову. Рамини тут же воспользовалась этим и впилась губами в уста северянина. Он с жаром ответил на поцелуй. Прижав жрицу к стене, он начал ласкать её груди и бедра.

— Ко мне, — только смогла прошептать вендику.

Конан поднял Рамини на руки и понес в её покой. Она казалась северянину легкой, словно пушинка. По дороге киммерийцу встретились две младшие жрицы, одарившие его весьма недвусмысленными улыбками. Но Конан покачал головой. Сейчас он хотел только Рамини. Её ласки станут лекарством для его израненной души, помогут найти успокоение. Потом можно будет внести разнообразие в любовные игры, вендику никогда не отказывалась от подобных вещей, но не сейчас.

Северянин уложил верховную жрицу на кровать и начал освобождать ее от одежды. Рамини в это время покрывала поцелуями его шею и грудь. Конану нравилась та нежность, с которой вендику подходила к процессу наслаждения телами друг друга. Она любила, когда северянин ласкал ее груди с маленькими рубиновыми сосками, любила, когда он целовал ее полные алые губы, когда гладил ее шелковые черные волосы. Она смотрела ему в глаза, и Конан видел там обожание. Верховная жрица Иштар вверяла ему свое миниатюрное, изящное тело и знала, что расплатой за это станет лишь неземное наслаждение. Когда киммериец яростно и самозабвенно любил ее, она дрожала и постанывала от удовольствия, обнимая его, теснее прижимая к себе.

— О чём ты сейчас думаешь? — спросила Рамини, когда все закончилось. Конан лежал на спине и смотрел в потолок. Вендику, положив голову ему на грудь, запускала в длинные черные волосы северянина.

— Ни о чём, — признался киммериец. — Мне хорошо.

— Я рада, что смогла доставить тебе удовольствие. Хочешь, я позву подруг?

— Не стоит, — Конан едва заметно покачал головой. — Они все разрушат. Я начну вспоминать то, что желаю забыть.

— В прошлые разы, — напомнила северянину Рамини, — они с успехом отвлекали тебя от повседневных забот. На протяжении двух суток ты мог думать только о трех женщинах, даривших тебе свою любовь на этом самом ложе.

— Поражаюсь я вашим нравам.

Рамини кокетливо улыбнулась киммерийцу, который уже отвлекся от созерцания потолка и сейчас нежно гладил ее спинку.

— И от кого я это слышу?! — притворно возмутилась вендику.

— Мне доводилось заглядывать в копии ваших священных текстов. В Шадизаре я общался, заметь, исключительно словесно, со жрицами вашего культа, и они мне показались весьма целомудренными женщинами. В конце концов, Иштар — богиня семейного очага. Я не против наших встреч, особенно когда они проходят в такой форме, но к пониманию царящей здесь свободы нравов меня это нисколько не приближает.

Рамини звонко рассмеялась. За резными дверями комнаты верховной жрицы мелькнула тень девушки. Конан не сомневался, что она не только подслушивала их разговор, но и наблюдала предшествовавшую ему сцену.

— Нам надо завоевывать популярность в этих краях. Боги приходят в Вендию и остаются здесь навсегда. Даже у таких пережитков прошлого, как Индра, всё еще есть последователи. Это не Туран и не Аквилония, где официально признанных небожителей можно по пальцам пересчитать, тут их тысячи. Приходится быть оригинальными, чтобы оставаться на плаву.

— В храме Дэркето жрицы тоже отдаются каждому желающему.

Верховная жрица Иштар приподнялась на локте и негодующе воззрилась на Конана.

— За кого ты меня принимаешь, варвар?! — возмутилась она. — За одну из этих шлюх?! И это после той любви, которой я тебя одарила!

— Успокойся, Рамини. Прошу тебя, — примиряюще сказал киммериец. — Я же говорил тебе, что суть происходящего от меня ускользает. Объясни мне, в чем отличие.

— Непонимание тебя не оправдывает, — ответила Рамини. — Как можно сравнивать Иштар и Дэркето?!

Конан понял, что спорить бесполезно. Придав лицу самое невинное выражение, он стал ждать объяснений жрицы.

— Все вы, мужчины, одинаковы, — повторила вендишка традиционную женскую истину. Но тон ее уже был скорее не гневный, а снисходительный. — Прислужницы Дэркето не отделяют любви плотской от любви духовной. Весь смысл жизни они видят в непрерывном получении наслаждения и не скрывают этого. Заметь, Конан, вендицы в их храм почти не заглядывают. Жрицы сетовой шлюхи служат подстилками исключительно для грязных солдафонов и заезжих торговцев, что не брезгуют даже мальчиками. Но случаются дни, когда даже таких посетителей у них не бывает, и им приходится удовлетворять друг друга.

Киммериец мог, конечно, обидеться на «грязных солдафонов», но решил этого не делать.

— Для нас же плоть — это средство, — продолжала Рамини. — Вендиеские боги завещают своим последователям предаваться любви, женщинам получать удовольствие от мужчин, а мужчинам от женщин. Но при этом они требуют хранить верность супругам, а это, как нетрудно догадаться, идет вразрез с первым их заветом. Конан, тебе уже встречались тантристы?

Северянин кивнул.

— Их секты возникли именно из-за этого противоречия, — объяснила верховная жрица Иштар. — Они проповедует мясоедство и отказ от моногамии.

— Кроме этого, постоянные молитвы, — напомнил Конан, — и изучение древних магических трактатов. Одна из твоих девушек предостерегала меня от связей с ними.

— Предрассудки, — фыркнула Рамини. — Ничего они не смыслят в магии, а боги отвернулись от них из-за разврата.

— Хорошо, хорошо, — согласился киммериец. — Ты отвлеклась. Я хочу послушать про то, как подается в Вендине учение Иштар.

— Мы совместили принципы тантрических сект и традиционные постулаты о моногамии. В основе всего лежит крепость и нерушимость семейных уз. Но в Вендине, с её традициями, подобное возможно лишь в случае полного удовлетворения со стороны обоих супругов. В нашем храме они могут открыть в себе новые начала и одновременно очиститься от греховных помыслов.

— Вступив в связь со жрицей.

— Да, Конан. Каждая из нас в момент слияния перестает быть женщиной и становится дланью Иштар. Через нас богиня наставляет, обучает и указывает путь. Но не надо думать, что только муж ощущает на себе ее прикосновение, супруга его также обретает новые знания.

— Значит, те двое не только у дверей стоят?

— Что ты говоришь?! К таинствам Иштар допускаются только женщины. Но, поверь, нашего искусства хватает на всех.

— А зачем же тогда тебе я? — поинтересовался Конан. — Почувствовала себя одинокой — позвала подружек, и все дела.

— Вот уедешь в свой Туран, — недовольно произнесла Рамини, — именно так и буду поступать.

— Но пока я еще здесь, — как-то отрешенно сказал Конан.

— Что случилось, любимый? — нежно спросила вендийка, заметившая перемену в настроении киммерийца.

— Не могу не думать о Хамаре, — ответил северянин. — Не получается у меня забыть, ведь пока я еще здесь.

Глава 2.

За день до казни. Тюрьма.

Внутри тюрьмы духота была еще сильнее, чем снаружи. Конану казалось, что это невозможно, но с реальностью не поспоришь. Воздух в Вендии обычно насыщен влагой, но чтобы настолько? Похоже, что приближалась гроза

Стражник, что вел Конана вниз, в казематы, страшно пыхтел и то и дело вытирая рукой пот со лба. Жарко ему было в доспехах.

— Возьмите факел, — велел вендиец Конану. — В камере темно, вам понадобится свет.

Киммериец послушался.

В отблесках света, единственные источники которого находились в руках у северянина и его провожатого, коридор выглядел таинственным и пугающим. Казалось, в камерах были заточены не живые люди, а пищачи, демоны-людоеды, которых, если верить местным преданиям, в Вендии водится великое множество.

Внезапно стражник споткнулся и упал, выронив факел и связку ключей. Конан помог вендицу подняться.

— Каждый раз, когда сюда спускаюсь, — произнес страж, поднимая упавшие предметы, — что-то да приключается. То ногу подверну, то порежусь обо что-нибудь. Злое здесь место, проклятое.

— Пожалуй, — признал киммериец.

В камерах на нижнем этаже городской тюрьмы ожидали своего приговора только самые отпетые негодяи. Убийцы, насильники, пособники демонов. Где-то тут сидел и Хамар.

Из-за дверей доносились непонятные шорохи, шепот. Как киммериец не прислушивался, ему не удавалось различить слов. Некоторые заключенные при их приближении оживлялись, другие, наоборот, затихали.

Нигде в мире, кроме Вендии, не могло существовать подобных узилищ. Вендицы чрезвычайно трепетно относились к жизни и старались не отнимать ее понапрасну, боясь через это навредить своей карме. Потому суд их был по большей части справедливым, но вот скорость принятия решений у него была незавидная. В Шадизаре всех томившихся здесь заключенных давным-давно бы перевешали.

— Вам сюда, — страж указал на железную дверь, не имевшую никаких опознавательных знаков.

Закрепив факел в держателе на стене, он отодвинул в сторону засов, затем открыл верхний замок, следом за ним нижний. Действия эти он совершал левой рукой, в правой держал короткий кинжал на случай, если узник решится на побег. В данном случае — пустая формальность. Хамар был не из тех, кто способен на подобное безумство. Впрочем, будь оно иначе, в провожатые ему не доверили бы всего одного стража.

— Если что-то случится, — сказал вендиец Конану перед тем, как впустить его в камеру, — стучите в дверь, я услышу.

— Хорошо, — кивнул киммериец.

Он немного удивился, что стражник решился оставить их с Хамаром наедине. Возможно, он останется неподалеку и сможет подслушивать, но, по крайней мере, не будет своим видом смущать туранца.

Конан толкнул дверь и она нехотя, со скрипом, отворилась.

Дышать в камере оказалось практически нечем. Киммериец покрылся потом почти сразу же, как только за ним закрылась дверь. Хамар сидел в углу и не шевелился. Конан бы ничуть не удивился, если бы выяснилось, что он мертв. Вот вам и вендиjsкая справедливость!

Но, нет. Хамар медленно повернул голову в сторону двери. Несколько мгновений он приглядывался к Конану — сказывалось отсутствие света в камере. Факел в руках киммерийца ослеплял узника.

— Сотник, — прошептал турланец. — Ты пришел.

— Мне передали, что ты хочешь меня видеть, — ответил киммериец.

Он так и не определился, как относится к этому человеку. С одной стороны, турланец на протяжении долгого времени был его верным товарищем, преодолевшим вместе с ним и другими солдатами царя Илдиза нелегкий путь из Турана в Вендию. Случалось Хамару и прикрывать спину своего командира в схватках с разбойниками. Но с другой стороны, содеянному им не было ни прощения, ни объяснения.

— Конан! — Хамар, убедившийся, что перед ним не фантом, подбежал к киммерийцу и упал перед ним на колени. — Спаси меня! Я не хочу умирать!

— Тебя судили, — сказал Конан. На турланца он старался не смотреть, вместо этого обводил взором камеру. Голый пол, голые стены. Лишь дыра в уголке, чтобы справлять нужду. — И вынесли приговор. Справедливый.

— Они ошиблись, сотник, — заплакал Хамар. — Я не делал того, в чем меня обвинили. Я никого не убивал.

Растерянности только прибавлялось. Конан знал, что турланец продолжает лгать. Доказательства его вины были неоспоримыми. Хотелось потребовать, чтобы Хамар хоть сейчас нашел в себе смелость сказать правду, но киммериец понимал, что если турланец сознается, то он сам убьет его здесь и сейчас.

— Говори, — велел Конан Хамару, усаживаясь на каменный пол. Факел он положил перед собой. — Можешь попытаться убедить меня в своей правоте, можешь облегчить душу. Тебе решать. Я тебя выслушаю и не потому, что уже пришел сюда и мне обидно будет уйти просто так. Нет. Дело в том, что я тебя не знаю. Мне казалось, я успел отлично изучить весь свой отряд за то время, пока мы шли в Айодхью. Но я ошибся. Ты оказался совершенно незнакомым мне человеком. И я хочу понять, кто ты такой, Хамар, пока у меня есть такая возможность.

Турланец тяжело вздохнул. За три дня, прошедшие с момента ареста, он очень изменился. Красивые густые волосы сбились в колтуны, щеки стали впалыми, словно у мертвеца, руки дрожали, а неестественная бледность лица была заметна даже в неровном свете факела. Конан с трудом узнавал в стоявшем на коленях человеке одного из своих солдат.

Киммериец на собственной шкуре испытал, что такое быть приговоренным к смерти. Многие в такой ситуации ломались, теряли всякую волю к сопротивлению, другие ожесточались, грозились убить стражу или своих сокамерников, и очень часто это были не пустые слова. Встречались Конану и люди, подобные Хамару. Они настолько любили жизнь, что мысль о казни сводила их с ума. Не было им утешения ни в гневе, ни в смиренении. Казалось, они только и делали что считали те мгновения, что осталось им провести на этом свете. В глубине души каждого такого узника еще жила надежда на спасение, но они не прилагали никаких усилий, чтобы обратить ее в реальность, только причитали и оплакивали свою горькую участь. Ужасное зрелище.

— Я расскажу тебе правду, сотник, — сказал Хамар, заглядывая в глаза Конану. — Я побоялся открыть ее судье. Хотя у меня не было выхода. Страшно подумать, что со мной сотворили бы вендицы, узнай они все.

Вместо того чтобы начать оправдываться, турланец решил поведать о еще более страшном

преступлении. Такого Конан не ожидал. Похоже, он совсем не знал своего солдата.

— Знаю, ты долго жил в Шадизаре, — обратился к киммерийцу Хамар. — Ты слышал о Зархебе?

— Да, его история была у всех на слуху, — ответил Конан, — когда я прибыл в город, непрошло еще и седмицы с той поры, как его не стало.

— Что тебе известно о нем? — спросил туранец.

— Он был смелым вором, — сказал киммериец. — Отчаянным. Брался за те заказы, что считались невыполнимыми. Зархеб не очень хорошо умел прятаться, зато сражался замечательно, и потому за ним тянулся длинный кровавый след. Все знали, что рано или поздно ему придет конец, и вот однажды это и случилось.

— И что же говорили люди об этом последнем заказе?

— Много чего, — ответил Конан. — Например, что он залез в башню к магу и тот обратил его в таракана, или что некий шемит в своей сокровищнице обустроил ловушку-лабиринт и сам нанял Зархеба, чтобы заманить его внутрь, и прочее в том же духе. Подозреваю, что правды в этих слухах не было ни на грош. Точнее, сначала я им поверил, но потом пообвыкся в городе и понял, что все это чушь. Известный на весь Шадизар вор просто исчез безо всяких следов, но такой финал жизни Зархеба пришелся народу не по душе, вот и напридумывали люди небылиц. Полагаю, Хамар, сейчас ты мне расскажешь, что же там произошло на самом деле. Или лучше называть тебя Зархеб?

Конан вспоминал все, что он знал о Хамаре. Мог ли он оказаться тем легендарным вором, или это всего лишь уловка? В принципе, киммериец готов был поверить солдату. Если допустить, что Зархеб повредился рассудком, то вполне вероятно, что он мог совершить те преступления, в которых обвиняли Хамара.

— Не надо, сотник, — сказал туранец. — В этой стране даже случайное упоминание моего прошлого имени может стоить тебе жизни.

Киммериец вспомнил о страже, что, вполне возможно, сейчас подслушивает их разговор. Но звука удаляющихся шагов слышно не было, значит, докладывать об услышанном он пока не побежал. Конан приложил палец к губам, предлагая Хамару немного помолчать, подошел к двери и ударил по ней ногой.

Вендиэц прибежал быстро, но, насколько сумел оценить Конан, все это время он находился слишком далеко, чтобы слышать их беседу.

— Что-то случилось? — спросил страж.

Конан достал из кошелька три серебряные вендиэцкие монеты и вложил их в руку своего провожатого.

— Закрой на время свои уши, — попросил его киммериец. — Он боится говорить в твоем обществе.

— Не верьте ему, господин, — посоветовал Конану вендиэц. Монеты он взял. — Они все врут, надеются, что им это поможет. Но отсюда только один путь — на виселицу.

— Благодарю за участие, — сказал северянин.

— Я знаю, как далеко надо отойти, — успокоил вендиэц Конана, вышедшего вслед за ним в коридор, чтобы убедиться, что просьба его будет исполнена. — Многие узники стесняются стражи.

Вендиэц миновал семь дверей, остановился у восьмой и вопросительно посмотрел на Конана. Киммериец кивнул, расстояние показалось ему достаточным.

Хамар же за все это время не издал ни единого звука и даже не пошевелился. В этой позе он напоминал статуэтку одного из бесчисленных вендиэцких божков, призывающих к аскетическому образу жизни.

— Он ушел, — сказал Конан. — Можешь говорить спокойно, я различу его шаги, если он вздумает приблизиться.

— Спасибо, сотник, — поблагодарил Хамар. — Не думаю, что этот человек достаточно сведущ, но он мог донести браминам, и тогда нам бы пришлось очень плохо.

— Так что же произошло тогда в Шадизаре?

— Знаешь, Конан, с тех пор я очень сильно переменился. Солдат Хамар — это не вор Зархеб. В этом-то мне тебя не убедить, но я прошу поверить. В Заморе я совершил глупость, о которой сейчас и не помыслил бы.

— Мне достанет ума во всем разобраться. Я пришел сюда, чтобы слушать тебя и попытаться понять.

— От друзей я узнал, — произнес Хамар, — что в Шадизар с визитом прибыл некий вендиjsкий князь, я даже не удосужился узнать его имени. Он разместился в одном из городских дворцов наместника. Высокие стены, надежная охрана, богатая добыча — просто вызов для меня прежнего. Что самое обидное, в тот раз я действительно основательно подготовился к проникновению в дом. Раздобыл план дома, выяснил маршруты следования патрулей в ночное время, приготовил угощение со сноторвным для псов, которых выпускали в сад за стеной, купил у мага разных снадобий, дымовых, для отвода глаз и прочих. С тем, чтобы попасть во дворец, у меня проблем не возникло, никто меня не заметил, даже мимо собак удалось спокойно проскочить. Но где князь может хранить дары, что он привез с собой из Вендии, я не знал. Для начала, на всякий случай, заглянул в сокровищницу, но она оказалась пуста. Очень редко бывает так, что визитеры расстаются со своими ценностями. Глупо, на самом деле. Дома не дураки строят, и места для хранилищ выбираются самые надежные. В ту же сокровищницу мне ни за что бы не проникнуть, если б перед ней организовали нормальные охранные посты.

— В тонкости ремесла можешь не посвящать.

— Значит, я был прав, и ты тот самый вор-северянин, что наделал в Шадизаре столько шума?

— Продолжай, но без таких подробностей, — Конан не собирался рассказывать осужденному на смерть солдату о своей прошлой жизни. О ней в Туране мало кто знал, и киммериец не собирался делать еще одно исключение. — Мне приходилось общаться с ворами, но не более того.

— Я понял, — сказал Хамар. Впервые на его лице появилась улыбка. Он разглядел в Конане брата-вора и теперь надеялся на его сострадание и помощь. Скорее всего, напрасно. — После сокровищницы я прямиком направился в хозяйственную комнату, ни к чему было тянуть время. Миновать охранников не было никакой возможности. Пришлось их убить, к счастью, обошлось без лишнего шума. Тела я отволок в угол потемнее, хотя и знал, что до смены стражи еще целый колокол. Я очень надеялся, что князь уже спал, тем более что никаких звуков из комнаты не доносилось, но он, оказывается, просто читал. Заметив меня, он все понял и схватился за саблю. Давненько я не видел, чтобы люди так сражались, отчаянно, бесстрашно. Позже мне на ум пришло сравнение с загнанной в угол крысой. Если бы я додумался до этого в тот миг, когда кончик моей сабли пронзил его сердце, то не сидеть бы мне сейчас здесь. Только расправившись с ним, я заметил его жену. Она сидела на постели, поджав под себя ноги, и смотрела на меня. Я очень испугался, что княжна в любой момент может отойти от шока и поднять крик, мы-то с её мужем сражались практически бесшумно. Она было открыла рот, собираясь то ли закричать, то ли что-то сказать мне, но тут один из моих метательных ножей вонзился ей в шею. Вместо слов раздалось непонятное бульканье, а спустя мгновение женщина осела на кровать. Раскаянья я не испытывал, князь первым напал на меня, а его жена расплатилась за безрассудство мужа. Набросив покрывало на тело женщины — из её горла бил фонтан крови, на которой очень

неприятно было смотреть, я начал обыскивать комнаты. Обшарил все сундуки и ящики, заглянул под ковры, простоял все стены, надеясь обнаружить там тайник, но все напрасно. Я был в ярости: едва не погиб, а награды за это никакой. Но кое-как я взял себя в руки, сообразив, что слишком задержался во дворце и охрана вот-вот обнаружит какое-нибудь свидетельство моего присутствия и начнет поиски. Ставив перстни с пальцев князя и его жены, я покинул комнату и направился к полуночному выходу в сад, где припрятал веревку с «кошкой». Впереди показался балкон, с него спрыгнуть вниз, добежать до тайника у стены, и уже никакая погоня не страшна – и тут из-за моей спини выскочила тень и произнесла: «Постой». Я обернулся, присмотрелся. Оказалось, что это мужчина, одетый на вендейский манер. Судя по голосу, еще молодой. Нападать он не спешил, как и звать на помощь. «Кто ты?» – спросил он. Снова гнев и страх возобладали во мне, я подошел к вендицу и, не говоря ни слова, рубанул его саблей по животу. Уже спускаясь с балкона, я различил его слова: «Как рано кончился мой путь. Сколького я не успел сказать». Никто не догадался, кто побывал в ту ночь в доме князя. Стража обыскивала весь город, но примет вора у нее не было, а перстни я на всякий случай выкинул. Однако было у меня чувство, что удача меня оставила, а значит, пришла пора уезжать из Шадизара. Ни с кем не прощаясь, благо друзей, с которыми было бы жаль расставаться, у меня в городе не водилось, я отправился в дорогу. В пути я совершенно случайно узнал, что в комнате, где я жил, на следующий день после моего отъезда случился пожар, но не придал этому значения.

— Тебе ведь тогда только-только исполнилось шестнадцать, так? — Конан посчитал в уме примерный возраст Хамара в те дни. В рассказах о Зархебе этот аспект почему-то всегда опускался. — Вел себя ты точно как мальчишка. И ума тебе не доставало.

— Ты прав, сотник, — согласился турец. — Я был глупцом. Не догадался, каких дел натворил в доме князя. Чудо, что мне удалось дожить до этого дня.

— Кем был тот человек, которого ты убил? — спросил киммериец. — Сыном правителя Вендии? Наследником?

— Хуже, — вздохнул Хамар. — Он был земным воплощением, аватарой бога Вишну. Девятой. Восьмая жила достаточно долго и славно, чтобы заслужить личную божественность и возможность пребывать на небесах. Я говорю о Кришне. У Вишну после него осталось всего две аватары, и прихода девятой вендицы ожидали и ожидают с великим нетерпением. Брамины не рассказали простым людям, что бог погиб по случайности, от руки вора. Это воплощение Вишну было весьма необычным, оно очень сильно отличалось от всех остальных. Как только бог осознал себя, он попросил правителя Вендии позволить ему посмотреть мир прежде, чем явить людям свою сущность. От убийц, что послали за мной родственники князя, я немного узнал о его учении. Он говорил о желаниях, что губят душу, и о необходимости отречения от них, о равенстве людей перед богами и друг перед другом, о любви, сострадании и прощении. Слуги князя надеялись, что я осознаю преступность своего деяния и сам преклоню голову и покаюсь. И они добились своего. Если бы я мог вернуть жизнь этой аватаре Вишну, то согласился бы безропотно принять смерть. Он стал бы величайшим и лучшим из богов Хайбории, а не успел даже обрести имени. Но прошлого было не изменить, и я продолжал сражаться.

— Когда тебя впервые настигли убийцы? — Конан желал проникнуть во все детали рассказа. Если сказанное Хамаром правда, то весь отряд, посланный царем Илдизом в Турцию, подвергался смертельной опасности.

— В Аренджуне, — ответил Хамар. — Я решил оставить не только Шадизар, но и Замору, отправиться на родину, в Султанапур. Половину пути из города воров до столицы я преодолел вместе с караваном, но потом не выдержал их медленного темпа и двинулся дальше в одиночестве. В маленькой деревушке, где я остановился на ночь, мне встретился большой отряд стражи. Они получили соколиной почтой весть, что на мой караван совершили нападение

разбойники. И вот, интересная деталь: они подчистую вырезали всех туранцев; кроме них погибло только двое заморийских охранников. Я сообразил, что это могло быть связано и с пожаром — о нем я, кстати, тоже узнал случайно, — и с моим неудачным визитом во дворец вендица. Родственники и слуги князя как-то вышли на мой след и теперь желали отомстить за отца и господина. Наглости тогда во мне было хоть отбавляй. Прибыв в Аренджун, я сам устроил ловушку для посланных за мной охотников. Повезло, что они оказались не профессиональными убийцами, а простыми воинами, хоть и одержимыми идеей отплатить мне за поверженного бога. Четверых я сразил из арбалета, двух оставшихся убил саблей. Перед смертью они рассказали мне о воплощении Вишну. Их преданность богу произвела на меня впечатление. Они умоляли меня поговорить с сыном убитого мной князя и покаяться перед ним. И я решил исполнить их последнюю просьбу, осознав, что мне не скрыться и не убежать. В доме наследника меня ждала отнюдь не теплая встреча. Мне пришлось выдержать схватку с шестью вендицами, в конце которой меня взяли в плен. Но сын князя оказался человеком благородным и не склонным к горячности, в отличие от отца. Он выслушал мои слова и даровал мне прощение. «Так завещал тот, кого ты сразил», — сказал он. Я попросил его рассказать мне об этом боге и о его учении. Мы беседовали с ним почти три колокола. Уходил я от наследника другим человеком.

— И что же дальше? — Конан не вполне понимал, что нашли вор Зархеб и сын князя в заветах бога, который не смог сам себя защитить.

— Я отправился в Султанапур, как и планировал, — сказал Хамар. — К матери. Но я оставил все мысли о воровстве и о насилии. Вновь и вновь я возвращался к словам наследника князя. Чистота деяний определяется чистотой помыслов, а ее можно было достичь лишь через смирение. Его же мне как раз и недоставало, но я работал над собой, понимая, что избрал нелегкий путь. Каждый день я выходил в море на лодке, которую приобрел на деньги, нажитые в Шадизаре, и ловил рыбу. Треть улова я отдавал матери, третью забирал себе, третью раздавал беднякам. Так я жил, понемногу забывая свое беспутное прошлое. Я даже начал рассказывать людям об учении моего бога, и они слушали меня. Во время одной из таких проповедей на меня и совершили покушение. Стрела пронзила женщину, случайно наклонившуюся за упавшей монетой. Так получилось, что она загородила меня. Вмиг проснулись дремавшие во мне шадизарские навыки, они словно ожидали того момента, когда что-нибудь столкнет меня с пути недеяния и смирения. Я бросился вслед за убегавшим убийцем и настиг его через пару кварталов. Он отпался и не желал говорить. Пришлось прибегнуть к пыткам. Лишь оставшись без глаза, убийца осознал всю серьезность моих намерений. Он рассказал, что его наняли вендицы, чтобы справиться со мной. Я назвал ему имя княжеского сына и спросил, это ли заказчик. Убийца ответил, что этот человек никак не может им быть, потому что он уже мертв. Прежде чем прикончить наемника, я узнал имена его сообщников и где их можно найти. Получалось, что не все вендицы были так миролюбиво настроены, как покойный сын князя, и они вовсе не собирались позволять мне спокойно дожить свой век. Тогда я и решил, что пора Зархебу навсегда исчезнуть. Но прежде я навестил наемников и препроводил их на Серые Равнины. Конечно, мне повезло, что я сумел их всех одолеть, но этот риск был осознанным. После этого я купил себе новую одежду и вышел в море. Отойдя от берега на приличное расстояние, я переоделся и разбил лодку топором. По моим расчетам доски должно было отнести как раз к рыбакским причалам. Погода тогда была ненастная, а в море вокруг Султанапура полно торчащих из воды камней, о которые можно повредить суденышко вроде моего. Ухватившись за бревно покрепче, я поплыл в сторону полудня. И вновь судьба оказалась ко мне благосклонна. Мне не удалось совладать с волнами, и через три-четыре колокола у меня уже не оставалось сил, чтобы начать грести к берегу. Но ближе к вечеру течение и волны вынесли меня к нему. Оказавшись на суше, я тут же уснул и проспал всю ночь и половину

следующего дня. Потом почти сутки я плелся на полдень, изнывая от голода и жажды. Наконец мне встретилось человеческое поселение, рыбакская деревушка Ореза. Там меня напоили, дали еды и указали, как выйти на караванный путь в Аграпур. Назвался я жителям Орезы Хамаром, под этим именем и в столице Турана, куда я добрался, нанявшись охранником в караван. Дважды на нас нападали разбойники, и мне удалось неплохо проявить себя, хотя доспехов на мне не было, а саблю мне выдали из тех, что не годились на продажу, а выкинуть жадность не позволяла. Денег мне караванщики не заплатили, об этом и разговоров не велось, зато порекомендовали десятнику, искашему новобранцев в туранскую армию. Мне показалось, что среди солдат получится легко затеряться. Честно говоря, когда я услышал полгода спустя, что меня включили в сотню сопровождения для туранского посла в Вендию, то был готов снова пуститься в бега. Я подумал, что убийцы вновь отыскали меня и сейчас заманивают в свое логово, чтобы предать страшнейшим пыткам, а затем убить. Но потом понял, что никто не решился бы затевать ради моей персоны столь масштабную операцию. А в Вендию у меня появлялся шанс навсегда избавиться от своих страхов.

— Верю, что ты говоришь правду, — сказал Конан, хотя сильно сомневался в истинности слов туранца, — но это не оправдывает твоего преступления.

— Это еще не все, сотник, — глаза Хамара горели. Когда он говорил, то забывал о скорой смерти и становился собой прежним. — Я успел многое прочитать о Вендию за прошлые годы, сначала стремясь постичь суть аватары Вишну, затем надеясь отыскать спасение от наемных убийц. Язык этой страны стал для меня почти родным. Я изучил обычаи и нравы вендиев. Царь Илдиз вполне мог отправить меня сюда своим послом, думаю, он бы не прогадал. Но мне нужно было другое, то, что заставит касты браминов прекратить преследование. Существуют священные для вендиев клятвы, от которых они не отступятся, и я должен был заставить моих врагов принести их. Я собирался похитить одну из священных реликвий Кришны или Шивы, чтобы обменять ее на собственную безопасность. Мне не составило труда отыскать среди вендиев людей, готовых посодействовать моему предприятию. Мы терпеливо ждали, когда нам представится шанс. И вот четыре дня назад один из моих сообщников передал мне сообщение, что брамин Синта, известный шивайт, в честь рождения сына взял на пуджу из храма лингаму, сотворенную самим Шивой из своих чресел.

Конан припомнил, что пуджей называли семейный обряд богопочитания, а вот насчет лингамы сомневался. Вроде бы простой вертикальный столбик, но полной уверенности не было. В конце концов киммериец решил, что большого значения сей факт не имеет. Реликвия, она и есть реликвия.

— Охрана во дворце Синты была многочисленная, — продолжал Хамар, — и пробираться внутрь пришлось хитростью. Я переоделся в наряд почитателя Ситалы и заявил страже, что желаю присутствовать на пудже, дабы оградить новорожденного мальчика от влияния богини черной оспы. Вообще-то на церемонию принято допускать только родственников и близких друзей, но зловещей богини с полудня вендицы опасаются, вот и со мной решили не спорить, тем более что намерения у меня были якобы добрые.

На судилище Хамар рассказывал, что проник в дом брамина обычным воровским способом, перебравшись через стену. Вновь ложь. Но когда, сейчас или прежде?

— На пудже мало кто осмеливался вставать со мной рядом, — сказал туранец. — Готов поспорить, само мое присутствие многие друзья Синты приняли за знамение, и сейчас совершают паломничество на полдень, в храм богини Ситалы. За мной никто не наблюдал, и мне не составило труда затаиться во дворце, когда все стали расходиться. Я немного боялся, что меня хватятся стражники, но они, похоже, решили, что повелительница черной оспы провела меня мимо них незамеченным. В этой стране чрезвычайно сильна вера в духов и тесную

взаимосвязь с богами, подчас она ослепляет вендицийцев. Дождавшись полуночи, я вышел из своего укрытия и направился в комнату, где совершилась пуджа. Угощение, цветы, благовония, изображения богов – все это было на месте, а вот лингама исчезла. Я очень удивился, согласно обычаю она должна была остаться на ночь в комнате. И тут я совершил ту же ошибку, что и в Шадизаре, направившись в спальню к брамину. Чудом мне удалось избежать столкновения с патрулями. До меня доносился звук шагов стражников, и я в последний момент умудрялся отыскивать темные ниши, куда не проникал свет от их факелов. У дверей в спальню никто не дежурил. Внутри тоже все было спокойно. Уставший после обряда Синта спал как младенец. Я тщательно осмотрел помещение, но лингамы не обнаружил. После этого я выбрался из дворца и отправился в наш дом. Было обидно, но я надеялся, что брамин оставит лингаму и на следующие девять дней пуджи, а если и нет, то сыскалось бы что-нибудь другое. Что было дальше, ты знаешь.

— Хамар, это чушь! — киммериец злился на себя за то, что потратил время, выслушивая рассказы убийцы. — Ты был весь в крови. Ты сам, оружие, одежда! За ночь вся постель стала багровой. Дежурившие в ту ночь солдаты показали, что ты вернулся домой в какой-то жидкости с головы до ног. За тобой тянулся след! Прохожие видели тебя! И выжившие охранники брамина тоже. Они все дали твоё описание!

— Я не убивал их, Конан, — Хамар повалился на пол и заплакал. К нему вернулись все прежние страхи, он вспомнил, что ему завтра предстоит умереть. — Не убивал. Просто не мог убить. Я же не сумасшедший, сотник. Брамин, его жена, семеро детей, стражники. Я бы никогда не притронулся к ребенку, Конан. Даже в той прошлой жизни. Зархеб не убийца.

Туранец рыдал так сильно, что тело его то и дело вздрагивало. Он скреб руками пол, словно надеялся прокопать подземный ход.

— В дни предыдущих убийств, — сказал Конан, — тебя тоже не было среди солдат. Не нашлось ни одного человека, кто показал бы, что видел тебя в это время. Хамар, ты убил всех этих людей и завтра примешь за это смерть.

С этими словами киммериец поднялся на ноги и вышел из камеры.

— Не уходи, сотник! Молю! — доносились крики из-за спины. — Я же тебе все рассказал! Один ты знаешь правду!

— Можешь закрывать, — сказал киммериец подошедшему вендицу. — Мы поговорили.

Стражник грустно улыбнулся и покачал головой. Сначала нижний замок, затем верхний, следом за ними засовы.

Молча шли Конан и вендиец вперед по коридору в направлении выхода из тюрьмы. Сзади слышались мольбы Хамара — или же Зархеба. Он кричал, что невиновен, и заклинал киммерийца спасти его.

Северянину было жутко. Он жалел, что пришел сюда. Конан отдал последний долг своему солдату и услышал правду. Вор Зархеб слишком долго бегал от своих преследователей, и когда он волею случая очутился в Вендии, его разум не выдержал. Он убивал, сам не понимая того, что совершает. Скорее всего, Хамар искренне верил в ту историю, которую он только что рассказал. Большая часть его сознания еще оставалась нормальной, и она не понимала, почему должна отвечать за действия своей темной сестры. Туранцу предстояло умереть с твердой верой в свою невиновность. Конан корил себя за то, что не разглядел изъяна в разуме Хамара. Он мог предотвратить все эти убийства, но не сделал этого. Это его следовало бы повесить завтра.

— Держите, — страж протягивал Конану его серебряные монеты. — На вас тяжело смотреть. Ни к чему была эта беседа.

— Оставь себе. Мне это было нужно.

Глава 3.

День казни Хамара. Дворец туранского посланника.

— Что значит, вы отказались забрать тело?!

Конан стоял, оперевшись руками о стол посла Шеймасай.

Во дворец посланника киммериец прибыл сразу же, как узнал от вендейских солдат, что тело казненного преступника предали огню, а прах сбросили в реку. Сотник ни на миг не усомнился в том, чьих это рук дело.

— Хамар навлек позор на Туран, а потому не заслуживает тех похорон, что ты собрался для него устроить.

— Он был сумасшедшим, — кричал на посла Конан. Тот, казалось, не замечал нависавшего над ним киммерийца и продолжал спокойно заполнять какие-то свои бумаги. — Не понимал того, что натворил. Это даже вендийцы признавали.

— Повежливее, сотник, — холодно отрезал Шеймасай. — Ты очень близок к тому, чтобы навлечь на себя мой гнев. Поверь, мне есть что написать о твоем поведении в послании к царю Илдизу. Что ты злишься из-за того, что собаку похоронили по-собачьи? Эрлик всё равно не принял бы его душу. Или вас с Хамаром что-то связывало?

— Он был одним из моих солдат! — Конан начал перебирать в уме всевозможные способы предания Шеймасай смерти. Это помогало успокоиться.

— Мне кажется, было что-то большее, — посол наконец соизволил поднять голову. Взгляд его маленьких темных глаз был недобрым и колючим. — Мне рассказывали, что Хамар взывал к тебе перед казнью. Он упоминал некую тайну, в которую были посвящены вы оба. Что если это ты, сотник, задумал и организовал все убийства, а Хамар, бедный безумец, был лишь послушным проводником твоей воли? Может мне поговорить с властями Айодхьи, поделиться своими сомнениями?

— Дурак, — процидил сквозь зубы киммериец. — Можете хоть весь город оповестить о своих подозрениях. Тогда, надеюсь, Илдиз одумается и назначит на ваше место здравомыслящего человека.

— Пошел вон, — по слогам произнес Шеймасай.

Телохранители посла демонстративно коснулись своего оружия. Эти двое гигантов не входили в сотню киммерийца, а относились к непосредственной свите Шеймасай. Туранец не доверял посторонним людям, памятуя о незавидной участи своего предшественника на посту посланника в Венди.

Конан сплюнул на шикарный туранский ковер, развернулся, не отвесив обязательного поклона, и вышел из приемной. За его спиной Шеймасай махнул рукой стражам у дверей, чтобы те вернули киммерийцу его меч.

Суета, царившая во дворце посланника, раздражала северянина. Все куда-то спешили, сталкивались, кричали друг на друга. Охранники, прибывшие в Вендию вместе с Шеймасай, терялись в этой обстановке и замещали понимание повышенной требовательностью к себе и окружающим. Конана только за время последнего визита успели пять раз остановить и поинтересоваться, кто он такой и что здесь делает. И это при весьма приметной внешности киммерийца. На самом же деле умелому вору или убийце не составило бы труда незаметно пройти сквозь все эти посты и не обратить на себя внимания патрулей. Слишком много силтратила охрана на ликвидацию мнимых угроз. Интересно, они сами-то хоть осознавали, что как

стражи никуда не годятся?

Во дворцах вендейской знати все было иначе. Спокойствие и порядок ценились превыше всего. Все находящиеся внутри люди относились друг к другу с почтением, киммериец ни разу не слышал, чтобы кто-то повысил голос во время разговора. Разодетые в шелка и вооруженные широченными саблями охранники встречались только на входе во дворец и у покоев его владельцев; выполняли они по большей части декоративную функцию. Те люди, в чьи обязанности входило поддержание покоя и безопасности, на глаза старались не попадаться, но вору, вздумавшему освободить вендейского князя от части его сокровищ, пришлось бы немало потрудиться, чтобы исполнить задуманное. Еще Конану очень нравилось отношение вендейцев к чужеземным гостям. Не было такого случая, чтобы киммерийцу или кому-нибудь из его солдат не поднесли чашу с вином и не предложили бы отведать фруктов или сладостей. В Туране и Заморе такие знаки внимания хозяева оказывали чрезвычайно редко.

Даже сама архитектура туранского посольства словно противилась тому, что творилось внутри. Каждая деталь, каждая малая составляющая и вся их совокупность дышали изяществом. Камень, прошедший через руки вендейских мастеров, казался хрупким, как хрусталь. Росписи, мозаики, витражи лишь усиливали впечатление утонченности архитектурного замысла, возводили дворец в ранг произведения искусства. Стоило оказавшемуся внутри человеку отойти на шаг влево или вправо, как тут же менялось восприятие всего этого мраморного ансамбля. Конан не считал себя знатоком искусства, но он осознавал, сколь хрупкой является эта красота и как легко ее разрушить. Туранцы же этого не понимали или им было все равно. Слуги Шеймасай расстелили, где только могли, свои дурацкие ковры, замечательные фрески с видами природы заслонили грандиозными полотнами с изображениями побед туранской армии. Киммерийцу не нравилось столь непочтительное отношение к культуре другой страны. Это в детстве он с удовольствием громил Венариум, а сейчас успел многое увидеть и понять. Негоже взрослым людям вести себя так, словно они подростки. Вот покойный предшественник Шеймасай это понимал, и дворец к моменту прибытия в Вендию сотни Конана выглядел намного красивее, чем сейчас.

На улице уже вовсю светило солнце. После прохлады во дворце непривычно было ощущать горячее прикосновение его лучей. Но стоявшая уже несколько дней духота после грозы спала. Грязь на улицах за последние два колокола успела подсохнуть, и можно было не бояться перепачкаться с головы до ног.

К Конану подбежал рикша, весьма внушительного телосложения мужчина лет сорока, предлагая довезти туранского сотника, куда тот пожелает. Киммериец покачал головой. Теперь спешить было некуда. Впрочем, и беседу с послом Шеймасай тоже можно было отложить, но Конан желал поскорее высказать туранцу все, что он о нем думает.

Не спеша киммериец брел к находившемуся неподалеку старому дворцу, который вендыцы выделили для солдат царя Илдиза. Кто-то, как и Хамар, называл это строение домом, другие, в силу устоявшейся привычки, именовали казармой.

Контраст между жизнью во дворце и жизнью на улице был потрясающий. Иногда киммерийцу казалось, что людей в Айодхье находилось больше, чем способен был вместить в себя город. Навстречу северянину двигались не отдельно взятые индивидуумы, а целые толпы. Меж ними непонятным образом умудрялись лавировать носильщики с паланкинами. Все эти люди еще приспособились уступать дорогу коровам, привыкшим к своему священному статусу, а потому поразительно безразличным и наглым. По обеим сторонам улиц сидели попрошайки и торговцы. Время от времени заинтересовавшийся товарами вендиец отделялся от толпы и направлял к ним свои стопы, иногда происходило наоборот, и сами продавцы вклинивались в человеческую массу. Встречались на улицах и факиры, и заклинатели змей, и йоги. В дни

религиозных празднеств, что не редкость в Вендии, почитатели того или иного божества устраивали массовые шествия, и тогда становилось совсем не протолкнуться. Чужеземцу. Вендицы давным-давно приспособились и никаких неудобств не испытывали.

Думать в обстановке постоянной угрозы столкновения со случайным прохожим или же, упаси Кром, коровой киммериец не мог. Впрочем, именно такого состояния своего разума он и желал добиться. Слишком много было впечатлений за этот день. Сначала казнь Хамара. Любовные утехи с Рамини и ее подружками не принесли желанного облегчения. Сумасбродное решение Шеймасай вызвало еще большее замешательство в душе Конана. Он рассчитывал проститься с Хамаром и поскорее забыть об ужасной трагедии, виновником которой стал бывший вор. А сейчас северянин ощущал пустоту и не знал, чем ее заполнить. Прогулка через центр Айходы была для него средством временного отрешения от всех проблем.

Но вот дорога подошла к концу. Людской поток как-то быстро и незаметно вынес киммерийца к воротам казармы – он предпочитал именно это слово.

— Мы тебя уже заждались, сотник, — поприветствовал Конана высоченный Армас. — Хотели на поиски отправляться.

— Как все прошло, командир? — спросил Сабир. Киммериец не помнил, чтобы этот молодой красивый парень когда-нибудь улыбался. А сейчас-то тем более настроение у него было отнюдь не праздничное: он считался одним из немногих друзей Хамара. Сабир до последнего верил в его невиновность.

— Нормально, — ответил киммериец, похлопав солдата по плечу. — Он не мучился, шея сразу сломалась.

— Когда нам доставят тело? — поинтересовался Сабир. — Мы уже подготовили все для обряда, вот-вот жрец Эрлика подойдет.

— Отошлите его, — скрепя сердце произнес киммериец. К Хамару в сотне относились по-разному, но верили, что бог Огня рассудит его деяния по справедливости. Конану предстояло сообщить, что к Эрлику его душа не попадет. — Шеймасай приказал похоронить Хамара согласно вендицкой традиции, я не успел ему помешать.

— Командир..., — у Сабира не было слов.

— Его прах несколько колоколов назад высыпал в Рехар, — сказал Конан. — Вендицы верят, что воды священной реки очистят прах от всякой скверны, а душа сама отыщет свой путь. Я собираюсь сходить на берег, чтобы проститься с Хамаром. Хотел узнать, кто пойдет со мной. Остальных я отпущу, запрет на посещение города снимается.

— Сотник, найди кого-нибудь мне на смену, — попросил Сабир. — Я отправлюсь с тобой.

— Хорошо, Сабир.

Мысль сходить к священной реке посетила Конана совершенно неожиданно. Надо было что-то придумать, чтобы успокоить солдат, и в результате родилась недурная идея. Наверное, мало кто верил, что Хамар был и вправду невиновен и что заступничество Эрлика ему бы помогло. Но солдаты, подобно своему командиру, желали проститься с товарищем и тем самым очистить собственные души от груза предательства. Туранцы могли и не выдавать Хамара властям Вендии. Им сейчас нужен был символ того, что вины на них нет, и поход к реке в этом смысле был ничем не хуже костища.

Большинство солдат находилось в зале, соседствующей с купальнями. Там туранцы спасались от жары, но сегодня решили воздержаться от погружения в бассейн. Негоже верным слугам Эрлика предаваться низменным утехам в день казни их товарища, во всяком случае, до того, как настанет время проводить его в последний путь.

Киммериец вошел в залу практически бесшумно. Его не сразу заметили. Почти все взгляды устремлены были в пол. Кто-то искренне сопереживал Хамару, кто-то просто изнывал от

вынужденного безделья. Конан подозвал к себе Халила, одного из самых молодых воинов в сотне, и велел собрать всех оставшихся солдат. Киммерийцу поднесли чашу с вином и уступили место в его любимом кресле. Северянин кивком поблагодарил солдат.

Тишины никто так и не осмелился нарушить. После появления Конана все разговоры стихли, и сейчас воины ждали, что же скажет их командир.

Наконец вернулся Халил. Следом за ним в залу вошли еще двенадцать солдат. Лица у всех были мрачнее сегодняшних туч. Киммериец припомнил, что именно эти воины водили дружбу с Хамаром.

— Я был на казни, — начал Конан. Он пересказал солдатам события, происходившие на площади перед тюрьмой, свой разговор с вендейцами, сообщившими о сожжении тела Хамара, и кратко коснулся визита к Шеймасаи.

Вопросов туранцы задали совсем немного. Как и Сабир, поинтересовались, не мучился ли Хамар, спрашивали об особенностях венской традиции обращения с мертвцами. Многое Конан не знал и выдумывал на ходу наиболее приемлемые ответы.

— Что бы ни происходило на небесах, — сказал Конан, когда вопросов больше не осталось, — нам на земле надлежит отдать свой долг умершему. Я не призываю всех идти на берег Рехара, пусть это будут те, кто лучше всех знал Хамара при жизни. Остальные могут заняться чем пожелают. На сегодня приказов больше не будет.

Сотня начала медленно расходиться. В зале оставался примерно каждый пятый или шестой. Киммериец вспомнил, что обещал Сабиру назначить для него сменщика.

— Халил, — подозвал к себе парня Конан. Туранец явно хотел уйти, но никак не мог решиться. — Заменишь Сабира на страже. Понял?

— Сделаю, — ответил воин и умчался исполнять приказ.

В итоге к Рехару с Конаном собралось идти четырнадцать человек, включая Сабира.

Двигаться по Айодхье большой компанией было не в пример легче. Венды охотно уступали дорогу чужестранцам. Но радости по этому поводу на лицах солдат не читалось. Молчашли они сквозь бурлящую жизнью столицу Венды. Солнце уже склонялось к горизонту, и во многих храмах зазвучали гонги, призывая верующих на молитву.

Полноводный Рехар ограничивал столицу Венды со стороны полудня. В той части города, что примыкала к реке, располагались самые старые постройки, среди которых числился и бывший дворец правителя, и храмы погибших богов. На взгляд венцев Рехар был рекой священной, на взгляд чужеземцев — до невозможности грязной. Путешественники не то что пить, даже омываться в нем боялись. Чего не скажешь про венцев. Они залезали в реку толпами, надеясь снискать благоволение богов. Их нисколько не смущало то, что в Рехар сливалась все городские нечистоты и скидывали тела мертвцев из низших каст.

— Ужасное место, сотник, — сказал Сабир, когда отряд из пятнадцати человек достиг реки.

Конан не мог не согласиться. От мельтешения тел в водах Рехара рябило в глазах. Мужчины и женщины, младенцы и глубокие старики, здоровые и больные, приверженцы Вишну, Кришны, Шивы и всех прочих богов — каждый венец считал своим долгом совершить омовение, когда ему предоставлялась такая возможность.

Запах гнили и человеческих испражнений чувствовался еще на подходах к реке, здесь же и вовсе было не продохнуть. Конану казалось, что многие венцы не выдерживали этого зловония и, погрузившись в Рехар, оставались там навсегда.

— Всего второй раз здесь, — признался киммериец. — Надеюсь, что последний.

— Где именно они развеяли прах Хамара? — поинтересовался один из солдат.

— Не знаю, — честно ответил киммериец. — Я тогда очень разозлился, даже не подумал об этом спросить.

Туранцы молчали. Обвинить сотника ни у кого из них язык бы не повернулся.

— Думаю, у храма Агни, — решил наконец Конан. — Он — бог Огня, как и Эрлик. Не удивлюсь, если узнаю, что вендейцы не делают между ними разницы.

Предложение пойти к храму Агни ни у кого возражений не вызвало.

Киммериец остановил проходившего мимо щуплого старого вендейца и спросил у него, где можно помолиться богу Огня.

— Дома, — стариk улыбнулся так, словно Конан сказал какую-то глупость. — Найдите изображение Агни, соберите хорошую жертву и обращайтесь к нему. Если он жив, то он вас услышит.

— Я кое-что другое имел в виду, — произнес киммериец. — Мне нужно попасть в его храм. Такова традиция нашей страны.

— Для нас чужеземцы на одно лицо, но не настолько же, — добродушно рассмеялся вендиец. — Не обижайся, я понимаю, что у тебя с этими людьми одна вера, хоть происхождение и разное. Чтобы достичь храма Агни, надо отсюда идти на восход, примерно третью колокола. Там вы и найдете статую бога Огня. Это высокий мужчина, обернутый в развевающийся на ветру плащ.

— Благодарю тебя.

— Доброй дороги.

Киммериец вкратце перевел разговор на туранский. Вендейский в сотне знали лишь немногие, и учить его никто особенно не стремился.

Храмы, посвященные древним божествам, начались почти сразу же, стоило пройти немного вдоль реки на восход. Народу тут было меньше, чем среди руин дворца, к которому пятнадцать солдат царя Илдиза вышли сначала. Здесь люди уже не просто совершали омовения, а творили в воде какие-то непонятные ритуалы. Возле храма, перед которым возвышалась статуя широкоплечего мужчины, воздевшего руки к солнцу, сидели в позе лотоса три десятка вендейцев и медитировали.

Чувство гадливости, что посетило Конана при виде вод Рехара, постепенно отступало. В душе киммерийца возникло осознание невероятной древности старой Айодхьи. Одновременно с этим нарождался первобытный ужас. Проходя мимо полуразрушенных храмов и изображений божеств, северянин чувствовал, что все эти существа и впрямь некогда управляли жизнями вендейцев и что их уже больше нет. Время перемолото древних богов, оставил от них лишь память да каменные изваяния. Киммерийцу пришло на ум, что только в таких местах и осознаешь, как коротка и ничтожна человеческая жизнь. Конан старательно гнал из головы подобные мысли, но у него никак не получалось совладать с собственным разумом. Череда храмов неизменно возрождала все страхи и сомнения. Был только один способ избавиться от горестных дум: поскорее бежать отсюда. Но киммериец не мог принять сей эликсир, не раньше, чем он достигнет святилища Агни. Невольно у Конана возникла ассоциация с Хамаром, что страстно желал покинуть свое училище, но был не в состоянии этого сделать.

— Вот он! — первым статую Агни заметил Сабир.

Почти все после этих слов испустили вздох облегчения.

Сразу же прибавилось сил. Руины перестали казаться зловещими и непоколебимыми, а вендейцы, обращающиеся к богам из вод Рехара, вызывали лишь сочувственную улыбку.

Перед изображением Агни отряд замер. Скульптор, создавший эту статую, был, верно, гением. Даже спустя века она вызывала у созерцевавших ее людей невольное восхищение и благоговение, словно сам бог стоял перед ними.

— До Эрлика не дотягивает, — сказал кто-то из солдат.

Но на этот раз магия произнесенных вслух слов не смогла разрушить колдовского

очарования места. Один за другим воины Илдиза опускались на колени перед вендейским богом Огня, не стал исключением и Конан.

— Сохрани душу нашего брата, — обратился к Агни Сабир.

Конану хотелось верить, что в послесмертии для Хамара същется хоть какой-нибудь покровитель, будто то Эрлик, Бел или Агни. Туранец не ведал того, что творил. Не дело, если ему за этот грех придется расплачиваться и в ином мире.

— Пойдем к реке.

Киммериец не разобрал, кто это сказал. Вроде бы не Сабир.

Вендейцы, заметившие солдат, совершивших таинства у храма Агни, предпочли отойти подальше, дабы не мешать их ритуалам.

Не дойдя нескольких шагов до неспешно текущих вод Рехара, четырнадцать туранцев и киммериец опустились на землю.

«Путь созерцания и недеяния», — вспомнил Конан слова Хамара.

Трава вокруг, едва-едва пробивающаяся, была вытоптана ногами сохранившихся еще последователей Агни. Птицы, нисколько не боясь людей, разыскивали себе пропитание прямо у них под. В грязной, мутной воде плескалась рыба. Что бы подумал Хамар или его безымянный бог, обрати он свой взгляд на все это?

— Прочти молитву, — попросил Сабира усач, по имени Масул.

Сабир поднялся на ноги и, повинувшись какому-то неясному зову, вошел по щиколотку в Рехар.

Он обращался к богу Огня на гирканском. Так молились Эрлику в храмах Султанапура, откуда он был родом. Конан не знал этого каркающего наречья; местами встречались слова, сходные с туранскими, но общий смысл молитвы всё равно ускользал от киммерийца.

Когда Сабир закончил, диск солнца уже скрылся за горизонтом.

Пора было возвращаться в казармы.

— Давайте останемся здесь, — неожиданно предложил Масул. — Хвоста поблизости полным-полно, разведем костер, поговорим, вспомним Хамара.

— У меня вино с собой есть, — сказал самый молодой из отправившихся к реке солдат. — Думал принести в жертву, но лучше помянем им Хамара.

— Я согласен, — произнес Сабир. Остальные туранцы тоже закивали головами. — Что скажешь, сотник?

— Собирайте дрова, — ответил Конан, — пока совсем не стемнело.

Полколокола спустя солдаты уже сидели вокруг костра, разведенного в самом центре храма Агни, у которого, как выяснилось, отсутствовала крыша, и травили байки, так или иначе связанные с Хамаром. Об убийствах никто не вспоминал. Говорили только о хорошем или же смешном. Мешок с вином ходил по кругу.

Конан участия в разговоре не принимал. Он тоже вспоминал. Но не Хамара, а то, как все начиналось.

Глава 4.

За три дня до похода в Вендию. Дворец царя Илдиза.

Конану весь день говорили о том, какая это честь – лично встретиться с царем Илдизом Туранским, давали наставления, обучали. И если вначале, после первого разговора с тысячцким, киммериец особого волнения не испытал, то к моменту начала аудиенции он пребывал в состоянии легкого замешательства.

Но оказалось, что не все так страшно. Илдиз повелел сотнику забыть об этикете и говорить все, что тот сочтет нужным, не заботясь о форме подачи. Трем своим советникам и военачальнику, препроводившему Конана в покой, избранные для встречи, царь сразу же приказал удалиться. Кроме киммерийца и Илдиза, в огромной зале остались только пятеро царских телохранителей и группа танцовщиц, призванных услаждать взор занятых беседой господ.

Сам Илдиз вблизи выглядел старее, чем на парадах, но держался для своего возраста вполне бодро. Сказывался здоровый образ жизни. В противу многим придворным царь никогда не пользовал снадобья, изготовленные из лотоса, и не увлекался вином. Вот и сейчас, усевшись рядом с Конаном на огромных мягких подушках, он больше внимания уделял чашам с фруктами, нежели кувшинам с белым зингарским.

В начале беседы Илдиз расспросил Конана о его жизни. О прошлом и настоящем. Киммериец рассказывал все честно, не допуская лжи. Царь на его слова реагировал нормально, как самый обыкновенный человек. Чувствовалась в Илдизе искренность, подкупающая собеседника. Высокомерия же в нем не было никакой.

— Ладно, настало время поговорить о дела, — сказал царь, отсмеявшись после финала истории киммерийца про отмычки Бела. — Я могу доверять лишь немногим из тех, кто служит мне, и ты, Конан, — среди них. Дело даже не в том, что ты не раз доказывал свою преданность; просто я привык прислушиваться к своей интуиции, и она говорит, что ты не предашь и не обманешь.

— Не хочу показаться невежливым, царь Илдиз, — произнес сотник, — но почему тогда во дворце столько людей, о недобросовестности которых известно всем и каждому?

Илдиз с легким замешательством посмотрел на киммерийца, но потом понял, что Конан не подвергает сомнению его мудрость, а лишь желает услышать ответ.

— Государство, Конан, это не десяток солдат, не сотня и даже не тысяча, — произнес царь. — Нельзя приказать повесить всех негодяев и надеяться, что после этого наступит благодать. Одни, несмотря на свою порочную натуру, иногда бывают очень полезными, у других есть родственники, которых лучше иметь в союзниках, третья, подворовывая сотни, не позволяют украсть тысячи. Если однажды станешь правителем, ты поймешь, о чем я говорю, но до тех пор будешь считать мои слова оправданием лени и трусости. Но пусть лучше уж будет так. Я бы с радостью променял свою жизнь на бытие простого солдата или торговца, но не могу этого сделать.

Конан и впрямь не понимал того, что пытался объяснить ему Илдиз, но верил, что этот старик ставит благо своей страны превыше всего. Даже если б некий маг согласился исполнить его желание и обратить в молодого бравого солдата, то царь наверняка бы в последний момент отказался, вспомнил бы об ответственности перед своими подданными. А вот сказать того же о наследнике, Ездигерте, киммериец не мог. Этот отчаянный и в меру талантливый вояка лелеял лишь собственные амбиции. Конан знал, что, когда тот взойдет на престол, ему, Конану, в Туране

больше делать будет нечего.

— Я прервал вас, царь, — повинился Конан.

— Тебе дозволено, — ответил Илдиз. — У тебя еще будет возможность продемонстрировать знание этикета, и очень скоро. Я собираюсь поставить тебя командовать сотней, что через два дня отправится в Вендию.

— Почему меня? — спросил киммериец. — На такие миссии принято отряжать местных выходцев. Или я ошибаюсь?

— Нет, ты прав, — сказал Илдиз. — Вся сотня будет сформирована исключительно из туранцев, но для командира решено сделать исключение. Ситуация такова, что поставить нужного человека на это место намного важнее дипломатической традиции.

— И в каком же качестве я буду нужен в Вендии? — поинтересовался Конан.

— Так сразу и не ответишь, — задумчиво произнес царь, очищая между делом гранат. — Давай, лучше я расскажу, как обстоят дела и зачем этот поход понадобился.

Конан слегка наклонил голову в знак согласия.

— Три дня назад, — начал рассказ Илдиз, — соколиной почтой нам пришло письмо из Вендии. В нем говорилось о внезапной и загадочной смерти нашего посла. В ночь после одного из приемов у него остановилось сердце. Ни лекари, ни маги не обнаружили никаких следов внешнего воздействия, но его жена, на редкость разумная женщина, — именно она составила это послание, — настаивала на том, что это было убийство. По данным наших конфидентов, сейчас в Вендии идет перегруппировка политических сил. Шпионы говорят, что незначительная, но они могут многое не видеть. А часть из них наверняка имеет покровителей среди вендейской знати. Меня же очень взволновала возможность того, что один из моих самых преданных людей, который к тому же имел связи среди браминов и высокопоставленных кшатриев, мог умереть не своей смертью.

— Вы желаете, чтобы я отыскал убийцу? — сказал Конан.

— Нет, прошло слишком много времени, — ответил Илдиз. — Если ты на него выйдешь, то случайно. Я попрошу у тебя большего. Ты должен будешь оценить ситуацию в Вендии и сказать, есть ли у Турана повод для волнения или же нет. Я говорил, что склонен доверять своей интуиции. Про тебя, уверен, можно сказать то же самое, но твое чутье немного иного толка, и оно в сотни раз сильнее моего. Я знаю историю твоей жизни, Конан. Тебе случалось попадать в самую гущу хитроумных интриг, и ты каждый раз умудрялся выходить победителем. Сейчас же ты должен будешь по собственной воле войти в игру.

— Могу я узнать, что именно донесли вам конфиденты? Кого вы подозреваете в убийстве и действиях, направленных против Турана?

— Лучше будет, если я сохранию это знание при себе. Даже самый надежный из моих агентов в Вендии может оказаться лжецом. Я не хочу тебя заранее вводить в заблуждение. Оказавшись на месте, ты скорее разберешься в ситуации, если твой взгляд на нее будет непредвзятым.

— С кем мне связаться, если я смогу отыскать нечто достойное внимания?

— Со мной, — сказал царь и протянул Конану золотой треугольный амулет с огромным алмазом посередине. — Скажешь на киммерийском «вести из полуденного края», и магия этого предмета запомнит все твои последующие слова. Закончишь сообщение фразой «поиски продолжаются» или «возвращаюсь домой». О твоей особой миссии не будет известно никому. Даже о нашей встрече знают только девять человек, все те, с кем ты беседовал. Содержание нашего разговора останется тайной. Если будут спрашивать, о чем мы говорили, — отвечай, что о твоих последних успехах и о возможности продвижения до тысяцкого. Кстати, это звание ты получишь, когда вернешься из Вендии.

— Каковы же официальные задачи сотника Конана?

— В первую очередь — сопровождение нового посла. Зовут его Шеймасай, завтра вы будете представлены друг другу. Маленький нервный человек с ужасным характером, зато не из тех, кто позволит запутать себя даже таким искусным интриганам, как вендинцы. И не надеюсь, что вы найдете с ним общий язык. Главное, не убей его по дороге. Вторая твоя цель — семейство покойного посла. Их надо в целости и сохранности доставить в Туран. Готовиться к переезду они начнут сразу, как только Шеймасай окажется в Айодхье. Это время и отводится тебе на расследование. Вдове будут даны указания, как можно дольше затягивать отъезд, но рано или поздно ей придется отправиться в путь.

— Я смогу принять участие в наборе солдат для своей сотни?

— Разумеется.

Глава 5.

На следующий день после казни. Центр Айодхьи.

Вдову бывшего туранского посла звали Телидой. На вид ей было лет шестьдесят, не больше, хотя прошлым летом она отметила свой семьдесят седьмой день рождения. Ростом она превосходила не только всех женщин-служанок в своем доме, но и многих мужчин. Но насколько она была высока, настолько же и худа. Вытянутое лицо и длинноватый нос усиливали впечатление.

Одежды Телида носила исключительно вендиjsкие. Зато с гостями своего дома она держалась как истинная туранка. Сразу показывала, кто здесь хозяин, но о вежливости и этикете никогда не забывала. Голос у вдовы был низкий, хрипловатый, потому у неподготовленного собеседника могло сложиться впечатление, что она чем-то постоянно недовольна или пребывает не в лучшем состоянии духа.

Царь Илдиз считал эту женщину чрезвычайно умной и преданной трону Турана. С первым пунктом Конан был безоговорочно согласен, насчет второго сомневался. Он уже не раз беседовал с Телидой и так не определился, чего же хочет эта женщина. Про вендиjsцев во всем остальном мире говорили, что они постоянно плетут интриги, но при этом делают вид, что безобидны, словно овечки. Телида, похоже, за восемнадцать лет, проведенных в этой стране, переняла у её обитателей склонность к подковерным играм, а вот делать невинное лицо так и не научилась.

Не было еще такого случая, чтобы киммериец, направляясь к вдове, не помышлял о том, чтобы посвятить ее в суть своей тайной миссии. Тем более что она о многом наверняка уже догадалась. Но каждый раз что-то да останавливало Конана. Телида могла оказаться очень полезной союзницей, но киммериец никак не мог побороть бессознательного недоверия к ней.

Общалась Телида с Конаном с показной вежливостью, особенно явной на контрасте с Шеймасаи. Каждый раз разговор начинался с требований киммерийца поторопиться со сборами. Вдова неизменно находила вескую причину отложить отъезд. Подобное начало беседы уже превратилось в своеобразный ритуал.

Затем следовал обмен последними новостями. Это тоже была своего рода игра. Телида понимала, что любопытство Конана относительно дел, творящихся во Айодхье, да и во всей Вендиjsии, имеет под собой некие скрытые основания. И раз киммериец не желал ими делиться, то и она не обязана быть полностью откровенной. Так что вдова выдавала сведения исключительно маленьными порциями и лишь в обмен на историю из жизни северянина. Иногда Конану казалось, что он услышал нечто интересное и полезное, и тогда он пытался обходными путями добраться до необходимого ему знания. Телида в таких случаях прекращала таиться, но при этом делала мысленную пометку о том, что вошло в сферу поисков киммерийца.

Но такой порядок ведения беседы просуществовал лишь до второго нападения на дом знатного вендиjsца. После этого разговоров было больше об этих таинственных, кажущихся бессмысленными убийствах. Конан быстро оценил холодную, жестокую логику Телиды. Она легко обращала в прах многие кажущиеся заманчивыми предположения о личности преступника, исходившие как от киммерийца, так и от официальных властей. Вдова посла считала, что кшатрии зря тратят силы на поиски политического или религиозного мотива. Она полагала, что преступник в определенном смысле безумен, но какого рода это помешательство, Телида не бралась сказать.

Дворец, принадлежавший ранее послу Турана, а ныне его вдове, находился в половине

колокола неспешной ходьбы от посольства и примерно на таком же расстоянии от казарм. Предшественник Щеймасай жить предпочитал в одном месте, а работать в другом. Власти Вендии не отказали ему в подобной привилегии и выделили вдобавок к посольству еще один великолепный дворец, а может быть, это он сам его для себя выбрал.

Конан любил захаживать сюда по поводу и без оного, очень уж нравилось ему это место. Все здесь утопало в зелени — маленький кусочек джунглей, подчинившихся человеку. Одних птиц здесь было с полтора десятка видов. В искусственных прудах плавали великолепные золотые и серебристые рыбы. По деревьям скакали маленькие проворные обезьянки. Внутри дворца тоже попадались островки живой природы, и во всех залах и комнатах было множество цветов.

Высокая, худощавая Телида с ее резкими движениями и низким голосом смотрелась на фоне своего жилища несколько неуместно, но она не раз говорила киммерийцу, что, оказавшись в Туроне, будет больше всего скучать именно по своему дворцу.

— Приветствуя тебя, сотник, — обратилась к Конану Телида, когда тот жарким полднем переступил порог ее дома. — Что привело тебя ко мне?

— День добный, великолепная Телида, — ответил киммериец. — Я пришел напомнить тебе, что мой отряд задержался в Айодхье намного дольше, чем планировалось. Царь Илдиз будет гневаться, что я плохо исполняю свои обязанности. Ты сказала, что завтра будешь готова отправиться в дорогу. Не возникло ли каких обстоятельств, способных вновь воспрепятствовать осуществлению этого намерения?

— Должна тебя разочаровать, — на лице Телиды не отразилось ничего схожего со стыдом или раскаянием. — Мой второй сын, Осмар, вчера заболел. Лекарь говорит, что хворь эта серьезная. Пойми, судьба сына для меня дороже всего. Я никуда не отправлюсь из Вендии до тех пор, пока он не будет здоров.

— Сочувствую твоему горю, — сказал Конан. — Желаю Осмару поскорее обрести крепость тела и бодрость духа. Я зайду через несколько дней навестить его.

— Останься, сотник, — произнесла вдова. — У тебя усталый вид. Отдохни за чашей вина. Залиль проводит тебя в комнату с водопадами. А я распоряжусь насчет еды и напитков.

Вот и всё. Обязательная часть закончена.

Юная внучка Телиды по имени Залиль выскочила из-за спины вдовы и отвесила Конану поклон. На губах ее при этом играла ехидная улыбка. Это сейчас, при бабушке, она всячески демонстрировала свою обходительность и целомудренность. Вот когда они с киммерийцем встречались за пределами дворца, она превращалась в маленького суккуба. Впрочем, Телида, скорее всего, догадывалась о связи сотника и Залиль, иначе зачем бы она стала в последнее время выбирать именно её в провожатые для гостя.

Пока они с Конаном шли в одну из самых красивых зал во дворце, Залиль несколько раз как бы случайно наклонялась. Киммериец с огромным трудом сдерживался, чтобы не шлепнуть её по великолепной окружной попке.

Комната с водопадами находилась в закатной части дворца, поблизости от одного из прудов. Огромные попугаи с ярким оперением очень любили залетать сюда, чтобы понаблюдать за людьми. Вот и сейчас у лестницы, ведущей в сад, расхаживали три прекрасные птицы. Водопады, расположенные в комнате, были, разумеется, рукотворными. Одна из стен была стилизована под скалу, и с её вершин срывалось три различных по размеру потока. Внизу находилось крохотное озерцо, вода из которого забиралась и с помощью хитроумных устройств вновь доставлялась к истокам воображаемой реки.

Киммериец пододвинул одно из кресел поближе к водопаду, но так, чтобы до него не долетали брызги.

Оставляя Конана ожидать Телиду, Залиль всё-таки решилась и чмокнула северянина в щеку.

Милая маленькая девочка. Казалось, она всегда была весела и жизнерадостна. Будь на то воля киммерийца, он бы большую часть времени проводил с ней, а не с Рамини и другими жрицами Иштар. Но строгая Телида очень редко отпускала Залиль в город.

— О чем мечтаешь, сотник? — спросила вдова. Следом за ней в залу вошли трое слуг. Первый нес два кувшина с вином, второй блюдо с жареным мясом, обильно приправленным вендинскими специями, третий фрукты.

Киммерийцу внезапно захотелось честно сказать Телиде, что он думает о том, как бы почаще встречаться с ее внучкой, но это означало бы новую степень откровенности, к которой Конан был еще не готов.

— О лесистых предгорьях моей далекой страны, — сказал он, — чьи озера таят в себе прохладу, увы, недоступную в этих краях.

— Да, Вендия — страна жаркая, — согласилась Телида и добавила. — Попробуй мясо, Конан. Повар очень старался, это его новый рецепт.

Конан благодарно кивнул.

Вдова каким-то образом умудрилась заметить, что он не только устал, но еще и голоден. Всю ночь сотник просидел с солдатами у костра, поминая Хамара. А по возвращению в казарму выяснилось, что там накопилось гора не терпящих дальнейшего отлагательства дел. Так что спать лег киммериец только на десятый колокол, и то его постоянно кто-то будил. Вот и решил Конан проведать вдову посла, у нее хоть спокойно было. И так спешил северянин покинуть казармы, что забыл даже зайти на кухню.

Мясо, оказавшееся на редкость вкусным, улетело в одно мгновение. Телида, чтобы не смущать гостя, разделила с ним трапезу, но больше внимания уделяла фруктам. Вино они оба пили с удовольствием.

— Хорошо знать, — сказал Конан, — что есть место, где всегда можно рассчитывать на радушный прием.

— Мне приятно твое общество, сотник, — улыбнулась Телида и тут же перевела разговор в русло политической жизни Вендии. — Я слышала о распоряжении Шеймасаи, он поступил крайне неразумно. Мой покойный муж никогда бы не сделал подобной глупости. Вендийцы решат, что Туран отрекается не только от своего солдата, но и от ответственности за причиненный им вред.

— Мы с воинами ходили к реке прощаться с Хамаром, — Конану не хотелось говорить о Шеймасаи. Киммериец даже вспоминать о нем лишний раз не хотел. — Отыскали храм бога Агни. Ты бывала там?

— Нет, зато много слышала о его почитателях, — сказала вдова. — Почему вы выбрали это место? Я не понимаю.

— Агни, как и Эрлик, бог Огня.

Телида покачала головой.

— У них разная суть, Конан. Эрлик по своей сути творец, а Агни — разрушитель.

— Тогда, быть может, правильно, что именно у него мы просили заступничества для Хамара, — киммериец подумал, что пламя подчас слепо разит и правых, и виноватых. Точно так же, как и поддавшийся безумию солдат. — После молитвы мы сидели и вспоминали его. Я услышал о нем много нового. Он был хорошим человеком, но приезд в Вендию его сгубил.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Телида

— С этой страной у него были связаны жуткие воспоминания, — ответил Конан. Рассказывать историю Зархеба он не собирался никому, а тем более Телиде. — Он не смог совладать со своими прежними страхами, и они сгубили его разум.

— Ты всё-таки с ним говорил, — вздохнула вдова. — Я же не советовала тебе туда ходить.

Зачем себя мучить понапрасну? С самого начала было ясно, что убийца безумец. Что он тебе там наплел, Конан?

— Не получилось у нас нормального разговора, — сказал северянин. — Он всё время притягивал, умолял его спасти. Клялся мне, что в тот день даже не подходил к дворцу брамина.

Конан не сомневался, что Телида знала, о чём кричал Хамар перед смертью. Для того и вставил последнюю фразу.

— Мне кажется, он сам не сознавал, — предположила вдова посла, — где правда, а где вымысел.

— Он очень хотел жить. Боялся смерти, не был готов принять её достойно. Больно было смотреть, как он цеплялся за призрачную надежду на спасение. Верил, что его товарищи придут к нему на помощь, вырвут из лап палачей. Знаешь, Телида, я так и не избавился от чувства вины перед ним. Надеялся, что вчерашнее прощание у реки поможет, но напрасно.

— Во всем виноват Шеймасай, — процедила Телида. Она возненавидела посла с первой же их встречи.

— Не думаю, — покачал головой киммериец. — Сам себе не могу признаться в этом, но, похоже, я до сих пор сомневаюсь, что Хамар убил всех этих людей и что за ним не стояла чья-то чужая воля.

— Ни туранские, ни вендиjsкие маги не нашли никаких следов управления сознанием, — возразила Телида. — К тому же ты говоришь, что у Хамара были плохие воспоминания о Вендинии. Вот и объяснение его безумию.

— Ты, безусловно, права, — сказала Конан. — Доказательств его вины предостаточно, но я не могу себе представить Хамара хладнокровно убивающим младенцев.

— Это был не он, Конан, — убеждала киммерийца вдова. — Хамар в те моменты не был Хамаром. Я тебе с самого начала говорила, что убийца не сознавал того, что делал. Успокой свою совесть.

— А тебе не кажется, что все очень хорошо разрешилось? Бессмысленные убийства, которые совершают безумец. Легко представить, легко поверить.

— Самое простое объяснение обычно самое правильное.

— Не в Вендинии, — внес поправку Конан.

Неожиданно Телида с ним согласилась.

— Не в Вендинии, — сказала она. — Что ты намерен делать? Продолжишь искать убийцу? У тебя же, вернее у нас с тобой, ничего не получилось, когда Хамар еще был жив. Теперь же, когда смерти прекратятся, независимо от того, виновен он был или нет, новых зацепок не появится.

Конану еще во время суда над Хамаром пришло в голову, что есть нечто общее между судьбами солдата и бывшего посла Турана. И в том, и в другом случае у киммерийца были сомнения в том, что очевидное объяснение произошедшего есть истинное. И там, и там маги говорили об отсутствии внешнего воздействия, но Конан не верил, что в Вендинии не сыскалось бы колдуна, способного скрыть от властей следы своей волшбы.

Возможно ли, что за убийством посла и обвинением Хамара стоят одни и те же люди?

Телида, похоже, только сейчас додумалась связать смерть мужа и казнь солдата. Странно, при ее-то уме.

— Это как посмотреть, — возразил киммериец. — Если убийца не был сумасшедшим, он преследовал какие-то свои цели. Надо постараться увидеть эффект от совершенных действий.

— Общие фразы, — ответила Телида. — Смотреть всюду значит смотреть в никуда. Связь с кшатриями. Может, кто-то из них и разделяет твои взгляды и не откажется поработать вместе.

— Они были в тупике, — сказал Конан. — Их домыслы только запутают меня. Хотя,

возможно, я и последую твоему совету. Еще не решил.

— Есть у меня один знакомый, — вдова тянула слова так, будто ей очень не хотелось произносить их. — Он высказывал те же мысли, что и ты, сотник, только раньше. Ему в точности удалось предсказать финал этой трагедии. Он говорил, что люди, которые стоят за убийствами, подведут под виселицу какого-нибудь беднягу, за которого некому будет вступиться.

— Почему же ты мне о нем не рассказывала? — удивился Конан.

— Тебе бы слишком понравились его идеи, — призналась Телида. — Я же считала и продолжаю считать, что все это лишь попытка выстроить воздушный замок, поиски заговора, которого нет и в помине. Встретишься с ним, сотник?

— Да, интересно будет поговорить с человеком, которому ты уделяешь внимание, несмотря на то, что почитаешь его измышления бредовыми.

— Зовут этого кшатрия Сатти. Сегодня вечером он будет в садах повелителя. Спросишь стражей, где там его можно найти. Они тебе ответят.

— Спасибо за помощь, Телида, — сказал Конан. — Мне пора идти, я и так отнял у тебя немало времени.

— Всегда тебе рада, — ответила вдова. — Зайди ко мне на днях. Расскажешь, что вы с Сатти смогли узнать.

Глава 6.

День первого убийства. Казармы.

На костях выпало «шесть» и «четыре».

— Эрлик! — воскликнул Армас.

Уже второй раз подряд у них с сотником выпадала одинаковая сумма. А на кону стояло целых тридцать серебряных монет.

— Поделим? — предложил киммериец.

В последней игре изначально участвовало десять солдат, и если двое оставшихся разделили бы между собой ставки неудачников, то выигрыш всё равно оказался бы приличным.

— Нет! — одновременно крикнули самое меньшее пять воинов царя Илдиза, выбывших из игры.

Обидно им было потерять деньги да еще лишиться возможности наблюдать дальнейшее развитие поединка между Конаном и Армасом. Некоторые солдаты даже успели сделать ставки, будет ли еще раз равенство или нет.

Армас с обидой посмотрел на товарищей, словно предчувствовал, что именно он окажется проигравшим. Нетрудно было понять по его виду, что сам бы он с радостью поделил тридцать монет, но общественное мнение над ним довело.

Игра продолжалась.

Конан взял в руки ступку, положил туда кости и начал трясти. Как обычно, делал он это молча, никаких богов на помощь не призывал и амулетов в кулак не зажимал.

Бросок.

«Двойка» и «тройка».

Криков радости и недовольных вздохов среди солдат было где-то поровну. Может, расстроившихся оказалось чуть больше.

Армас тоже особо довольным не выглядел. Помянув Эрлика, он метнул кости.

«Двойка» и «тройка».

Результат этот встретили с восторгом даже те, кто ставил на то, что кон окажется решающим.

— Сотник! — в залу буквально влетел Халил.

Вид у молодого туранца был взволнованно-обескураженный.

— Что произошло? — спросил Конан, поднимаясь на ноги.

Киммериец не мог знать, каким будет ответ на его вопрос, но в том, что он подпадет под определение «неприятности», не сомневался.

Называется, решил устроить себе свободный от забот вечер, отдохнуть, развлечься! И не в компании жадных до мужской ласки жриц, где, предаваясь любви, только и думаешь о том, как бы получше дальнейшую беседу выстроить, чтобы сведений нужных раздобыть.

Конан собирался на сегодня выбросить из головы все свои миссии тайные и явные, поиграть с солдатами в кости, напиться вином и пойти искать доступных представительниц слабого пола.

И сейчас, глядя на запыхавшегося туранца, киммериец с тоской понял, что мечты так и останутся мечтами.

— В пяти кварталах полуночнее убили брамина, — сказал Халил, — и всю его семью. Жена, дети, внуки — все погибли. Подробностей пока никто не знает. У дворца брамина сейчас не протолкнуться от кшатриев.

— Армас, забирай выигрыш, — велел Конан солдату. Тот собрался спорить, но киммериец

его остановил. — Я не щучу. Подчиняйся. Халил, пойдешь вместе со мной, проведешь к дому, где было совершено убийство. Масул, отправишься со своим десятком к Телиде. Остальным из казармы никуда не высовываться, в любой момент можете понадобиться. Хасан, будешь старшим над всеми десятками. Если что, разрешаю действовать по обстановке, но чтобы резерв людей в казарме оставался.

— Понял, — ответил Хасан. Этот полноватый турецкий воин был самым возрастным воином в отряде. На вид ему можно было дать лет сорок-пятьдесят, на самом же деле он несколько месяцев назад отпраздновал свой шестьдесят первый день рождения.

— Что это убийство может означать? — спросил молодой воин, из тех, что участвовали в последней игре.

Конан хотел осадить парня, но потом передумал.

— Самому хотелось бы знать. Вообще, в этой стране — всё, что угодно. Но нам с вами платят за то, что мы обеспечиваем безопасность подданных царя Илдиза, и надо сделать так, чтобы никакие интриги вендицийцев не помешали нам выполнить свою задачу.

Солдаты согласно закивали головами.

Киммерийцу было неприятно их обманывать. Он никак не мог связать убийство брамина с потенциальной опасностью для Телиды или Шеймасаи, но надо же было как-то объяснить собственный интерес к этому делу. Все свое свободное время после прибытия в Айодхью киммериец тратил на то, что искал ниточки, ведущие к тайне гибели посла Турана. Пытался понять, кому его смерть могла быть выгодна, интересовался, не было ли сходных случаев с кем-нибудь из вендиийских чиновников. Но всякий раз его усилия оказывались тщетными. Теперь же убийство брамина и его семьи могло навести киммерийца на след врагов турецкого трона.

Конан махнул Халилу, чтобы он следовал за ним, и направился к выходу. Турецкий воин, чтобы поспеть за идущим размашистой походкой киммерийцем, был вынужден то и дело переходить на бег. Только на улице сотник обратил внимание на мучения своего подчиненного и чуть-чуть сбавил шаг.

— Откуда ты узнал про убийство?

— Возвращался от Гиры...

— Кто она такая?

— Моя любовница, вендишка. Она как раз на этой улице живет. Увидел у дворца брамина кшатриев, решил узнать, что их взволновало, благо зевак там тоже собралось прилично. Они мне и рассказали про резню.

— Почему именно про резню? Известно, как брамина убили?

— Своими глазами, сам понимаешь, не видел, но говорят, что всех, кто был в доме, мечом порубили.

— А охрана что?

— Тоже мертвые. Никого в живых не осталось.

Если верить слухам — то, что произошло в пяти кварталах полуночнее, не имело ничего общего с убийством посла. Разнилось и количество жертв, и способ препровождения несчастных на Серые Равнины. Но как бы там ни было, случай с брамином заслуживал того, чтобы уделить ему внимание.

Про скопление народа Халил не соврал. Еще задолго до дворца сотнику и его товарищу стали попадаться группы людей, оживленно что-то обсуждающих и указывающих при этом на полночь. Чем ближе к дворцу, тем больше было вокруг любопытствующих представителей низших каст. Вообще подобное поведение вендицийцев представлялось Конану весьма необычным. Смерть здесь считалась за явление вполне заурядное и нездорового интереса не вызывала. Те же прилюдные казни, столь популярные в остальных частях Хайбории, в Вендии практически не

проводились.

— Первый раз такое вижу, — сказал Халил.

— Послушать бы, о чём говорят, — мечтательно произнес Конан. До него долетали лишь бессмысленные обрывки фраз.

— Можно подойти и спросить, — на всякий случай предложил молодой туранец.

— Ничего дельного они нам не скажут, — разочаровал его сотник. — Их не смерть брамина взволновала, а возможная её связь с культом одного из богов. А на эту тему они не станут откровенничать с представителями своей касты, а уж тем более с чужаками.

— Быстро ты со здешними нравами освоился, сотник.

— Ты тоже время не теряешь. Ребята все больше в весёлые дома ходят, а ты уже постоянную любовницу завел. Хорошенькая?

— Мне нравится, — расплывчато ответил Халил.

Конан первый раз после игры в кости улыбнулся.

В квартале, где жил покойный брамин, чтобы продвинуться дальше, воинам Илдиза приходилось чуть ли не протискиваться сквозь толпу. Настроение у вендийцев, как разобрал Конан, было мрачное. Не было видно ни одной злорадной ухмылки, никто не спешил порадоваться чужому несчастью. Непривычных к Вендини Конана и Халила это и настороживало, и пугало.

На подходах к дворцу цепочкой выстроились кшатрии, принадлежащие к страже повелителя и подчиненные непосредственно ему, а не радже Нараину, владельцу Айодхьи. Одно это могло стать предметом для пересудов. Стражей повелителя привлекали к расследованию только в тех случаях, когда затронутыми оказывались интересы всего вендийского государства.

Конан при виде кшатриев неодобрительно поморщился.

Среди городской стражи у него имелось несколько знакомых, которые могли поделиться с ним обстоятельствами дела и поспособствовать проникновению внутрь дворца. Шансов же договориться с этими молодчиками было значительно меньше. Стражи повелителя слыли людьми суровыми, что приказа ни при каких обстоятельствах не нарушат. Они, к слову сказать, даже в такую жару, как сейчас, кольчуги не снимали.

Но киммериец всё-таки решил совершить попытку наладить с кшатриями отношения. Он быстро определил среди них десятника и направился к нему. Халил молча следовал за своим командиром.

— Мое имя — Конан, — обратился киммериец к стражу. — Я сотник туранской армии. Царем Илдизом мне было поручено следить за безопасностью посла, его помощников и прочих подданных Турана в вашей стране.

Северянин протянул кшатрию копию указа Илдиза, в котором говорилось о полномочиях сотника Конана, заверенную царской печатью.

— Что вам угодно, сотник? — холодно поинтересовался вендиец, возвращая Конану пергамент.

— Меня интересует, что произошло в доме уважаемого брамина. Я должен знать, как это относится к интересам Турана.

— Никак. Это дело касается исключительно Вендини.

— Я должен верить вам на слово?

Конан начинал злиться. Ему не нравился тон, с которым с ним беседовал кшатрий.

— Скажите спасибо, сотник, что довольствуетесь этим. Я бы мог вообще вам ничего не говорить. Ваш указ для меня — пустой звук. Исходи он от повелителя или хотя бы от Раджи Нараина, я бы уделил вам времени. На царя Илдиза же мне плевать!

Еще слово, и киммериец бы начал драку. На свое счастье, вендиец закончил поносить

туранского правителя.

Но не все оказались столь снисходительны к резким словам кшатрия, как Конан.

— Как ваше имя, воин? — резко обратился к десятнику Шеймасай, подошедший со стороны дворца.

Страж развернулся к нему, чтобы понять, с кем на этот раз предстоит выяснить отношения. Судя по озлобленному выражению лица, он сумел различить у говорившего туранский акцент.

— Имя, собака! — рявкнул на вендица Шеймасай, недовольный образовавшейся паузой. — Я ведь всё равно узнаю, и тогда твое наказание будет вдвое или втрое строже.

— Да кто ты такой? — возмутился кшатрий.

Он не узнал посла, и это было большой ошибкой. У того, в отличие от киммерийца, имелись все основания для пребывания во дворце брамина, и он вполне мог потребовать от человека, непочтительно высказавшегося относительно персоны царя Илдиза, чтобы тот назвал свое имя.

Вместо ответа Шеймасай отвесил кшатриюувесистую пощечину.

Тот уже собирался дать сдачи наглецу, как заметил своего сотника, направляющегося в его сторону.

— Что здесь происходит? — спросил подошедший кшатрий.

Первым среагировал Шеймасай, хотя десятник тоже собирался ответить.

— Этот ублюдок поносил повелителя Турана, — выпалил посол. — А до этого отказался пускать во дворец человека, прибывшего сюда по моему личному повелению.

При этих словах Шеймасай указал на Конана.

Киммериец такого подарка судьбы не ожидал. Он был готов предположить, что посол, заметив его в окрестностях дворца, велит ему немедленно убираться в казармы. Но Шеймасай, похоже, столь сильно разозлился на вендицкого десятника, что не упустил случая ввернуть ему еще одно обвинение.

— Он будет наказан, — коротко ответил сотник.

Такой подход пришелся Конану по душе. Вендиец не стал раздувать скандал и выслушивать взаимные обвинения туранского посла и десятника.

— Я проверю! — пообещал Шеймасай.

— Разумеется, — все так же спокойно ответил сотник. — Пусть ваш человек проходит. Десятник, пропустите его.

И имени подчиненного вендиец так и не назвал. Похоже, надеялся защитить от гнева посла.

Киммериец шепнул Халилу, чтобы тот оставался на месте и, по возможности, слушал разговоры и оценивал обстановку, а сам прошел мимо расступившихся стражей к воротам дворца, где его ожидал Шеймасай.

— Сотник, что ты здесь делаешь?! — зашипел на киммерийца посол, предварительно удостоверившись, что вендицы его не слышат.

— Выполняю свои обязанности, — ответил Конан. — Царь поручил мне охранять госпожу Телиду и ее семейство. Я должен знать обо всех опасностях, что могут ей угрожать. Да и не только ей. Думаю, царь меня не похвалит, если узнает, что еще один его посланник в Вендии отправился на Серые Равнины.

— Обо мне, значит, печешься? — усмехнулся Шеймасай. — Как же!

Конан ожидал, что поток злословия, направленный в его сторону, еще не иссяк, но посол, наперекор всем своим привычкам, успокоился и умолк.

Внутрь дворца он, однако же, идти не спешил. Киммериец отлично представлял, какой будет реакция, если он отправится туда в одиночку, а потому остался в компании Шеймасай ждать неведомо чего.

— Вы знаете, что случилось с брамином? — спросил Конан, желая хоть как-то убить время. Посол с легкостью умудрялся выводить киммерийца из себя и портить ему настроение, но лучше уж такой собеседник, чем совсем никакого. — И, кстати, вы-то что здесь делаете?

— Пекусь об интересах Турана, — ответил Шеймасай. — В отличие от тебя! Думаешь, я не знаю, что ты с момента нашего прибытия в Айодхью только и делаешь, что рыскаешь по городу и чего-то вынюхиваешь?! Подозрительно это, сотник. Очень подозрительно. Вот и сюда ты примчался, только слухи об убийстве до тебя дошли.

Посол был верен себе. Много криков и беспочвенных обвинений. Но, помимо этого, еще и упоминание о похождениях Конана по столице Вендии. У Шеймасай имелись в городе свои глаза и уши. Киммериец подозревал, что посол не так прост, как хочет казаться. Он вполне мог быть той фигурой, что должна была подменить Конана, если судьбой ему было уготовано погибнуть. Вряд ли царь Илдиз стал бы класть в одну корзину все яйца. Кроме сотника, в Вендию с особым заданием наверняка отправилось не меньше трех-четырех человек. Посол представлялся одним из самых вероятных кандидатов на эту роль. Но относиться из-за этого к Шеймасай с любовью и почтением Конан не собирался. Он, к слову сказать, вполне допускал, что новый посланник Турана мог всерьез подозревать его в злодейских намерениях.

— Так что же случилось в доме? — обвинения Конан привычно пропустил мимо ушей.

— Кошмар, ставший реальностью, — пространно ответил Шеймасай и указал рукой на дворец. — Там сейчас лежат двадцать восемь трупов. Брамин, его жена, двое сыновей, их семьи, двенадцать охранников и шестеро слуг. Всех убили сталью. Незадолго до твоего прихода оттуда вышли трое вендиjsких магов, сказали, что никакого колдовства не нашли. Главное, ни соседи, ни прохожие — никто ничего не видел и не слышал.

— Когда это все произошло?

— Колокол назад...

К посланнику и киммерийцу подошел смуглый вендиец с густыми черными усами. Кольчуги он не носил, но манера держаться всё равно выдавала в нем кшатрия.

— Посол Шеймасай, — обратился усач к туранцу. — Я обо всем договорился, вы можете осмотреть дворец. Этот человек с вами?

— Да. Его зовут Конан. Он возглавлял мою сотню сопровождения.

Киммериец слегка склонил голову в знак приветствия. Вендиец ответил ему тем же.

— Мое имя Тхан. Мне было поручено посвятить посла в суть разыгравшейся здесь трагедии.

— Идем, — поторопил вендица Шеймасай.

Особого почтения к провожатому туранец не выраживал, хотя рангом тот был наверняка не ниже тысяцкого. Но в поведении посла вообще было очень много странностей.

Сад у погибшего брамина большими размерами не отличался, и росла там в основном трава. Деревьев насчитывалось не больше десятка. Кшатрии осмотр сада практически закончили, только двое человек еще продолжали искать следы на отведенных им участках, остальные стояли в стороне и обсуждали результаты.

— Что-нибудь нашли? — спросил Шеймасай у Тхана, указывая на стражей.

— Нет, никаких следов, — разочарования в голосе вендица Конан не услышал. Скорее, там было удовлетворение от того, что ему досталась интересная работа. — В доме тоже пока ничего нет, и я уверен, что не будет. У нас есть только трупы.

Первое тело обнаружилось сразу же у входа во дворец. Судя по одежде и вооружению, это был охранник. Умер он по той причине, что некто выпустил ему кишкы наружу. Хотя на руках и на груди имелись порезы, которые свидетельствовали о том, что убийце пришлось изрядно с ним повозиться, прежде чем он его сразил.

— Это последний из тех, кто здесь погиб, — прокомментировал Тхан. — Пытался не выпустить убийцу наружу, за что и поплатился.

— Странно это, — сказал Конан. — Он сумел дать убийце отпор — значит, тот был отнюдь не всемогущ. Зачем же тогда охранник до последнего таился вместо того, чтобы помочь товарищам справиться с негодяем?

Тхан позволил себе слабую, чтобы не обидеть киммерийца, улыбку.

— Вас тоже обманули раны на руках? — спросил он. — Посмотрите внимательней на его одежду. Крови из них вытекло всего ничего. Убийца специально его порезал после смерти, чтобы запутать нас. Смертельный удар он нанес в самом начале боя.

— Тогда разумней было бы предположить, — сказал Конан, — что охранник пытался бежать из дворца и столкнулся в дверях с убийцей.

— Конечно, разумней, — согласился Тхан. На его губах вновь появилась улыбка. — Мы так и сделали. Я просто хотел проверить вашу логику и наблюдательность. Прошу прощения. Давайте поднимемся на второй этаж, я покажу вам окно, через которое убийца проник в дом. Потом пройдем по его стопам.

Конан еще раз посмотрел на погибшего охранника. Ростом вендиец лишь слегка уступал сотнику, да и в плечах они были равны. Что могло заставить этого человека забыть свой долг перед господином и искать спасения в бегстве?

Тут внимание киммерийца привлекли чьи-то шаги. Во дворце находилось множество кшатриев. Часть стражей носила кольчуги, другие, как Тхан, были одеты в повседневные наряды. Все эти кшатрии непрестанно перемещались из комнаты в комнату, лишь иногда останавливаясь, чтобы что-нибудь обсудить. И походка у них всех была одинаковая: нервная, торопливая, немного шаркающая. А вот у тех, кто приближался из-за угла, поступь была твердая, уверенная.

Конан насторожился. Рука его так и тянулась к эфесу сабли.

Тхан и Шеймасай, уже сделавшие несколько шагов по направлению к лестнице, удивленно уставились на встрепенувшегося киммерийца. Но спросить его, в чем дело, они не успели.

Из одной из боковых комнат вышли трое высоких и очень худых вендиевцев, облаченных в ярко-красные одежды. Не удостоив Конана даже взглядом, они прошли мимо него и покинули пределы дворца.

— Кто они? — спросил Шеймасай у Тхана.

— Жрецы Дурги, — ответил вендиец. — Мы попросили их осмотреть тела и сказать, не имеет ли убийство отношение к поклонению их богине.

— И что же? — поинтересовался посол.

Конан тем временем уже присоединился к ним.

— Говорят, что Дурга к этим смертям отношения не имеет, — сказал Тхан. — Но это мы еще будем проверять. У их культа есть несколько сект, в которых практикуются ритуальные убийства.

— А шеи вы у трупов осматривали? — спросил киммериец.

Кшатрий вновь снисходительно улыбнулся.

— Кали здесь не причем, — сказал он. — Убийства совершены способом, который не согласуется с традициями фансигаров. Богиня не приняла бы такую жертву. И пусть вас не вводят в заблуждение порезы. Поклонники Кали наносят их на другие места, и до этого обязательно раздеваются жертв. К тому же из имущества убийца ничего не тронул. Что он положит на алтарь богини? Но шеи мы всё-таки изучили, и очень внимательно. Никаких следов удушения не обнаружилось. Потому мы и вызвали сюда жрецов Дурги.

— Считаете, что действовал один из культов? — спросил Шеймасай.

— Определенно. Есть версия и с политическими мотивами, но она нежизнеспособна, на мой взгляд. Покойный брамин был ничем не примечательным вайшнавом, без каких-либо

заметных амбиций. Мы, конечно, проверим, не вел ли он тайных делишек, но верится в это слабо.

— Вы говорите об убийце в единственном числе, Тхан, — заметил Конан. — Почему? Есть свидетельства, что у него не было сообщников?

— Можно, конечно, предположить, что их было несколько, — согласился усатый кшатрий, — но тогда они должны были быть похожи, как братья-близнецы. Все раны были нанесены одной рукой, об этом говорит характер повреждений. И последовательность комнат, в которых побывал убийца, говорит за то, что это был одиночка. Давайте я всё покажу. Так будет намного проще.

Тroe мужчин поднялись по лестнице на второй этаж. Дважды им встречались тела жертв, охранник и служанка. У девушки было обезображенено лицо; смертельный удар убийца нанес ей в голову, почти расколол ее пополам. Порезов на теле Конан не заметил. Охранник был убит ударом в сердце, наверное, даже не успел понять, как это произошло.

Тхан попросил гостей из Турана не задерживаться возле трупов, пообещав потом к ним вернуться.

Комната, в которую вендиец привел Конана и Шеймасаи, принадлежала, по его словам, старшему сыну брамина и его семье. Это было просторное помещение, с очень богатой обстановкой. Чувствовалось, что хозяин ценил комфорт. Но сейчас его душу занимали уже другие материи, а вот тело все еще находилось здесь. Труп лежал неподалеку от балкона, откуда убийца, должно быть, и проник в дом.

— Первая жертва, — объявил Тхан. — Предположительно заметил убийцу и засем-то двинулся к нему навстречу. Крика не поднимал. Получил мечом по горлу и вскорости скончался.

Конан обошел тело и вышел на балкон.

Комната сына брамина располагалась с задней стороны дома и выходила окнами не на оживленную улицу, а к скоплению двориков менее богатых домов, отделенных от дворца стеной в полтора человеческих роста. Убийца мог спокойно через нее перелезть, затем быстро, чтобы никто не заметил, перебежать через сад и взобраться по стене на балкон. Опор имелось для этого предостаточно, можно было даже обойтись без веревки.

Киммериец поделился своими соображениями с Тханом и Шеймасаи.

— Мы опросили жителей тех домов, — сказал кшатрий, указывая на строения за стеной. — Никто не видел, чтобы кто-либо перелезал через стену, они вообще ничего подозрительного не видели. Но я думаю, что больше вероятность того, что убийца сумел незаметно проскользнуть мимо них, нежели вариант с проникновением через парадный вход.

— Вас не смущает, — спросил Шеймасаи, — что все охранники были во дворце и ни одного в саду?

— Мне тоже это показалось ненормальным, — согласился Конан.

— Такова была традиция этого дома, — ответил Тхан. — Брамин пытался следовать дхарме, всячески привечал слуг, старался сделать их жизнь легче. Говорили, что он собирался раздать часть имущества, оставить свой дом сыновьям и уйти из города, чтобы стать аскетом. Достойный уважения путь. Но вот охрана дхарме следовать не желала. Патрулировать сад они ленились, большую часть времени просто бездельничали.

— Хорошо, с охранниками понятно, — сказал киммериец. — Хотя нельзя исключать, что среди них был сообщник убийцы.

— Мы не исключаем.

— А чем объяснить поведение сына хозяина? Почему он не убежал, заметив забравшегося в комнату человека?

— Если мы ответим на этот вопрос, — сказал Тхан, — то поймем, кто убийца. Не только

старший сын брамина, но и все оставшиеся жертвы очень странно реагировали на появление незваного гостя. Никто не закричал, не попытался бежать и не смог дать ему отпор.

— Теперь понятно, почему у вас основной мотив религиозный, — произнес Шеймасай. — Подобным образом вендийцы могли отреагировать только на человека, чьи одежды указывали бы на принадлежность к какому-либо культу.

— Но убийца мог их использовать, — возразил Конан, — и просто как маскарадный костюм.

— Давайте поторопимся, — предложил Тхан. — Уже смеркается, скоро станет совсем темно, и тогда тела нам придется осматривать при свете факелов.

Возражений не последовало.

Глава 7.

На следующий день после казни. Сады повелителя.

Дневная жара уже практически спала.

А в тени великолепных садов, возведенных по приказу прадеда нынешнего правителя Вендии, так и вообще не чувствовалась.

Сто пятьдесят лет назад в этом месте располагался один из самых неблагополучных районов Айодхи, где селились исключительно воры, душегубы и прочие темные личности. Здесь же устроили свое логово душители-фансигары. Честные жители неизменно обходили этот район стороной, да и стража старалась тут без резкой надобности лишний раз не показываться.

В какой-то момент правитель опостылел такой порядок вещей, и он обратился к тогдашнему радже Айодхи с требованием стереть с лица земли этот рассадник злодейства. Приказ был исполнен буквально – слуги раджи все дома разрушили до основания.

И чтобы даже памяти не осталось об этом темном месте, повелитель решил развести там сады, где были бы собраны все травы, цветы, кусты и деревья, произрастающие в Вендии. Долго шло строительство. Сначала самые умелые садовники подготовили почву к высадке растений, затем правитель со своими советниками решал, какому проекту будущих садов отдать предпочтение. После этого в Айодхью начали свозить образчики как диковинных растений, так и самых заурядных. Лишь через десять лет после начала строительства работы были завершены.

С тех пор сады стали излюбленным местом отдыха для представителей всех каст. Разумеется, брамины и кшатрии гуляли в одной части садов, а вайшьи и шудры в другой. Конечно же, осозаемых преград никто не возводил, но существовали невидимые границы, о которых все знали и которые старались не нарушать.

Конан расположился на маленькой деревянной скамеечке под большим деревом с толстыми конусообразными листьями. В десяти шагах от него проходила узенькая земляная дорожка, по которой чинно прогуливались знатные вендийцы. От змей сады защищало специальное заклятье, и можно было без опасений за собственное здоровье растянутся на травке под сенью любого приглянувшегося дерева. Но Конану спать не хотелось. Потому он нашел себе уютное местечко на лавочке и устроился наблюдать за птицами, перелетающими с дерева на дерево, и гуляющими по земляной дорожке вендийцами.

Киммериец сидел здесь уже третий колокол подряд, наслаждаясь прохладой и тишиной. После визита к Телиде он направился прямиком сюда. Конану хотелось немного побывать одному, и сады были для этого идеальным местом. Здесь всегда тишина. Даже дети, имеющие свойство производить шума в три-четыре раза больше, чем взрослые, попав в сады, неизменно успокаивались, проникаясь духом этого места.

Сотник подозревал, что Телида специально выбрала сады местом встречи с Сатти. Вдова желала, чтобы киммериец обрел хотя бы временное умиротворение и мог воспринять слова кшатрия с долей разумного скептицизма. Наверное, следовало бы поблагодарить за это мудрую женщину, но Конана не оставляло чувство, что он был лишь одной из фигур в партии, которую вела жена погибшего посла.

Однако с течением временем, вопреки магии места, в киммерийце начала возрождаться жажда действия. Он понял, что уже достаточно отдохнул. Как только спустились сумерки, сотник поднялся со скамейки и отправился на поиски Сатти.

Телида посоветовала киммерийцу спросить о нем у других кшатриев. Вернее всего, это означало, что Сатти один из тех стражей, кому сегодня поручено патрулировать хитросплетение

садовых дорожек.

— Не поможете мне? — обратился Конан к первому встреченному им стражу. Он неспешно брел по дорожке навстречу киммерийцу. Было неясно, то ли он несет службу, то ли просто гуляет. — Я ищу человека по имени Сатти. Вы не знаете, где он может быть?

— Да, он где-то в этой части сада, — ответил Кшатрий. — Проверяет патрули. Думаю, если вы продолжите идти в прежнем направлении, то непременно с ним столкнетесь.

— Он десятник? — спросил Конан. Он почему-то полагал Сатти простым стражником.

— Тысяцкий, — улыбнулся вендиец и осведомился. — Вы хоть знаете, как он выглядит? А то еще ненароком пройдете мимо.

— Опишите мне его, — попросил киммериец.

— Не понимаю, как вы собирались его искать, — покачал головой кшатрий. — Вообще Сатти узнать легко. Он довольно маленького роста, вам будет до середины груди. Волосы у него длинные, он носит и бороду, и усы, но стрижет их коротко. Этого должно хватить.

— Благодарю за помощь, — сказал Конан и добавил. — Перед тем как искать Сатти, я планировал найти человека, который знал бы его.

Киммериец двинулся вперед по дорожке. В двух шагах перед ним скакала маленькая серожелтая птичка, нисколько не стеснявшаяся близкого соседства с людьми. Вообще к вечеру гостей в садах становилось поменьше, и с приходом ночи здесь устанавливалось настояще птичье царство. В сумерках людей и пернатых было примерно поровну, но среди первых значительную долю составляли стражи, в обязанности которых входил вечерний обход садов. На ночь здесь оставалось всего два патруля, сейчас же кшатрии попадались Конану чуть ли не через каждые сто шагов.

Маленького тысяцкого киммериец заметил издалека, он о чем-то разговаривал с тремя стражами.

Внешность у Сатти была и впрямь примечательной. Встреченный Конаном кшатрий не упомянул, что черты лица тысяцкого представляли собой весьма своеобразный коктейль. Создавалось ощущение, что все они были призваны подчеркнуть друг друга. Очень глубоко посаженные глаза, длинный нос, полноватые губы, крупный подбородок и все это вкупе с усами, бородой и волосами. Увидев этого человека один единственный раз, запомнишь навсегда. Не красавчик, но внешность очень яркая. Женщинам Сатти должен был нравиться — а может, и нет.

Киммериец терпеливо дождался, пока Сатти закончит отдавать стражникам распоряжения, и лишь тогда подошел к нему.

— Вы, должно быть, Конан? — первым заговорил именно вендиец. — Я давно просил Телиду устроить нашу с вами встречу, но она наотрез отказывалась, говорила, что я забью вашу голову глупостями. Я мог, конечно, и без ее ведома выйти на вас, но она бы на меня страшно обиделась.

— Похоже, мне удалось убедить ее, — ответил Конан, — что и я сам натворю больших бед, если зайдусь изысканиями в одиночку. Мы можем поговорить? Или вам сначала нужно завершить обход?

— Здесь никогда и ничего не происходит, — сказал Сатти. — Во всяком случае, такого, что способно попасть в поле зрения стражи. Сады — самый тихий участок работы во всей Айодхье, и все эти мои наставления — не более чем дань традиции.

Сатти показал рукой в сторону трех огромных деревьев.

— Там есть замечательная беседочка, — продолжал он. — Её не видно с дорожки, и потому о ней мало кто знает. Там нас не побеспокоят.

Конан не стал спорить и последовал за вендицем.

Беседка располагалась на небольшой свободной от деревьев и кустарников полянке. Но ее и

впрямь было тяжело найти, если не знать, где именно она находится, тем более в сумерках.

Внутри беседки обнаружилось два кресла, стоящих друг напротив друга, и маленький круглый столик между ними.

Киммериец занял одно из кресел и стал ждать, когда Сатти соизволит начать разговор. Судя по словам Телиды и самого тысяцкого, у вендица набралось множество идей, которыми он жаждал поделиться с гостем из Турана. Но кшатрий молчал. Сложив руки на груди, он внимательно рассматривал устроившегося перед ним северянина.

— Я представлял себе вас несколько иначе, — наконец произнес он. — В Вендии многие верят, что по внешности можно определить, какой характер у человека, и даже то, какая его ждет судьба.

— Вы тоже так считаете? — спросил Конан.

Телида добилась своего. Если с утра киммериец был готов уверовать, лишь бы ему привели хоть минимальные доказательства, что это все хайборийские во главе с Митрой запутали сознание Хамара, то теперь не без основания подозревал, что будущие речи Сатти покажутся ему дешевыми побасенками.

— Не совсем, — признался тысяцкий. — Слишком уж разнятся толкования, но среди тантриков это учение достаточно популярно и имеет под собой хорошую базу. Они сотни лет накапливали знания и теперь, обобщая этот опыт, могут выносить близкие к истинным суждения. Так, обо мне они сказали, что я чрезмерно любопытен, жесток и не склонен верить людям на слово.

— Не поскупились на комплименты, — усмехнулся киммериец.

— Это как посмотреть, — ответил вендиец, почесывая бороду. — Для человека моей профессии качества необходимые. Было бы интересно послушать, что они сказали бы о вас. Думаю, что-нибудь про волю, твердость характера и живой ум. Во всяком случае, из слов Телиды о вас можно сделать именно такой вывод.

— Сатти, может, как-нибудь в другой раз обсудим тантриков и мою внешность? — попросил Конан. — Время уже позднее, у меня еще много дел в казарме...

— Я понимаю, — кивнул вендиец. — Иногда я увлекаюсь, простите, пожалуйста. Но, говоря по правде, я думал, что раньше полночи мы отсюда не выберемся. Вы бы увидели тех созданий, что днем прячутся от человеческих глаз.

— Итак..., — напомнил киммериец об обещании отставить в сторону отвлеченные темы.

— Телида что-нибудь рассказывала вам о моих догадках?

— Ничего конкретного. Лишь упомянула об их оригинальности и о расхождениях с официальными выводами.

— Так оно и есть, — сказал кшатрий. — Но я даже не знаю, с чего начать...

— Вы верите в виновность Хамара? — задал Конан свой главный вопрос. — Он понес заслуженное наказание?

— Я считаю, что действия вашего солдата, сотник, были вполне осознанными. Он убил если не всех этих людей, то многих. При этом Хамар желал их смерти. Но здесь есть одна загвоздка. Сам-то он полагал себя невиновным и верил в истинность своих показаний. Мне кажется, что некто сумел разделить его личность на две половинки, каждая из которых была способна совершать самостоятельные действия.

— Но маги, присутствовавшие на процессе, не нашли никаких следов воздействия на сознание Хамара.

— Обмануть их ничего не стоило! Я знаю по меньшей мере четырех людей в столице, любой из которых смог бы подчинить себе вашего солдата, оставшись при этом незамеченным. Тем не менее мне кажется, что колдовство здесь ни при чем.

— Что же тогда?

— Конан, у Хамара были основания не любить Вендию или вендейцев? Какие-то давние воспоминания?

Киммериец задумался, рассказывать ли кшатрию о второй личности Хамара, о воре Зархебе. Пока Сатти говорил довольно складно и, что самое важное, в унисон дневным мыслям Конана, но какие имелись основания доверять этому человеку? Кшатрий был другом Телиды, в отношении которой сотник так и не смог избавиться от подозрений. Однако без риска шансов продвинуться вперед не было.

— Много лет назад он убил знатного вендейца, — сказал Конан. — За ним устроили настоящую охоту, но ему удалось уйти и затаиться. Он сменил имя и начал новую жизнь. Но в Вендию он попал совершенно случайно.

— Случайно? — перебил киммерийца Сатти. — Вы уверены?

Глава 8.

За два дня до похода в Вендию. Аграпур, казармы.

Десятников в новую сотню Конана киммериец и Илдиз отобрали еще вчера. Царь немало удивил северянина тем, что знал многих из перечисленных сотником людей. Так что правитель Турана принимал активное участие в обсуждении кандидатур, но право окончательного выбора оставил за киммерийцем. Впрочем, Конан им не злоупотреблял и старался прислушиваться к мнению царя.

В итоге удалось найти десять человек, которые и Туран бы в глазах иноземцев не посрамили, и за товарищей бы горой стояли.

Через три колокола после встречи с царем все избранные десятники явились к Конану для получения распоряжений, касающихся подготовки к походу. На обсуждение деталей, существенных и не очень, ушло целых четыре колокола, и прощались с киммерийцем его новые подчиненные уже далеко за полночь. Набирать солдат в свои десятки Конан поручил им самостоятельно.

Этим людям он верил.

Первого из десятников звали Хасан. Это был старый вояка, повидавший на своем веку не одно сражение. В последнее время он занимался тем, что руководил борьбой с разбойничими шайками на полуденной оконечности Турана. Но месяц назад умудрился насмерть рассориться с одним из тамошних тысячеких. В результате был в который уже раз понижен до десятника и переведен на службу в Аграпур. Главным недостатком Хасана считался именно его тяжелый характер. Если бы не это, быть бы ему, несмотря на незнанное происхождение, одним из военачальников.

Вторым человеком, на чьей кандидатуре сошлись Конан и Илдиз, был выходец из Самарры по имени Ясир. Большую часть своей жизни он посвятил тому, что служил наемным охранником при караванах либо сопровождал богатых и знатных людей, совершивших длительные путешествия. Что заставило его оставить прежнюю профессию, неизвестно, но год назад он поступил на службу в армию Турана и к настоящему времени успел дослужиться до десятника. Конан много слышал о Ясире, хоть лично и не был с ним знаком, и решил, что опыт самаррца пригодится в дальнем путешествии.

Третий десятник свое первое повышение получил одновременно с Конаном. Этому человеку киммериец доверял больше всего, хотя ему лишь недавно исполнилось двадцать. Звали его Джан. Смысл своей жизни он видел в служении царю и Турану. Еще Джан был невероятно религиозен и строго соблюдал все заповеди, ниспосланные Эрликом через его пророка Тарима. Того же он требовал и от своих солдат. Его за это недолюбливали.

Четвертым был друг детства Джана – Артан. Он был не в пример мягче своего младшего товарища, голос повышал лишь в исключительных случаях. Несмотря на это, авторитет его среди подчиненных был невероятно высок. Артан никогда не ленился лично разбираться с проблемами своих солдат и вообще стоял за них горой. Единственной его явной отрицательной чертой киммериец полагал стремление Артана угнаться за Джаном в его умении обращаться с оружием и обхаживать приглянувшихся девиц.

Пятого десятника звали Масул. Родом он был из Султанапура. Там же он прожил большую часть своих сорока лет. Занимался этот усач, если верить его словам, рыбной ловлей. Если же полагаться на жизненный опыт и здравый смысл, по всему выходило, что был он контрабандистом. Но и Конан, и Илдиз согласились закрыть на это глаза. Неглупый, очень

уравновешенный султанапурец умел замечательно поддерживать дисциплину среди вверенных ему людей, к тому же считался одним из лучших стрелков из лука во всей туранской армии.

Шестой десятник был единственным в отряде человеком, кто мог похвастаться голубой кровью. Бернеш былbastardом. Во всяком случае, так утверждала его мать. Но сам Бернеш большого значения своему происхождению не предавал и к отцу никаких претензий не предъявлял, желая добиться всего исключительно своими силами. Конан не сомневался, что эта задача ему по плечу. Помимо приятной внешности, Бернеш отличался живым умом и умел находить общий язык абсолютно со всеми. Сколько киммериец помнил бастарда, на его губах всегда играла легкая полуулыбка.

С седьмым десятником Конан познакомился еще в бытность свою вором в Аренджуне. Талат состоял там охранником при посольстве Турана, сундуки которого однажды изрядно опустели не без содействия киммерийца. Талат был единственным, кто сумел напасть на след вора. Выследить Конана ему не удалось, но северянин запомнил смекалистого туранца и не преминул привлечь его в отряд, благо он почти сразу же вслед за киммерийцем перебрался в Аграпур.

Восьмой человек, избранный Конаном, был одной из самых известных персон в туранской армии. Прославился Газил своей жестокостью. Только на дуэлях он убил не меньше ста человек. И солдат своих он не щадил, наказывая плетьми за глупость и нерадивость. Многие после этой экзекуции оставались калеками, кое-кто даже умирал. Нетрудно догадаться, что и врагов Газил в плен никогда не брал. Конану не нравился ни этот человек, ни его методы, но в дальнем путешествии необходим был тот, кто напоминал бы солдатам о дисциплине.

Последних двоих десятников киммериец знал по рейдам против пиратов, что состоялись месяц назад. Исмаил и Кюрсум проявили себя там смелыми, самоотверженными бойцами. Еще на выбор Конана в значительной мере повлияло то, что эти двое выходцев из Аграпура были умелыми моряками. Северянин не исключал той ситуации, когда отряду могли понадобиться эти их способности.

Конан полагал, что нет таких трудностей, что его люди не смогли бы преодолеть. В такой компании путешествие на край света превращалось в загородную прогулку.

С самого утра киммериец начал обходить своих десятников и знакомиться с теми воинами, которых они пожелали видеть у себя в подчинении. По мере возможности северянин беседовал с каждым из них и проверял навыки владения оружием. Больше всего ему по душе пришли люди Хасана. Впрочем, этого и следовало ожидать. Джан, Артан и Бернеш остались свои прежние десятки без изменений, хотя Конан и говорил им, что царь Илдиз позволил ему привлекать в отряд любых воинов из числа пребывающих в столице. Киммериец посетовал на это их решение, но менять ничего не стал. Если желали видеть в десятке своих людей, тех, которым доверяли, то пусть так оно и будет. Приятно удивил выбор Газила. Он привлек в десяток ветеранов, известных своим умением верховой езды и обращения с луком. Обстановка среди людей Газила вопреки ожиданиям киммерийца царила спокойная, даже дружеская.

Следующим на очереди был десяток Масула.

— Рано вы, сотник, — обратился к Конану усатый туранец.

На тренировочную площадку к Масулу киммериец пришел в начале десятого колокола.

— Мне в полдень нужно будет идти знакомиться с послом, — сказал северянин. — К этому времени хочу знать всю свою сотню в лицо. Я гляжу, ты крепких ребят набрал.

Из девяти солдат, упражнявшихся с саблей и щитом, Конан знал только двоих. Султанапурцы, как и сам Масул. Можно было предположить, что и остальные оттуда же. Киммерийцу такой выбор пришелся не по душе, не хватало еще, чтобы кто-то в отряде держался особняком от остальных. Прав был Илдиз, когда советовал брать только аграпурских десятников.

— Что хмуритесь, сотник? — заметил Масул изменившееся выражение лица командира. — Воины все отличные.

С этим Конан не спорил. В умении фехтовать этим солдатам отказать было нельзя. А про физическую крепость киммериец уже поминал. И поведение их сотника порадовало. Они, конечно же, заметили появившегося на площадке Конана, но занятий не прекратили, продолжая выполнять упражнения с прежним усердием, но без показушного рвения.

— Все ведь из твоего города? — спросил киммериец.

— Да, — в голосе десятника послышался вызов. — И я не вижу в этом ничего плохого. Предпочитаю иметь под своей командой тех, на кого даже в преисподней смогу положиться. Если верите мне, сотник, то будьте добры верить и им!

Удивительно было видеть Масула, выведенного из равновесия. Обычно десятник реагировал на внешние раздражители со всей возможной флегматичностью. Такое его поведение перед лицом начальства или врага вселяло уверенность в солдат.

— Успокойся, Масул, — потребовал Конан. — Я ничего плохого о твоих людях не говорил, но я не желаю, чтобы среди солдат начались раздоры из-за того, кто откуда родом. Еще я очень надеюсь, что среди них нет рыбаков вроде тебя. Полагаю, в ваши сети не раз попадалась вендинская рыбка.

— Нет, сотник, они все простые солдаты, — ответил десятник. Никаких следов от недавней вспышки гнева не осталось. Конан даже начал сомневаться, уж не показалось ли ему. — Я никого из них не видел среди рыбаков. В Вендии могут узнать только меня. Вероятность, конечно, небольшая, но всё-таки есть, так что можете начинать подыскивать мне замену.

— Ни к чему, — отрезал киммериец. — Люди из тайной службы проверят всю сотню, и вынесут решение о том, кого можно отправлять в качестве сопровождения для посла, а кого — нет. По твоей кандидатуре, как и по всем десятникам, уже дали добро, но мне хотелось бы избежать проблем и с солдатами.

— В моих можете быть уверены, — сказал Масул.

— Хорошо, — кивнул Конан. — Останавливай тренировку. Будем знакомиться. Масул развернулся к солдатам.

— Прекратить занятия! — приказал он. — Строиться!

Девять воинов отреагировали мгновенно. Убрали в ножны оружие и выстроились в линию в трех шагах от Масула. На первый взгляд выучка у солдат казалась отличной. Конан сравнивал этот десяток со столь приглянувшимися ему людьми Хасана, и сравнение было не в пользу последних.

— Это ваш сотник, — объявил усатый турец, указывая на киммерийца. — Его зовут Конан. В его подчинении мы с вами будем находиться в течение нескольких ближайших месяцев.

— Все знают о цели нашей миссии? — осведомился Конан у солдат.

— Да, — стройным хором ответили девять воинов.

— Замечательно, — кивнул киммериец, прохаживаясь перед строем. — Это не обычная военная кампания, нам предстоит представлять в Вендии нашу страну, так что я не желаю слышать жалобы, нытье и прочий скрулеж. От тамошней жары вы еле на ногах стоять будете, но лица своего и чести Турана не посрамите, иначе вам придется очень плохо. Надеюсь, вы понимаете, что я не шучу и не запугиваю. Наказывать за несоблюдение дисциплины вас будут еще строже, чем в ведущих военные действия частях армии.

Солдаты слушали спокойно.

Трудно было сказать, верят они словам киммерийца или нет. Лучше бы верили. Конан по собственному опыту знал: чем дальше поход, тем больше вольностей позволяют себе солдаты. Разумеется, если под боком не было врага, готового напасть в любой момент, который сочтет

подходящим, — а опасностей такого рода на пути следования посольства не предвиделось. Если не встретятся и разбойники, то к окончанию путешествия солдаты могут совершенно распуститься. Конан собирался не допустить подобного развития событий, но желал по возможности обойтись без методов Газила.

— Помимо прочего, — продолжал киммериец, — вы должны будете обращаться с послом и людьми из его свиты со всем возможным почтением. Никакого подобострастия, но просьбы, исходящие от него, станете исполнять беспрекословно, если они, конечно, не будут противоречить моим приказам. Спорные моменты разрешать будете через вашего десятника. Масул — человек умный и опытный, он сумеет во всем разобраться. Вам все ясно?

— Да!

— Молодцы, — похвалил солдат Конан. — Теперь посмотрим на то, что из себя представляет каждый из вас.

Киммериец подошел к крайнему справа воину.

Парень был высокий, широкоплечий. Смотрел он на командира прямо, глаз не отводил. Чувствовалось, что он придерживался высокого мнения относительно своей персоны. Определенные основания для этого имелись. Орудовал он саблей, если судить по тренировке, здорово. Внешность тоже не подкачала. Черты лица у султанапурца были правильные, красивые. Немного портила впечатление его показная серьезность — губы поджаты, брови сведены.

— Имя, — потребовал киммериец.

— Сабир, — коротко ответил турец.

— Как давно служишь? В сражениях участвовал?

— Полгода в армии. Был в составе тысячи, отправленной усмирять восстание горцев Кезанкии, но в боях участия не принимал.

— Немудрено, — усмехнулся Конан. — Всего две коротенькие стычки, вот вам и все восстание.

— Три, — чуть помедлив, поправил киммерийца Сабир. — Просто о последней встрече с горцами болтать не принято. Два наших десятка кезанкийцы заманили в ущелье и насмерть забили камнями. До возвращения в Аграпур оставалось два дня, и тысяцкий, чтобы лишние дни не торчать в горах, приказал придерживаться версии обвала, о которой говорили местные.

— Любопытно, — проговорил Конан.

Становилось понятно, почему Масул взял Сабира в свой десяток. Даже одно пребывание в горах Кезанкии много стоило. Внешне доброжелательные горцы в самый неожиданный момент могли извлечь из-за пазухи кривые ножи и зарезать чересчур беспечного солдата. Тело скидывали с обрыва и говорили, что произошел несчастный случай. От такого гостеприимства воинов гибло во много раз больше, чем в открытых столкновениях. Конан своими глазами видел, как менялись люди, побывавшие в Кезанских горах.

— Тебя как зовут? — спросил северянин у солдата, стоявшего по левую руку от Сабира.

— Хамар.

Этот воин вызывал у киммерийца наибольшие опасения. В отличие от своих товарищей, Хамар богатырским телосложением не отличался. Среднего роста, очень худой. Руки его на вид тоже не были особенно сильными, мышцы едва просматривались. Но держался солдат уверенно. В темных глубоко посаженных глазах было заметно легкое ехидство, через призму которого Хамар воспринимал реальность. Он понимал, какую реакцию должен был вызвать его вид у сотника, и теперь ждал продолжения.

Конан, хоть убей, не помнил, как Хамар обращался с саблей. Как-то это ускользнуло от его внимания.

— В каких кампаниях участвовал? — задал обязательный вопрос киммериец.

— Весь мой опыт сводится к патрулированию столичных улиц.

Парень явно напрашивался.

Ну, что ж, можно было устроить небольшую разминку.

— С саблей обращаться умеешь? — спросил Конан, обнажая оружие.

— Лучше, чем с девицами, — ответил Хамар. — А их после ночи со мной еле ноги держат.

Конан кивнул на ножны туранца, разрешая тому достать саблю. Хамар довольно улыбнулся и извлек клинок.

— Расступитесь, — приказал оставшимся солдатам Масул.

Они отошли к десятнику, освобождая место для предстоящей схватки. Все, за исключением Сабира, выглядели чрезвычайно довольными. Похоже, они ожидали, что их товарищ если не побьет гиганта-северянина, то окажет ему достойное сопротивление.

Конан и Хамар разошлись на три шага.

— Начали, — сказал киммериец и занял оборонительную позицию.

Туранец показал, что будет атаковать сверху справа. Киммериец ему не поверил и едва за это не поплатился. Финта не было. В последний момент Конан успел заблокировать удар, который оказался ко всему прочему более сильным, чем этого можно было ожидать от Хамара. Туранец инициативу противнику отдавать не собирался и еще дважды пытался достать Конана. Действовал он очень быстро, сабля казалась продолжением руки туранца. Хамар стал со своим оружием единым целым, и оно без промедления исполняло приказы его сознания. Солдату Масула удалось в первые мгновения боя настолько ошеломить Конана, что киммериец, справившись с тремя первыми ударами, выкинул из головы все мысли о контратаке и приготовился дальше держать оборону. Решение, как выяснилось, было правильным. Туранец, успевший почувствовать своего соперника, включил обманные движения. Конану приходилось несладко. Он держался лишь благодаря своей реакции. Более медленный боец на его место уже вынужден был бы признать свое поражение и сложить оружие.

По Хамару было видно, что он получает от схватки настоящее удовольствие. На губах его плясала широкая улыбка. Казалось, еще немного, и он рассмеется в голос. И погубило его именно то, что он позволил себе увлечься красотой боя и стал затевать все более замысловатые финты. Конан действовал спокойно, совершая минимум движений саблей. Он ждал, когда туранец начнет выдохаться. Но шанс закончить схватку представился ему раньше. Хамар проводил одно обманное движение за другим, готовясь ужалить в самый неожиданный момент, и не заметил, что слишком близко подошел к киммерийцу. А вот Конан обратил на это внимание. Он атаковал первым, направляя удар слева сверху. Туранец заблокировал его клинок и приготовился бить в оставленную неприкрытою ногу киммерийца, даже слегка развернул саблю, чтобы не поранить сотника. Но все эти предосторожности оказались лишними. Левый кулак киммерийца влетел Хамару в висок, и туранец рухнул на землю.

Раздались аплодисменты.

Киммериец улыбнулся солдатам и помог Хамару подняться с земли.

— Хороший бой, — сказал Конан.

— Отличный, — согласился туранец. Он слегка морщился от боли, но всё равно выглядел довольным.

— Иди в тень, — велел ему Конан. — Отдохни. Я пока познакомлюсь с остальными. Если здесь все такие же бойцы, я за свою шкуру спокоен.

Глава 9.

На следующий день после казни. Сады повелителя.

— До последнего времени был уверен, — сказал Конан. — Но при желании он мог обставить дело так, чтобы попасть в мою сотню. Это имеет большое значение для вашей версии? Я могу поговорить с десятником, под командой которого ходил Хамар. Он сможет точно ответить на ваш вопрос.

— Да, мне хотелось бы знать все подробности, — ответил Сатти, — даже те, которые на первый взгляд могут показаться незначительными. У меня есть стойкое ощущение, что мы видим лишь часть мозаики событий, которую складывает кто-то другой. И убийства браминов и их семей — это всего лишь маленький кусочек цветного стекла. Отсюда и их кажущаяся бессмысленность, они обретут значение лишь вкупе с другими фактами, на которые пока никто не обращает внимания.

— Вы забегаете вперед, — киммериец остановил готового продолжить свой монолог Сатти.

— Для начала объясните мне, что вы подразумеваете под разделением личности и как оно было осуществлено.

— Я же говорил, что у меня голова просто переполнена всевозможными гипотезами. Стремлюсь поскорее ими поделиться и забываю, что вы не в курсе основ. Но ничего, постараюсь в дальнейшем за собой следить. Если будет что-то неясно, прошу вас, останавливайте меня и требуйте объяснений.

— Договорились.

— Воздействие, которое применили к вашему солдату, Конан, отнюдь не ново. Просто оно является специфическим и практически неизвестно в землях, лежащих на закат от Вендии, поэтому никто из туреццев ничего и не заподозрил. Даже Телида, весьма глубоко проникнувшаяся в изучении культуры нашей страны, не смогла увидеть очевидного. В какой-то момент вместо одного Хамара их стало двое. Первый — абсолютно нормальный, избавившийся от прежних страхов и от воспоминаний, с ними связанных. Вторая личность — прямая противоположность первой. Здесь доминирующими были те ощущения, что ваш солдат испытывал в самые жуткие моменты той охоты, которая за ним велась. Этот Хамар жаждал лишь одного — поскорее разделаться с собственным ужасом, и не важно, какими средствами.

— Как крыса, загнанная в угол?

— Совершенно верно. Страхи второй личности были столь сильны, что она не могла их больше терпеть. Хамару казалось, что он попал в ситуацию, из которой нет выхода. И тогда он брался за оружие. Именно по этой причине я считаю вашего солдата виновным в гибели всех тех людей, Хамара никто не принуждал убивать их. Другой человек на его месте, встретившись со своим сокровенным страхом, мог попытаться убежать или и вовсе взять и наложить на себя руки. Но ваш солдат предпочел перед смертью — а в том, что она вот-вот наступит, он не сомневался — отправить на Серые Равнины как можно больше тех людей, что косвенно были причастны к его печальной участи. Их угораздило родиться вендейцами, теми, кого второй Хамар ненавидел больше всего.

— Суд пришел примерно к тем же выводам, что и вы, Сатти. Хамар был ненормальным, и безумие его обострялось, когда он оказывался в обстановке повышенного напряжения. Есть ли смысл говорить о чьем-то постороннем воздействии, когда уже есть более правдоподобное объяснение?

— Не совсем оно правдоподобное. Суды закрыли глаза на множество мелочей, которым не

смогли найти объяснение. Например, зачем турецкому было проникать во все эти дома?

— В юности он промышлял воровством. И неплохо преуспел в этом ремесле. Дворцы браминов с их богатствами могли стать для него непреодолимым искушением.

— В Турции сокровищ не меньше, — возразил Сатти. — И я не верю, что хороший вор, а вы говорите, что Хамар новичком в этом деле не был, полез бы в дом без тщательной предварительной подготовки. А у него на это просто времени не было! К тому же по официальной трактовке рассудок у Хамара затуманился лишь тогда, когда он проникал во дворец. Это же бред! Неужели, будучи в нормальном состоянии, он не связал бы убийства со своим желанием побывать в «гостях» у почивших браминов?! Нет, вторая, невинная личность тоже была деформирована!

— Хорошо. Предположим, на Хамара воздействовали. Как это объясняет факт проникновения во дворец?

— Кто-то был вместе с вашим солдатом, когда он проникал в дома. Этот человек обманом заманивал Хамара внутрь, а там переключал его личность. Я пока не понимаю, как ему удалось проделать это целых семь раз. Почему турецкий неизменно верил ему или им?

— Когда я с ним беседовал за день до казни, — сказал Конан, — Хамар упоминал каких-то людей, что помогали ему...

— Проклятье! — процедил сквозь зубы кшатрий. — Надо было встретиться с вами раньше! Я так жалею, что не смог передать через вас вопросы Хамару. Он мог бы пролить свет на множество загадок. Я думаю, что после того, как было совершено последнее убийство, обе личности турецкого соединились. Часть воспоминаний исчезла, часть видоизменилась, но если бы вы правильно вели разговор, то смогли бы выйти на след людей, использовавших турца.

— Что же вы сами к нему в тюрьму не сходили? — удивился Конан. — Зачем вам понадобился посредник? Хамар был в таком состоянии, что ни от кого не стал бы таиться.

— Я боялся, — признался вендиец. — Мне не хотелось привлекать к своей персоне излишнее внимание. Для людей, затеявших эту игру, жизнь одного тысячекратного ничего не значит...

— Сатти, а почему вы вообще занялись этим расследованием? — спросил киммериец. — Какая у вас выгода в этом деле?

— Я знаю, что в это тяжело поверить, — улыбнулся кшатрий, — но виной всему мое любопытство. Вокруг творятся загадочные события, и мне до дрожи хочется знать их подноготную. Если я докопаюсь до правды, то остановлюсь на этом и никак не буду использовать свои знания. Думаю, что те, кто организовал убийства, в курсе моих намерений. Им невыгодно меня убивать, это может навести на них след других ищиков, жадных до крови или золота. Но так будет лишь до тех пор, пока я соблюдаю осторожность. Если я случайно расшевелю змеиное гнездо, то жизнь моя потеряет всякую ценность.

— И как я вписываюсь в эту схему? Один из тех, кого можно при случае принести в жертву? Сатти рассмеялся.

— Это вам Телида сказала? — спросил он. — Она вечно пытается выставить меня злодеем. Конан, я не принуждаю вас ни к чему. Вы вольны поступать как вам вздумается. Можете уйти и забыть мои слова, а можете уподобиться мне или начать ломиться вперед к цели без оглядки на последствия.

— Вы очень неоднозначный союзник, Сатти, — проговорил Конан. — Я думаю, что после нашего разговора не смогу смотреть на ситуацию в столице прежними глазами. Хамар был моим человеком, и те, кто толкнул его на убийства, должны заплатить за свое преступление. Хочется верить, что вы мне поможете, но...

— Вы все правильно понимаете, сотник, — сказал кшатрий. — Я помогу вам найти тех, кто стоял за Хамаром, но расплачиваться придется именно вам. Я не позволю втянуть себя в эту

игру. Мои слова и мои знания могут стоить вам жизни.

— Проклятая страна! — сплюнул Конан. — Здесь друзья не менее опасны, чем враги.

— Мы продолжим разговор? — спросил кшатрий. — Я был абсолютно честен, когда говорил, что Хамар понес заслуженное наказание. Пусть его смерть вас не беспокоит. Ваша совесть чиста, Конан, и я не понимаю, о какой мести может идти речь. Если проблема только в этом, то лучше нам распрошаться. Глупо будет, если вы погибнете из-за подобного недоразумения.

— Вы же знаете, что я вам отвечу!

— Знаю...

— Тогда продолжайте.

— Сначала расскажите мне поподробнее, — попросил Сатти, — о тех людях, что помогали вашему туранцу. Что именно о них говорил Хамар?

— Почти ничего, — ответил Конан. — Сказал, что ему не составило труда найти в Вендии союзников.

— Союзников? — переспросил кшатрий. — Очень интересно.

— После убийства князя Хамар встречался с последователями одного из вендийских учений, — киммериец решил, что стоит рассказать Сатти о верованиях бывшего шадизарского вора Зархеба. Хотя бы для того, чтобы понять, существовала ли на самом деле девятая аватара Вишну. — Они поклонялись последнему воплощению бога Вишну. Проповедовали смирение и недеяние. Какое-то время Хамар был одним из адептов этого учения.

— Всесильный Шива! — воскликнул изумленный кшатрий. — Еще и это! Конан, никому больше не рассказывайте об этой части жизни вашего солдата. Никогда. Девятого воплощения еще не было. Если вам дорога ваша голова, уверуйте в это.

— Вы мне можете объяснить, что это значит?

— Нет. В Вендии это запретная тема.

Выходило так, что Хамар пал жертвой своего заблуждения. Ему никто не собирался мстить за воплощенного бога. Все дело было в учении безымянной аватары Вишну. Кто-то очень сильно не желал, чтобы весть о нем пошла гулять по миру. Это объясняло и гибель княжеского сына, принявшего ту же веру, что и Хамар, и нападение в Султанапуре.

— Хорошо, я понял, — согласился Конан. — Но все же ответьте, мог ли он найти в Вендии союзников из числа единоверцев?

— Сомневаюсь, — покачал головой Сатти. — Не зная столицы, безо всяких связей.... Практически никаких шансов. Но и в совпадение я не верю, это было бы совсем невероятно. Боюсь, сотник, вы еще больше запутали и без того непростую ситуацию. Я буду с нетерпением ждать результатов вашего разговора с человеком, пригласившим Хамара в отряд. Нам надо обязательно узнать обстоятельства его появления в Вендии.

— Поговорю с Масулом сразу же, как вернусь в казармы, — пообещал Конан. — Но я сомневаюсь, даст ли это нам что-нибудь. След надо искать здесь, в Айодхье. Постарайтесь отыскать людей, которых видели вместе с Хамаром. Насколько я знаю, этим еще никто не пытался заняться.

— Вы ошибаетесь, сотник, — сказал кшатрий. — Я последние дни только и делаю, что ищу тех, кто мог быть связан с Хамаром. Пока что — ничего. Люди повелителя и раджи тоже проводили проверки, но и они не принесли результатов. Хотя пара имен вас может заинтересовать. Сабир и Халил. Именно этих двух солдат чаще других видели в компании Хамара. Вы усматриваете в этом что-то необычное? Власти ими не заинтересовались.

— С Сабиром они были близкими друзьями, — ответил Конан. — Не разлей вода. Халил же со всеми много общается. Я тоже ничего особенного не вижу в том, что Хамар много времени

проводил с товарищами. Союзников надо искать не в моей сотне, а среди вендицев.

— Вспоминайте, Конан, — потребовал кшатрий. — Хамар должен был упоминать какие-то факты, на которые мы сможем опираться в поисках. В Айодхье живет слишком много народа, каждого не опросишь.

— Есть кое-что, — произнес киммериец. — Хамар сказал мне, что соврал на суде. Он проник в дом брамина Синты не через стену, а обманным путем, переодевшись в наряд жреца Ситалы. Думаю, на пудже были люди, способные отличить настоящие одежды от поддельных. Значит, перед тем, как отправиться к брамину, Хамар встречался с людьми из культа богини черной осьбы.

— Я, конечно, проверю эту версию, — Сатти не слишком-то обрадовался зацепке. — Но мне кажется, он сам уже запутался, где правда, а где ложь. Хотел поведать тебе истинную версию событий, а вместо этого скормил сказку. Чтобы обмануть брамина и его гостей, Хамар должен был в точности знать и мельчайшие детали творимого на пудже ритуала, и то, как следует общаться с людьми жрецу Ситалы. Его бы не смогли обучить всему этому за столь короткий срок. К тому же, тогда непонятно, какая из личностей Хамара была активна во время пуджи.

— Хамар хвастался, что он знает вендицкие обычай лучше самих вендицев, — сказал Конан. — Он мог, конечно, соврать, но если история с его богом правдива, то думаю, что и здесь он не слукавил.

— Буду рад, если вы окажетесь правы, — улыбнулся кшатрий. — Храм Ситалы — эта та ниточка, которая может вывести нас на хозяев Хамара.

— Расскажите мне о них что-нибудь интересное? — спросил киммериец.

— Один из полуденных культов, — ответил Сатти. — Поклоняются богине черной осьбы, часто проводят жертвоприношения. Надеются тем самым защитить себя от болезни. Поклонников Ситалы сейчас во много раз меньше, чем несколько столетий назад. С развитием искусства магического исцеления и медицины влияния у богини поубавилось.

— Хамар говорил, что жрецов ее по-прежнему боятся.

— Скорее в силу привычки. Я не слышал, чтобы после их проклятий кто-нибудь умирал. Они сами это отлично знают, а потому не спешат направо и налево одаривать своих хулителей болезнью. Сотник, это просто маленький забитый культ, каковых в Айодхье тысячи. Лишь неперсонифицированным поклонением смерти они и обращают на себя внимание. Ну, еще традиции свои соблюдают крепко. Наряд жреца Ситалы и в самом деле просто так не достанешь.

— А жертвоприношения?

— Цветы, фрукты, хлеб. Никакой крови. Поверьте, храму Ситалы в одиночку организовать схему с Хамаром не удалось бы ни за что, да и не надо им этого.

— Что же тогда?

— Хотите, навскидку выдам версию? В храм богини черной осьбы запросто мог внедриться один из фансигаров, который и руководил действиями Хамара. Поклонникам Кали могли заказать убийство браминов. Ради больших денег они не боятся отойти от принципов. Очень похоже на их работу — красиво, эффектно и никаких следов.

— И кто же, по-вашему, выступает в качестве заказчика?

— Один из князей. Возможно, родственник повелителя. Больше просто ни у кого не хватило бы денег или влияния, чтобы воплотить в жизнь столь масштабный план. Но сама по себе личность организатора нам мало что даст. Куда важнее отыскать промежуточные звенья. Не сомневаюсь, что механизм к настоящему времени обрел самостоятельность и работа его продолжится и в случае смерти его создателя.

— Что у вас есть на руках, кроме голых подозрений? Как именно вы собирались вести поиски?

— Я хотел найти того человека, — сказал Сатти, поднимая указательный палец, — который разделил личность Хамара.

— Вы говорили, что он обошелся без колдовства, — напомнил Конан.

— Да, так оно и есть, — кивнул кшатрий. — Я думаю, что над Хамаром потрудился травник. Это самый безопасный вариант для организаторов убийств. Тех колдунов, что осматривали туранца, можно было без труда обмануть, но кто мог поручиться, что повелитель не пригласит более умелых магов. От травяной же смеси, приготовленной соответствующим образом, следов в организме не остается.

— И много в Айодхье таких специалистов?

— Пятеро, — Сатти выглядел очень довольным. — За ними всеми следят преданные лично мне люди, не упускают их из вида ни на мгновенье. Рано или поздно виновный, если таковой среди них имеется, выдаст себя. Тот, кто подготовил снадобье разделения сознания, не мог не знать, для чего оно предназначалось. И он понимал, что после того, как последний из семи браминов отправится на Серые Равнины, убийцы придут и за ним, и должен был подготовиться к их визиту. Я надеюсь, что он допустит ошибку и примет моих людей за своих клиентов.

— А если нет?

— Если нет, то эти пятеро не при чем. В принципе, снадобье могли заказать и в Кхитае, где подобных мастеров побольше. Но тогда доверие к травнику было очень большим. Окажись Хамар менее восприимчив к зелью, уже ничего нельзя было бы исправить. Не верю я в это, травник либо местный, либо живет неподалеку от столицы. Сотник, я очень прошу доверить это направление наших с вами поисков целиком и полностью мне. Не хочу вас обидеть, но эти пятеро вам не по зубам.

— Я не обидчивый.

— Вот и хорошо. У меня есть чем вас занять. Думаю, вы обратили внимание, что в дома, где были совершены убийства, не допускали стражников раджи Нараина. Вроде бы понятно, что дело государственного уровня и расследованием должны заниматься люди повелителя. Но почему они сразу же после первого случая взяли поиски в свои руки?! Откуда они могли знать, что убийства продолжатся?! А ведь точно, знали! Резня, конечно, и в первый раз была страшная, но с интересами государства она соотносилась слабо. Такие преступления всегда расследовала столичная стража.

— Я уже обратил на это внимание. Похоже, что правитель и его приближенные знали о готовящихся убийствах или просто ожидали соизмеримого с ними события. И они явно не желали, чтобы на поверхность всплыла вся правда о гибели браминов, для того и отсекли городских стражей от расследования.

— Правильно, Конан. Им есть что скрывать. Мы не знаем и десятой доли того, что известно людям повелителя. Даже я, тысяцкий, и то вынужден довольствоваться слухами.

— Достоверными или не очень?

— Думаю, что достоверными. Надеюсь. Впрочем, я неправильно сделал, употребив множественное число. Слух до меня дошел один-единственный. Нашептали мне на ушко, что не только во дворце Синты были выжившие. В других домах, во всех, кроме первого, также спаслось несколько слуг и охранников. И сейчас они томятся в застенках тайной службы повелителя.

— Похоже на правду, — согласился Конан. — Я больше всего недоумевал, как убийца умудряется не выпускать на волю ни одну из своих жертв. Даже если он их и отсекал неведомым образом от выхода, то всегда можно было спрятаться. Дворцы у покойных браминов гигантские,

и найти там тихий уголок – не проблема. Но непонятно тогда, почему выжившие не указали на Хамара, как это сделали охранники Синты.

— С чего вы взяли, сотник, что они молчали? — поинтересовался Сатти. — Вполне возможно, что люди повелителя узнали от них, кто убийца, просто ловить его они не спешили. Что если стражи занимались не тем, что расследовали преступление, а тем, что контролировали результаты, прибирались за убийцей?

— В Вендии возможно и такое, — мрачно произнес Конан.

— Я хочу, чтобы вы разобрались с тем, чем на самом деле занималась стража повелителя. Мне они никогда ничего не расскажут. Я из городских, из тех, что служат в первую очередь радже Нараину и лишь во вторую – повелителю.

— Не верю, что у вас, Сатти, нет знакомых в тайной службе или гвардии Вендии.

— Есть знакомые, даже друзья. Но для них преданность повелителю стоит выше дружбы. Они помогут мне, только если будут уверены, что это не пойдет вразрез с интересами их службы. А сейчас совсем не та ситуация, мы играем разными фигурами. Вы же, Конан, человек для них нейтральный. Если вы сумеете их заинтересовать, то вас могут попытаться привлечь на свою сторону.

— Считаете, что такое возможно?

— Вполне! Правитель не откажется заполучить в свои ряды туранского сотника, который по возвращении в Аграпур наверняка будет повышен до тысячного. С прямым предложением к вам, разумеется, никто не полезет, но постараться аккуратно подвести к нужному решению могут. И ваша задача – не зевать.

— Я посмотрю, что получится сделать.

— Отлично! — хлопнул в ладоши Сатти. — Нам осталось только решить, как поддерживать связь. О сегодняшней нашей встрече всем заинтересованным людям уже известно, но я не вижу в этом ничего страшного. Рано или поздно Телида должна была нас свести.

— Есть предложения? — Конан уже успел изучить манеру общения тысячного. Тот без наводящего вопроса или напоминания мог сто лет ходить вокруг да около.

— Разумеется, — сказал вендиец. — Вы завтра собираетесь к Телиде?

— А надо?

— Надо! Вам по статусу положено у нее бывать. Ничего подозрительного в этом нет. Так же, как и в моих визитах к ней. Мы с вдовой старые приятели. Я буду оставлять вам у нее сообщения о местах будущих встреч. В их надежности можете не сомневаться.

— Я и не собирался, — улыбнулся Конан. — Если нам больше нечего обсудить, то я пойду.

— Конечно же! Я помню, что вы торопились, — сказал Сатти. — Прошу простить, что задержал вас. Доброй дороги, Конан. Вы идите, а я посижу здесь еще немного, полюбуюсь на звезды и подумаю.

— Счастливо оставаться!

За разговором Конан и не заметил, как сады погрузились во тьму.

Мир вокруг киммерийца наполнился птичьими голосами. Северянин был настолько погружен в разговор, что не замечал происходящих вокруг него метаморфоз. Переход к новой обстановке оказался столь скрытым, что киммерийцу на миг показалось, что он не в столице Вендии, а в самом сердце джунглей, где человек – существо лишенное и постороннее.

Конан тряхнул головой, гоня прочь образы, рожденные его воображением.

Но не так-то просто было с ними справиться.

Сотник точно знал, что находится в садах повелителя Вендии, но инстинкты во весь голос кричали об обратном, убеждая его, что он в диких местах и опасность где-то рядом, за следующим поворотом. Киммериец, сам того не замечая, начал ступать мягко, словно кошка. Так

постепенно он превращался в ночного хищника, исконного обитателя этих мест. Сознание сотника было свободно от страхов и жажды крови, но тело его было телом зверя, готового в любой момент ринуться на врага.

Пока все было спокойно, сознание и инстинкты существовали независимо друг от друга, но вдруг нечто заставило Конана прислушаться к своему звериному чутью. Опасность мнимая начала обретать очертания опасности реальной. Что-то в окружающей обстановке было не так, неправильно, что-то не принадлежало миру садов. Киммериец осматривался, но никак не мог понять, что именно привлекло его внимание. Деревья, кусты, птицы — всё как обычно. Только вместо солнца полная луна.

— Кром порази этого Сатти! — выругался киммериец. — После всех этих разговоров о заговорах собственной тени бояться начинаю.

Северянин в сердцах сплюнул и продолжил путь к полуночному выходу из садов.

Однако неприятное ощущение близости чего-то чужого и злого не исчезало. Конан утешал себя мыслью, что птицы ведут себя совершенно спокойно, а значит, страхи эти — не более чем фантом.

Глава 10.

За две седмицы до первого убийства. Храм Вишну.

Нынешняя церемония оказалась самым потрясающим зрелищем из тех, что доводилось видеть Конану.

Что ни говори, а поклонялись вендийцы своим богам с размахом. Барабанщики, танцоры, жонглеры – кого здесь только не было!

Чего стоило одно шествие слонов! Огромных серокожих гигантов нарядили в яркие ткани и пустили впереди процессии. У стен храма Вишну элефанты сами по себе, без всяких команд, опустились на передние ноги, словно желали продемонстрировать свое почтение богу. Затем к ним подошли люди, одетые столь же ярко, и развели животных в стороны от ворот храма. Там слоны, выстроившись в две линии друг напротив друга, приветствовали паломников, шедших меж ними, издавая звуки, сходные с теми, что извлекают из своих инструментов трубачи.

Цветов повсюду было море. Их запах смешивался с ароматом духов пришедших на празднество дам. Вблизи храма, где собралась основная масса народа, воздух казался приторно-сладким, и от него слегка кружилась голова.

Но самой главной составляющей церемонии были не украшения и не дары, предназначенные богу, а атмосфера праздника. Вендийцы искренне, словно дети, радовались творящемуся действу. Их эмоции были настолько сильны, что вытесняли прочь злобу, зависть и ненависть, которым просто не осталось места на этом празднике. Все, кто пел, танцевал, жонглировал, разбрасывал цветы или же просто стоял и смотрел, непременно улыбались. Не было здесь ни одного печального лица.

Конан тоже радовался вместе со всеми, но это не мешало ему неотрывно следить за маленькой вендийкой с кукольным лицом. Ради нее он и пришел на праздник.

Девушку, насколько известно было киммерийцу, звали Рамини. Она была верховной жрицей храма Иштар в Айодхье. Сотник надеялся, что она поможет ему выйти на след убийц бывшего посла Турана. Если это, конечно, было убийство, в чем Конан все больше и больше сомневался. Но, в конце концов, Рамини была просто хороша собой, и одно это стоило того, чтобы завести с ней знакомство.

За три седмицы, проведенные в Вендии, Конан четко осознал, что если посла лишили жизни по политическим мотивам, то пытаться найти хоть какую-то зацепку бессмысленно. В этой стране заговоры плели все, от мала до велика. Видимый союзник здесь на деле мог оказаться злейшим врагом, и разобраться в этом хитросплетении интриг постороннему человеку не было никакой возможности. Вот Конан и рассудил, что ни к чему ему тратить время на выяснение того, какой из вендийских политических сил была выгодна смерть посла. Бессмысленно это. Лучше более тщательно проработать «деньги» и «религию».

Последние полторы седмицы киммериец проверял наследников посла на предмет их заинтересованности в смерти пожилого туранца. Вроде бы семейство было мирное, и творить смертоубийство для скорейшего обогащения никто из детей не собирался. Насчет вдовы сомнения оставались, но развеять их, или же наоборот, в них утвердиться было делом ближайших нескольких дней. Конан собирался прямо и открыто изложить Телиде все свои подозрения и посмотреть на ее реакцию. Он бы сделал это и раньше, но что-то его все время останавливало. Но ничего, завтра или послезавтра означенный откровенный разговор непременно состоится. Должен состояться.

Помимо этого Конан рассчитывал в скором времени начать знакомиться с миром

вендийских верований. Взаимоотношения у местного пантеона были сродни тому, что творилось в политике. Богов в Вендии насчитывалось никак не меньше тысячи. Броде бы какие-то из них считались погибшими, но им по-прежнему поклонялись и приносили жертвы. Полная неразбериха. С чего именно начать постижение всего этого безобразия, Конан понятия не имел.

Но на выручку ему пришел случай.

Вчера киммериец в компании пятерых своих солдат отправился пропустить пару кружек в местное питейное заведение. То, которое облюбовали для себя туранцы, от остальных мало чем отличалось. Хоть оно и было устроено из расчета на иноземных посетителей, местная традиция чувствовалась в нем в полной мере. Грязь, вонь и шум, на которые вендийцы и внимания-то не обращали, заметно раздражали солдат. Но и устраивать день за днем попойки в казармах, в которые к тому же мог в любой момент наведаться Шеймасай, им тоже было неинтересно. Хотелось общения с местным населением.

С женским полом проблем не было, снять шлюху на ночь – раз плонуть. Стоили девицы сущие гроши, а вот в искусстве любви могли запросто преподать урок туранским куртизанкам. Конан даже и не думал запрещать солдатам подобные развлечения, скорее наоборот, поощрял их, чтобы воины царя Илдиза от безделья не начали устраивать драки в столице Вендии.

А вот напиться до потери сознания или затеять игру в кости на все месячное жалование в столице Айодхьи было не с кем. Дело в том, что одни вендийцы были намного богаче туранских солдат и в общество свое их не допускали, другие же были принципиально беднее и загула поддержать не могли. Пить на деньги туранцев последние отказывались. То ли из уважения, то ли из презрения, а может, просто характер у них такой был...

С самими напитками дела обстояли также не лучшим образом. Вино в Вендии практически не делали. Конану за три седмицы его нахождения в Айодхье повстречалось всего два местных сорта, да и те пить без содрогания было невозможно. В богатых домах, где киммерийцу случалось бывать, его, конечно, угождали дорогим огирским розовым, зингарским белым и прочими винами, что потребляли в закатной части Хайбории. Но в простых кабаках предлагали исключительно местные настойки. На вкус они были сладкими с легкой горчинкой и оставляли во рту неприятный осадок. Опьянение от них киммерийцу совершенно не нравилось. Мысли начинали течь до отвращения медленно, тело переставало слушаться, а на следующий день голова просто раскалывалась. Но за неимением альтернативных напитков приходилось пользоваться эти настойки.

Сам Конан с удовольствием бы отказался от визитов в местные кабаки, если бы не необходимость слушать чужие разговоры. Солдат вендийцы нисколько не стеснялись, видя, что те общаются меж собой исключительно на туранском. Конан же специально выбирал такое место на лавке, чтобы оказаться поближе к заинтересовавшей его группе местных жителей. Но до вчерашнего вечера его слуха достигали лишь разговоры о погоде, урожае и поклонении богам.

На слова о храме Иштар Конан сначала не обратил внимания, решил, что это просто очередная религиозная болтовня о том, как правильно надлежит проводить ритуалы. Северянин искренне недоумевал, почему вендийцы процессам молитвы и жертвоприношения внимания уделяют куда больше, чем самим богам. В этом феномене еще предстояло разобраться, но пока киммерийца не оставляло чувство неправильности такого подхода.

Встрепенулся сотник лишь тогда, когда собеседник посетившего храм Иштар человека начал чем-то громко возмущаться. Подобная реакция казалась немыслимой для веротерпимых вендийцев, которые с радостью соглашались зачислить в свой пантеон любого чужеземного бога.

Что именно вывело из себя мирного жителя Айодхьи, киммериец так и не уловил. Из дальнейшего обмена репликами он извлек немного сведений о самом культе Иштар – вернее, о

его местной разновидности – и описание верховной жрицы. Насколько киммериец разобрался, эта женщина пошла наперекор многим местным традициям, чем вызвала восторг со стороны одних и ненависть со стороны других.

Конан решил, что храм Иштар и его верховная жрица – это именно то, что нужно для начала разработки религиозного мотива. Северянину как раз и нужен был кто-то, обладающий достаточными знаниями о местной системе верований, но в то же время не связанный ее рамками. Изначально в качестве такого объекта киммерийцу виделись тантрики, но культ Иштар, имеющий давние связи с Тураном, подходил еще лучше.

К концу вечера сотнику удалось узнать имя верховной жрицы и получить подробное описание ее внешности. Но идти прямиком в храм Иштар киммериец не решился. Для начала ему хотелось просто посмотреть на Рамини, попытаться понять, что она из себя представляет.

Отправляясь на праздник, организованный вайшнавами Айодхьи, Конан почти не сомневался, что встретит там верховную жрицу богини семейного очага. Религиозные церемонии вроде этой в Вендии были событиями едва ли не государственного масштаба. Одних паломников в Айодхью прибыло не меньше полутора тысяч человек. Вряд ли Рамини оставит такой праздник вне своего внимания.

Расчет киммерийца оказался верным. Почти сразу же он различил среди державшихся особняком брахманов миниатюрную фигурку жрицы Иштар.

Но ничего примечательного в поведении Рамини Конан не заметил. Она, как и все, с интересом наблюдала за выступлениями артистов и за шествием слонов. Изредка поднимала над головой букетик белых цветов и махала им в знак приветствия и одобрения.

Конан чувствовал себя довольно глупо. Вся затея с походом на праздник Вишну теперь казалась ему бессмыслицей. Ну, что такого, в самом деле, он надеялся здесь увидеть?! Что Рамини бросится на вайшнавов с кулаками или будет громогласно призывать проклятая на их головы?.. Бред.

Но уходить просто так тоже не хотелось. И Конан начал пробираться к верховной жрице.

Киммериец понимал, что собирается сотворить глупость, но ничего не мог с собой поделать.

— Замечательный праздник, — шепнул он на ушко Рамини.

Вендийка вздрогнула от неожиданности и обернулась посмотреть, кто же с ней заговорил.

Конан постарался улыбнуться как можно более мило.

Рамини кинула оценивающий взгляд на фигуру северянина, оставив его улыбку без внимания. Увиденным она, похоже, осталась довольна, потому как разговор решила поддержать.

— Такой же, как и все, — сказала маленькая вендийка, вновь обращая свой взор в сторону шествия. — Из года в год одно и то же. Сразу видно, чужестранец, что в Вендии ты пробыл недолго. Иначе тебе бы уже опостылили все эти зрелища.

— Меня зовут Конан, — представился киммериец.

— А меня — Рамини, — ответила девушка, по-прежнему стоя спиной к северянину.

В двух шагах от вендийки прошел жонглер, державший в воздухе восемь кинжалов. Рамини замахала ему своим букетом. На этот раз ее движение показалось Конану каким-то издевательским.

— Но праздники случаются не каждый день, — продолжил беседу киммериец. — Как можно к ним привыкнуть?

— У них только оболочка разная, — зло произнесла вендийка. — А суть одна. Вся эта фальшивая радость. Знаешь, Конан, почему они танцуют и смеются? Они таким способом приносят свои эмоции в жертву богу. Без жертвоприношений местные боги не могут, они ослабнут. Просто веры им недостаточно. Вот люди их и подкармливают. Надеются, что Вишну

насытится и дарует им свою благодать. Круговорот добра!

— Кажется, я понимаю, о чем ты говоришь, — сказал Конан.

— Я прихожу на праздники лишь за одним, — Рамини развернулась к Конану. — Насладиться красотой. Когда я начинаю чувствовать в себе эмоции этих людей, я ухожу. И сейчас именно такой момент.

Сотник внимательно смотрел на вендику, ожидая продолжения. И оно последовало.

— Пойдешь со мной, Конан? — спросила девушка.

— Да, — коротко ответил киммериец.

Вендику взяла Конана за руку и потащила его сквозь толпу к одной из боковых улочек. Северянин догадывался, что Рамини уже успела изучить оптимальные пути отхода от всех крупных храмов Айодхьи.

И в самом деле, очень скоро народу вокруг поубавилось, и, судя по хмурым лицам, эти люди к празднеству не имели никакого отношения.

— Они крутятся где-то здесь, — выдала непонятное объяснение Рамини и начала оглядываться по сторонам — не самое приятное занятие, с ее-то ростом. — Знают, что найдутся те, кому надо пораньше уйти.

Киммериец кое-как догадался, что она имела в виду носильщиков. Не пристало верховой жрице путешествовать по городу на своих двоих. Конан заметил вдалеке пару скучающих перевозчиков и махнул им рукой.

Спустя несколько мгновений они уже предлагали свои услуги Рамини.

Но вендику не спешила занять место в паланкине.

— Есть поблизости другие? — спросила она у того носильщика, что был постарше. Конану показалось, что это были отец с сыном. — Мой друг отправится вместе со мной.

Старший носильщик утвердительно кивнул и отправил младшего на поиски.

— Я спокойно могу дойти пешком, — поспешил тем временем заверить жрицу Конан. Ему очень не хотелось, чтобы его несли на руках эти несчастные вендицы. — Не беспокойся.

— Нет уж! — возразила Рамини. — Тебе силы понадобятся для кое-чего другого.

Киммериец, кажется, понял, что имела ввиду вендику, и был готов дать обещание, что пешая прогулка на его способностях не отразится, но Рамини выглядела очень уж серьезной, и Конан решил не спорить, опасаясь возможной ссоры.

Тем временем вернулся носильщик. Следом за ним вышагивали два его собрата по ремеслу.

— Садись, — с улыбкой сказала Рамини, указывая киммерийцу на прибывший паланкин.

Если бы доставшиеся Конану носильщики были бы такими же хиловатыми на вид, как те, на чьих плечах покоялся паланкин вендики, сотник всё-таки начал бы упорствовать. Но, похоже, отосланный за подмогой паренек разобрался, что к чему, и к шуткам склонности не имел. Перевозчиков северянину он привел знатных, лишь чуть меньше самого Конана.

Само путешествие киммерийцу никакого удовольствия не доставило. Он отлично помнил, что из себя представляют улицы Айодхьи, и в воображении его то и дело возникали сцены крушения паланкина, для которого в толпе просто не могло найтись достаточно свободного места. А если к этому добавить ту скорость, с которой передвигались носильщики, то картина становилась и вовсе пугающей.

К счастью, до храма Иштар и Конан, и Рамини добрались без происшествий. Киммериец и жрица расплатились с носильщиками, и те, поклонившись на прощанье, растворились в толпе.

Не успел северянин и глазом моргнуть, как его рука опять оказалась в руке маленькой жрицы.

— Познакомься, Конан, это наши стражники, — сказала Рамини, указывая на двух огромных темнокожих вендицийцев, стоявших у дверей храма. Выглядели они грозно, и их

громадные сабли, что были демонстрационно обнажены, также внушали уважение. Но, к сожалению, эта красивая обертка не давала никакого представления о том, какие бойцы из этих двух стражей.

И вообще, очень странная традиция – ставить перед входом в храм богини семейного очага охрану. Тем не менее, это было обязательной деталью любого храма Иштар.

— Очень приятно, — киммериец постарался подавить пробивающуюся в голосе иронию.

Стражи на приветствие никак не отреагировали, ни один мускул на лице не дернулся.

— Они – хорошие ребята, Конан. До сих пор никого не убили, — поспешила уверить киммерийца Рамини. Вторую же часть фразы вендейка, скорее всего, адресовала стражам. — И тебя они не тронут. Ни за что.

Маленькая жрица звонко рассмеялась, глядя на серьезные физиономии мужчин, и повела Конана внутрь храма.

В центральном помещении пред алтарем богини, на котором стояли дары, предназначенные Иштар, молились, опустившись на колени, четверо вендейцев. Конан заметил, как к одному из них подошла молоденькая жрица, одетая в полупрозрачные ткани, дотронулась до его плеча... Что было дальше, Конан не увидел. Рамини увела его прочь от молельни.

Они шли по широкому коридору, на стенах которого висели крохотные масляные лампы. Свету от них было немного, но дым их туманил и кружил голову. Скорее всего, эффект возникал из-за трав, что добавляли в масло. Несколько раз киммериец и жрица проходили сквозь маленькие комнаты с широкими кроватями, застеленными белоснежными простынями. У изголовья каждой из них непременно находился аккуратненький серебряный кувшин, как казалось Конану, наполненный вином. Рядом с ним стояла каша с разноцветными шариками.

В одной из комнат киммериец остановился и указал Рамини на кровать. Та улыбнулась и покачала головой.

— Уже скоро, — шепнула она.

И действительно, цель их путешествия оказалась близка.

Покои, принадлежавшие Рамини, отличались от прочих не только размерами, но и тем, что предназначались не для развлечений, а для жизни. Мраморные полы здесь были застелены пушистыми коврами, в которых ноги утопали по щиколотку. На стенах висели картины с изображением видов Айодхьи, обнаженных женских тел и цветов. Натуральных цветов, в основном снежно-белых лилий и алых роз, в комнате тоже было предостаточно. От коридора покои жрицы были отделены только тонкой резной перегородкой, которая ничего не смогла бы скрыть от зорких и любопытных глаз.

Рамини показала киммерийцу, чтобы он ложился на кровать.

Конан послушался. Раскинувшись на мягких перинах, он с вожделением наблюдал за тем танцем, что исполняла для него маленькая жрица. Двигаясь в такт несуществующей мелодии, вендейка постепенно обнажала свое прекрасное тело. До профессиональных танцовщиц ей, конечно, было далеко, но та легкая неловкость, с которой она исполняла свой танец, будила в Конане еще большее желание.

Наконец, представление закончилось, и Рамини скользнула к киммерийцу в объятья.

Следующие три колокола были заполнены поцелуями, взаимными ласками, нежностью и бесконечным наслаждением. В какой-то момент, Конан даже не заметил когда именно, к ним с Рамини присоединилась еще одна жрица. Заканчивали же любовное игрище они уже вчетвером.

Все три девушки не скрывали своего восхищения киммерийцем. Раз за разом они пробуждали в нем огонь желания. Конан только дивился на жриц Иштар: казалось, в искусстве любви для них не осталось никаких запретов. Он ожидал от храма богини семейного очага чего угодно, но такое...

Однако это ни в коем случае не означало, что северянин оказался разочарован. Наоборот, такого удовольствия он не получал очень давно, наверное, со времен Шадизара.

— Оставьте нас, — попросила подруг Рамини, когда силы у всех любовников подошли к концу и они просто лежали на кровати, наслаждаясь приятной истомой в своих телах.

Девушки страстно поцеловали Конана на прощанье и скрылись за перегородкой.

— Это лучшее, что когда-либо со мной бывало, — произнесла Рамини, обхватив руками плечи северянина.

— Я ни на миг не пожалел, что ушел вместе с тобой с праздника, — признался Конан.

Жрица усилась верхом на живот киммерийца и дотронулась до своих грудей.

— Я тебе нравлюсь? — спросила она.

— Ты великолепна!

— Что тебе больше нравится? Мое тело или то, как я занимаюсь любовью?

— Все! В тебе все прекрасно.

— Да? Я рада. Когда такой мужчина, как ты, говорит комплименты, это приятно. Я начинаю чувствовать себя самой желанной женщиной на свете.

Рамини склонилась над киммерийцем и начала медленно раскачиваться из стороны в сторону, отчего маленькая грудь жрицы с аккуратненькими рубиновыми сосочками возбуждающе подрагивала. Конан безумно жаждал прикоснуться губами к этой потрясающей красивой молодой плоти, а затем перевернуть девушку на спину и в очередной раз овладеть ею. Но северянин чувствовал, что вендишка наслаждается моментом, тем напряжением, что возникло сейчас меж их телами, и он не желал лишать ее этого удовольствия.

— А мои подруги? Они пришли тебе по вкусу?

— Да. Но ты лучше.

Конан не мог больше терпеть. Он привлек к себе Рамини и начал жарко целовать ее шею. Какое-то время вендишка наслаждалась ласками киммерийца, постанывая от удовольствия, но потом отстранила его.

— Нет! — заявила она. — Я хочу, чтобы ты все еще желал меня, когда соберешься уходить. Ты должен вернуться ко мне, хотя бы ради удовлетворения своей похоти.

Вендишка слезла с кровати, взяла со столика, стоявшего у изголовья, красный шелковый платок и обмотала его вокруг бедер. Потом подошла к другому столу, который явно выполнял функции обеденного, наполнила две чаши белым вином и вместе с ними вернулась к киммерийцу. Ложиться, правда, она не стала, просто присела на краешек кровати поближе к Конану.

— Я обязательно вернусь к тебе, Рамини, — пообещал киммериец.

— Попробуй только обмани, — очень серьезно произнесла маленькая жрица и погрозила Конану пальчиком.

Киммериец улыбнулся и пригубил вино.

Замечательный напиток. Почти такой же, как женщина, его подавшая.

— Что ты делаешь в Вендини, Конан? — спросила Рамини.

— Командую сотней туранских воинов, — ответил киммериец. — Исполняя повеление царя Илдиза, мы сопровождали в Айодхью нашего нового посла.

— Плохо, — вздохнула жрица. — Я надеялась, что ты в Айодхье надолго. Не верю, что ваш царь позволит такому воину, как ты, прохладиться в дальних краях. И как скоро ты отправишься в обратный путь?

— Не раньше, чем через две-три недели...

Рамини оборвала его фразу страстным поцелуем.

— Я буду с тобой целых три недели, — радостно прошептала она.

— Я думаю, что дольше, — поспешил уверить ее Конан. — Мы должны сопроводить в Аграпур вдову бывшего туранского посла и ее семейство. Насколько я понял, госпожа Телида не очень торопится уезжать. Она уже четырежды отодвигала сроки. Если так будет продолжаться и дальше, то раньше чем через два месяца мы из Айодхьи не отправимся.

— Это же замечательно, — сказала маленькая вендишка и вновь поцеловала Конана.

— Теперь и я так думаю, — признался киммериец. — Боюсь, что даже через два месяца мне не захочется уезжать от тебя, Рамини. Страшно подумать, что еще этим утром я умирал со скуки, не знал, куда себя девать. Незнакомая страна, незнакомые нравы.

— Но язык-то ты знаешь, — заметила вендишка.

— У меня способности к языкам, — сказал Конан.

— И не только к ним, — хихикнула Рамини.

— Серьезно, я просто задыхался от безделья, — продолжал северянин. — Оттого я и отправился на праздник Вишну, решил начать постигать местную жизнь.

— Хочешь, я буду твоим наставником? — встрепенулась Рамини. Казалось, эта идея ее очень сильно захватила. — Расскажу тебе о Вендии всё-всё! И тогда ты не захочешь уезжать и останешься здесь со мной!

— Если я соглашусь, — спросил киммериец, — ты займешься со мной любовью прямо здесь и сейчас?

— Шантажист, — прошептала Рамини и сбросила с бедер шелковый платок.

Глава 11.

Первый день расследования. Казармы.

Выспаться Конану толком не удалось. Мало того, что вернулся в казармы глубоко за полночь, так еще и кошмары донимали. Что именно ему снилось, киммериец вспомнить не мог, но ощущения наутро были самые гадкие.

Но и это было еще не все.

Казалось, что дурной сон продолжался и наяву. Голова болела, тело ломило, но самое неприятное — то, что не хватало воздуха. Каждый новый вздох давался киммерийцу все с большим и большим трудом.

На здоровье Конан никогда не жаловался и кроме как колдовством объяснить происходящее не мог.

— Кром! — процедил сквозь зубы киммериец.

Преодолевая слабость, он поднялся на ноги и сделал первый неуверенный шаг по направлению к двери. Надо было отправить одного из солдат в посольство к Шеймасай за магами. Но киммериец не смог даже сделать второго шага. Ноги подкосились, и он свалился на пол. Хватая воздух ртом, северянин смотрел, как его комната медленно погружается во мрак. Страха он не испытывал, лишь горечь оттого, что ему не суждено принять смерть на поле боя, как он мечтал.

За дверью послышались человеческие голоса.

Киммериец попытался позвать на помощь, но язык его не слушался. К счастью, люди за дверью уходить от комнаты сотника не спешили.

Раздалось злобное шипение. От распростертого на полу Конана в угол комнаты метнулась тень и через мгновение исчезла. Тут же исчезла слабость, воздух перестал казаться густым, словно желе. Осталась лишь легкая головная боль.

И тогда киммериец испугался.

У него появился враг настолько опасный, что впору было начинать думать о бегстве. Конан вспомнил свои ощущения, когда он вчера возвращался в казармы после разговора с Сатти, — присутствие зла, неведомого и неосозаемого. Сотник понял, что видел именно ту тень, что сбежала из комнаты, заслышиав человеческие голоса. Она прошла вместе с ним весь путь от садов до казарм, дождалась, пока он заснет, и попыталась убить его. Еще немного, и ей бы это удалось.

Как бороться с этим существом, киммериец не представлял. Но он догадывался, что тень так и будет следовать за ним денно и нощно в ожидании того момента, когда он потеряет бдительность, ослабнет или просто уснет.

Нужен был хороший маг, который смог бы обуздить тварь. Вот только Конан не верил никому из местных колдунов, а тех, что привел с собой Шеймасай, считал дилетантами.

Киммериец вытер пот со лба, поднялся на ноги, добрел до кувшина с холодной водой и сделал пару глубоких глотков.

В этот миг двери в комнату отворились, и внутри оказался один из солдат. Амьен — человек Газила. После смерти последнего именно он возглавил десяток. Конану показалось, что туранца в комнату втолкнули. Об этом же говорил и его растерянный вид.

— Сотник, — неуверенно произнес седобородый туранец. — Там посол, требует, чтобы его к вам пустили.

Следовало догадаться.

Только Шеймасай было под силу вот так вот, словно котенка, впихнуть в комнату одного из самых опытных бойцов в сотне, чтобы тот объявил о его приходе. По совершенно непонятным причинам все солдаты буквально трепетали перед послом. За глаза они его костерили направо и налево, но стоило им оказаться в непосредственной близости от Шеймасай, как они теряли всякую волю к сопротивлению.

Никакой магии здесь не было, просто посол очень умело давал понять, насколько выше он стоит, чем все эти люди. Конану даже пришло на ум сравнение с вендийскими кастами. Всё-таки неспроста Илдиз назначил послом именно этого человека. Дипломатом он был посредственным, способности его были иного толка. Весь вопрос в том, к чему их можно было применить.

Киммерийца с каждым днем все больше и больше интриговала фигура нового туранского посланника.

— Иди, — Конан махнул рукой на дверь.

Выучка и приверженность дисциплине не позволяли Амьену покинуть комнату без разрешения сотника.

Конан окинул взглядом комнату, нашел, куда бросил вчера штаны, и быстренько натянул их. Не дело появляться перед Шеймасай в чем мать родила, крику поднимется — пожалеешь, что он на пару с Амьеном тень прогнал. Лучше смерть, чем вопли посла.

Едва киммериец закончил завязывать веревочку на поясе, как в комнату вошел Шеймасай. Без стука, разумеется.

— Здравствуй, сотник, — в начале разговора посол неизменно придерживался правил этикета. Лишь через несколько реплик он сбивался на ругань и оскорблений.

— Доброе утро, посол. Очень рад вас видеть, — киммериец сказал чистую правду. Если бы не столь ранний визит Шеймасай, лежать бы ему на полу бездыханным телом. — Чем могу служить?

Туранец нахмурился.

— Обойдемся без иронии, сотник, — предложил он.

— Что вам надо? — уже не так вежливо поинтересовался Конан. Умел его посол из себя вывести, даже благодарность за спасение как-то отошла на второй план.

— Я хочу, чтобы вы поскорее убрались из Вендии, — сказал Шеймасай. — Ответь мне, наконец, на очень простой вопрос: когда ты, Телида и твои солдаты лишите меня счастья лицезреть ваши физиономии в Айодхье? Когда?!

— Обращайтесь к Телиде, — посоветовал посолу Конан, отлично зная, что его совет останется без внимания. Шеймасай и близко к дворцу вдовы не подойдет. Ненависть у них была взаимной. — У меня приказ царя Илдиза: без нее не возвращаться.

— Сотник! — закричал посол. — Ты мне говорил, что она ко вчерашнему дню должна была закончить сборы. Почему ты еще здесь?

— У Телиды заболел сын, — объяснил киммериец. — Без него она никуда не поедет. Если желаете ускорить процесс, можете прислать к нему своего личного лекаря. Только, думаю, Телида откажется воспользоваться его услугами.

— Не изображай идиота, — посоветовал Конану Шеймасай. — Этой старой карге нужен повод, чтобы остаться в Вендии, вот она и выдумывает всякие небылицы. Почему ты идешь у нее на поводу?

— А что я могу сделать?! — северянин громогласно выразил свое недоумение. — Приказать ей?!

Шеймасай уже открыл рот, готовясь рассказать киммерийцу, как тому надлежит себя вести с вдовой... и смолчал.

Конану тоже сказать было нечего. Повисла пауза.

— У тебя есть вода? — неожиданно спросил Шеймасай.

Киммериец взял со стола кувшин и отнес его посланнику. Туранец взял сосуд и начал жадно пить. Потом вернул кувшин хозяину, а сам уселся на единственный в комнате стул.

— Хорошо, — сказал Шеймасай. — Я напишу царю о наших затруднениях с Телидой и даже умолчу о твоем поведении. И других проблем достаточно... Проклятье! Более чем достаточно!

— Что случилось? — спросил Конан.

Утро вышло богатым на сюрпризы: сначала его пытаются убить неизвестная тварь, потом приходит Шеймасай, ведет себя практически нормально, а в конце выражает желание поделиться своими проблемами. Своими!

— Еще один твой человек, — сказал посол, — вляпался в серьезные неприятности.

Вот тебе и «свои» проблемы. Странно было только, что посол говорил о его человеке в столь куртуазной форме. После того, как открылась правда о действиях Хамара, Шеймасай устроил сотне и ее командиру такой разнос, что лучше не вспоминать.

— Я слушаю, — произнес киммериец.

— Мне донесли проверенные люди, — начал Шеймасай, — что вчера они видели одного из туранских солдат в компании пяти фансигаров. Ты понимаешь, что это означает?

— Вполне, — коротко и сухо ответил северянин.

Случай с Хамаром нанес репутации Турана в Вендии серьезнейший урон. Лишь тот факт, что лекари правителя признали убийцу сумасшедшим и за свои действия не отвечающим, спас Туран от крупного скандала. Хотя, будь дело в другой стране, где в сознании жителей не укоренилась бы крайняя из всех возможных форм фатализма, неприятностей никак было бы не избежать.

Повторный скандал с участием туранского солдата разрушил бы последнюю надежду на скорейшее возобновление добрых отношений между двумя странами. Знакомство же с фансигарами и само по себе много стоило, а уж в такой неподходящий момент...

— Теперь понимаешь, почему нам так нужно, чтобы сотня поскорее отправилась в Туран?

— Я в самом деле не могу ничего поделать с Телидой. Пишите Илдизу и молитесь, чтобы он встал на вашу сторону. Насколько я понял, он очень не хотел оставлять вдову в Айодхье.

— Знаю. Я хотел посоветоваться, упоминать ли в послании случай с фансигарами.

— Расскажите, что именно вам известно.

— Я уже все сказал. Вчера вечером вашего солдата видели в квартале Тринадцати Стен. Он находился там вместе с людьми, которых опознали как фансигаров.

— Как долго длилась их встреча? Что они делали?

— В подробности меня, к сожалению, не посвятили. Зато дали точное описание солдата.

— Подождите с ним! Что значит не посвятили? Кто вам рассказал о фансигарах?

— Этого я не могу тебе сказать.

— Вы предлагаете мне поверить на слово людям из квартала Тринадцати Стен?! Возмущение Конана было вполне искренним.

Обвинения в связях с фансигарами в Вендии считались достаточно серьезными, чтобы в случае их подтверждения лишиться головы. Так что бросались ими исключительно редко. И если уж говоришь о том, что человек входит в секту душителей Кали, то будь добр, подтверди свои слова весомыми доказательствами. Иначе можно и в темницу угодить — за ложный донос.

Обитатели же квартала Тринадцати Стен в Айодхье были, по мнению Конана, людьми, меньше всех заслуживающими доверия. Там в обветшальных полуразвалившихся домах жили люди, не принадлежащие ни к одной из каст — неприкасаемые. Впрочем, назвать их бытие жизнью язык не поворачивался — так, растительное существование. У них не было ничего, они были

никем. Они желали лишь одного – поскорее умереть и переродиться в иной форме.

Честные люди в квартал Тринадцати Стен не заглядывали, не желая находиться в опасной близости от неприкасаемых. Лишь самые темные личности творили здесь свои дела. Фансигары были из их числа.

— Ничего я тебе не предлагаю, сотник! — Шеймасай вернулся к прежнему надменно-оскорбительному тону.

Конан понял, что зашел слишком далеко. Посол не пришел бы к нему, если бы не был уверен в точности своих сведений. Помимо всего прочего, киммерийца снедало любопытство: что же это за источники могут быть у человека, который в стране без малого полтора месяца?! Непрост посол. Ох, непрост.

— Вы говорили про описание, — напомнил киммериец.

— Проклятье, почему ты не можешь просто взять и исчезнуть?! — взмолился Шеймасай. — Да, мне дали подробное описание этого солдата и сказали, что я встречу его здесь, если приду к тебе этим утром. Ты сам видел этого человека. Я специально выбрал его, чтобы показать тебе.

— Амьен? — удивился Конан.

— Понятия не имею, как его зовут, — отозвался посол. — Крепкий, сухопарый, с седой бородой. Тот, что был в комнате до меня.

— Вы уверены? — спросил Конан, хоть и понимал, какая реакция последует.

Дело в том, что он не помнил в облике Амьена характерных черт, по которым можно опознать человека.

— Да, — ответил Шеймасай. Спокойно и немногословно. Этого хватило, чтобы Конан ему поверил.

— Я поговорю с Амьеном, — пообещал киммериец. — Постараюсь узнать, что он делал в квартале Тринадцати Стен.

— Только без глупостей, сотник, — напомнил Шеймасай. — Не сболтни ему лишнего, вполне возможно, этот человек – враг Турана, а значит, и наш с тобой.

— Я понимаю, — кивнул Конан.

До случая с Хамаром он бы непременно возмутился, но сейчас допускал, что посол может оказаться прав. Если в сотне сыскалась одна паршивая овца, то там могут найтись и другие.

— Письмо к Илдизу я отправлю этим вечером, — сказал Шеймасай. — Если к этому времени ты разберешься с тем, что произошло в квартале Тринадцати Стен, узнаешь, что понадобилось этому твоему Амьену от фансигаров или им от него, зайдешь в посольство и доложишь мне обо всем в подробностях.

— Сомневаюсь, что успею, — признался Конан. — Амьен вполне может соврать и сказать, что ни в жизни не был в том квартале. В любом случае, мне потребуется время на проверку. Я считаю, что не стоит царю Илдизу знать об этом встрече, которой, возможно, и не было.

— Хорошо, — согласился посол. — Всегда можно отправить и второе, и третье письмо. Но всё равно изволь держать меня в курсе дела.

— Непременно, — пообещал киммериец.

Шеймасай поднялся со стула, замер так, словно хотел поклониться на прощание северянину, но привычка взяла верх. Посол неодобрительно фыркнул, развернулся и покинул комнату, не забыв хлопнуть дверью.

Киммериец изумленно покачал головой. Второй раз за все время общения с послом их встреча не завершилась взаимными пожеланиями отправиться на Серые Равнины. Первый раз был во время их представления друг другу во дворце царя Илдиза.

Но ничего, скоро все вернется в прежнее русло, когда Шеймасай узнает, что северянину не удалось ничего прояснить относительно встречи с фанси гарами в квартале Тринадцати Стен.

Конан дальше разговора с Амьеном в своих поисках заходить не собирался. Куда больше киммерийца занимала та тень, что за ним охотилась. Если не решить эту проблему, то остальное просто потеряет всякий смысл. Он либо умрет, либо обессилит от борьбы с этим колдовским созданием.

Сотник знал в Айодхье лишь одного человека, который мог бы поспособствовать ему в деле избавления от охотника. Сатти рассчитывал, что Конан поможет ему разобраться с убийцами браминов, так пусть сначала решит проблему киммерийца.

— Если только не сам кшатрий послал эту тень..., — озвучил северянин самую неприятную свою мысль.

Он не представлял, зачем Сатти могло понадобиться отправлять за ним охотника, но мотивы вендицийцев — темный лес. Возможности-то у тысяцкого наверняка имелись.

Хотя если это его рук дело, то тем более стоило поговорить с ним.

Киммериец взял со спинки стула, на котором сидел Шеймасай, свою рубашку. Посмотрел, не помялась ли. Оказалось, что совсем немного. Конан надел ее, затем пригладил рукой волосы и вышел из комнаты.

Прямо перед ним оказался спешащий куда-то по своим делам Масул.

— Постой, — окликнул десятника Конан.

— Да, сотник, — отозвался солдат.

Масул замер в пяти шагах от киммерийца. По всему было видно, что ему не терпится продолжить свой путь. Двор и, соответственно, нужник располагались в другой стороне. Значит, проблемы, занимавшие десятника, были иного рода.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал Конан. Вспомнив, что Сатти более всего заинтересовало, как в отряд попал Хамар, киммериец решил, что разговор с десятником должен состояться немедленно. Лучше было идти к кшатрию, имея на руках хоть какие-нибудь сведения. В конце концов, за то время, что он потратит на беседу с Масулом, тень просто не успеет ничего предпринять. — Сейчас.

— Я слушаю, — отозвался усатый туранец.

— Не здесь, — ответил Конан. — Идем.

Комната, куда направился киммериец, изначально предназначалась ему, чтобы он там мог в одиночестве неспешно вкушать пищу, специально приготовленную для него поварами-вендициями. Конан этой своей привилегией практически никогда не пользовался, предпочитая трапезничать вместе с солдатами. Исключение составляли лишь те случаи, когда киммериец страдал от похмелья и жаждал тишины и покоя.

Сейчас же открылось еще одно свойство той комнаты — там можно было спокойно поговорить, не опасаясь чужих ушей.

Северянин приказал слугам, встреченным им по дороге, доставить к нему в трапезную фруктов, хлеба и две чаши с чаем.

Перед тем, как начинать разговор, Конан предложил Масулу разделить с ним пищу. Сделал он это больше по привычке. Десятник вежливо отказался, сказав, что только что позавтракал.

— Ладно, еда подождет, — сказал киммериец, отодвигая в сторону чашу с горячим чаем. — Я постепенно превращаюсь в вендию. Все эти ритуалы, церемонии уже практически впитались в кровь.

— Ты много общашься с ними, Конан, — поспешил успокоить северянина Масул. — Вернешься в родные края и станешь таким, как прежде.

— Поскорей бы, — улыбнулся сотник.

— Ты хотел со мной поговорить, — сказал туранец. — О чем?

— О Хамаре, — невесело ответил Конан.

— Он мертв. Что здесь еще добавить? Вина его была доказана. Мне жаль парня, но я не Сабир и не верю, что Хамар умер не за что.

— Меня интересует чуть более отдаленное прошлое. Масул, почему ты взял его в свой десяток?

— Сотник, ты что? Откуда я мог знать, что все так обернется?

— Я ни в чем тебя и не обвиняю. Просто я хочу прояснить некоторые детали этой неприятной истории. И мне надо знать, как Хамар попал в десяток.

— Он, как и я, родился в Султанапуре. Мне проще служить с теми людьми, что выросли на тех же улочках, что и я, что получили то же воспитание. Характер человека во многом зависит от того места, где он сформировался. Я точно знаю, как бойцы из моего десятка поведут себя в той или иной ситуации.

— Это-то понятно.

— Ну, я и пытался подобрать за тот срок, что вы мне ответили, надежных ребят из моего города. «Рыбаков» я, кстати, специально приглашать не стал, хоть и было у меня на примете трое замечательных бойцов. Что же касается Хамара, лично я с ним знаком не был. За две седмицы до похода я на тренировке обратил внимание на то, как он с мечом обращается, узнал у его тогдашнего командира, что за парень такой и откуда, и решил со временем устроить его перевод в свой десяток. А как меня в Вендию отрядили, так я сразу о нем и вспомнил.

— Он на той тренировке не хуже, чем со мной, дрался?

— Да точно так же. Словно сам в клинок превращался. Редкий мастер был. Вон скольких вендейцев сумел порезать, приюти Нергал их души.

— Удивительно это, Масул. Получается, только мы с тобой такие умные и глазастые, что по достоинству смогли парня оценить, а другие десятники да сотники таланта в упор не замечали. Не верится что-то. Ему в гвардии давным-давно ходить положено было, а не в простых солдатах.

— Я думал уже. Мне тогда в голову пришло, что у Хамара с дисциплиной проблемы могут быть или болезнь какая неприятная. Может, у него еще в Туране приступы безумия были?

— Не может. Мы бы по дороге заметили, если бы у него крыша потихоньку съезжать начала. Нет, Хамар безо всякого перехода начал вендейцев десятками резать. Маги и лекари на суде, кстати, то же самое говорили. И с дисциплиной у него все в порядке было, и соображал он неплохо.

— Что же тогда получается?..

— Что он специально перед тобой свое искусство решил продемонстрировать.

— Хотел к десятнику-сулнапарцу попасть или...

— Вот именно, что «или», Масул! И мне это очень не нравится.

— Но тогда ведь даже разговоров о походе в Вендию не велось. Если я со сроками не путаюсь, за две седмицы до нашего отбытия старый посол еще был жив.

— Все так.

— Значит, сотник, у него какие-то другие причины имелись, чтоб в тот **день** мастерство показать. Не один я на тренировочную площадку приходил. Жаль, что все так сложилось, но это было просто совпадение.

— Наверное, так оно и есть. Но все-таки не говори никому о содержании этого разговора.

— Хорошо, сотник. Я могу идти?

— Конечно.

Десятник поднялся из-за стола, придинул кресло на место и сделал шаг по направлению к выходу.

— Постой, — попросил киммериец. — Еще один вопрос. А не было в том десятке, где раньше служил Хамар, других людей, что попали в нашу сотню?

— Не знаю, — пожал плечами турец. — Может, кто и есть. Я за Хамаром тогда смотрел, а к остальным не приглядывался, средненькие бойцы были. В моем десятке, во всяком случае, больше никого оттуда не было.

— Ясно, — кивнул Конан. — Больше не задерживаю.

Десятник умчался так быстро, как только мог.

Киммерийца всерьез заинтересовало, куда он так спешил. Стоило, наверное, расспросить. В конце концов, Масул был его подчиненным. Но момент былпущен, гоняться за десятником по коридорам казарм киммериец не собирался.

Разговор с Масулом некоторые вещи прояснил, а другие только запутал.

Если теория Сатти о том, что убийцей руководили, была верна, то становилось очевидным, что Хамар в сотню попал не случайно. Его кандидатуру заранее отобрали и утвердили. Конана несколько не смущал тот факт, что встреча Масула и будущего палача браминов произошла за неделю до гибели турецкого посла. Те неизвестные, по следу которых шли Конан и Сатти, скорее всего, были причастны к этому убийству, а предугадать, каких десятников направят в Вендию, для них и вовсе не проблема.

Имелся у этой новости еще один очень неприятный аспект. Известие о том, что браминов убил один из турецких солдат, для киммерийца стало полной неожиданностью. Ему вспомнились былье сомнения и удивление оттого, что Хамар оказался совсем другим человеком, нежели это представлялось сотнику. Теперь же киммериец понимал, что ошибаться мог не только насчет Хамара. В сотне наверняка были и другие солдаты, причастные к заговору. Конану это слово не нравилось — он не имел никакого представления ни о личностях заговорщиков, ни об их целях. Какой же тогда «заговор»? Но именно это определение упорно лезло в голову.

Киммериец быстренько доел свой завтрак, одним глотком осушил чашку чая, потом подумал и выпил напиток, предназначенный Масулу, — чего добру пропадать.

Перед тем, как отправиться к Телиде, Конан всё-таки решил частично исполнить обещание, данное Шеймасай.

— Не видели Амьена? — поинтересовался он у двух встреченных им солдат.

— Нет, сотник, — завертели головами оба турецца. — Найти его?

— Да нет, не нужно, — не стал настаивать киммериец. Он спешил, к тому же ему не хотелось демонстрировать перед солдатами свою заинтересованность делами ветерана.

Коротко отвечая на приветствие, но не останавливаясь ни перед кем, Конан прошествовал к выходу из казарм.

Уличной толкотни киммериец сегодня почти не замечал. Он шел уверенкой размашистой походкой, заставляя себя держаться и не переходить на бег. Времени в запасе у него оставалось не так и много. Если он за сегодняшний день не отыщет способа справиться с тенью, то поставит себя в очень незавидное положение. Киммериец помнил, что это существо опасалось нападать на него в присутствии других людей, но это его слабо утешало. Если тень поймет, что у нее нет иного выхода, она может не постесняться солдат, которые ей и сделать-то ничего не смогут.

Тем не менее страх перед тенью постепенно исчезал, уступая место жажде мести. Тот, кто послал эту тварь, должен был заплатить сполна. К тому же только так киммериец мог обезопасить себя от появления других смертоносных существ.

Изредка Конан оглядывался по сторонам в надежде увидеть крадущуюся за ним тень. Вчера в садах ему это удалось. Но похоже, что после утренней неудачи тварь стала более осторожной и на глаза попадаться не спешила.

К дому Телиды киммериец подходил уже в самом боевом настроении. Не было такого,

чтобы он пасовал перед трудностями: любая проблема поддается решению, а чем сложнее задача, тем она интересней, а триумф от победы сладостней.

Глава 12.

На следующий день после знакомства с Рамини. Сады повелителя.

— Мне нравится это место, — сказала маленькая жрица.

Конан и Рамини неспешно брали, держась за руки, по одной из многочисленных дорожек, обустроенных в садах.

Вендишка выбрала для прогулки тот уголок этого рукотворного чуда, где росли деревья с полуденной части страны. Они были сплошь увиты лианами, и путник, решивший сойти с дорожки, вполне мог в них запутаться. Но смельчаки всегда находились, их манили крупные спелые плоды, которые разрешено было рвать всем желающим.

Конан с Рамини тоже единожды отлучались вглубь зарослей: вендишка заметила, что дикая природа неизменно пробуждает в ней животные инстинкты. Киммериец просто не мог ответить отказом на это не слишком завуалированное предложение.

— Здесь спокойно, — ответил северянин. — Думаю, я еще не раз приду сюда.

— Вендицам сады не очень нравятся, — сказала Рамини. — Это место слабо согласуется с их внутренним миром, с потребностью претерпевать все горести и несчастья. Они предпочитают мнимую борьбу возможности прийти сюда и насладиться красотой.

— Да, людей здесь гораздо меньше, чем на улицах, — согласился киммериец.

— Обрати внимание, Конан, — посоветовала северянину жрица Иштар. — Большая часть из тех, кого здесь можно встретить, принадлежит к знати. Кшатрии из числа тех, что побогаче, — единственныe в этом обществе, чьи помыслы свободны от многих закостенелых догматов местных верований.

— Но ведь именно в их руках находится политическая власть, — заметил Конан. — Странно, что они не стремятся перекроить устройство страны на свой лад.

— Не надо таких крайностей, милый, — попросила Рамини. — Не идеализируй их. Все наши князья не так уж сильно отличаются от остальных людей. Просто у них есть возможность получать от жизни чуть больше радостей, потому они и не обращают внимания на те религиозные запреты, что идут вразрез с их привычками. Саму же кастовую систему и связанные с ней законы они считают даром богов, и в открытую против браминов никто из них даже не подумает выступить.

— Я не согласен, Рамини, — возразил Конан. — Если было брошено зерно сомнения, оно рано или поздно даст всходы. Кшатрии непременно обнаружат те выгоды, что дает власть над сердцами людей, которой сейчас обладают брамины.

— К коим принадлежу и я, — улыбнулась вендишка. — Но я не обижаюсь, ты рассуждаешь, как человек с заката. Конан, твои умные слова так останутся словами, а Вендия останется такой, какой она была на протяжении многих веков.

— Я думал, что ты жаждешь изменений, — сказал Конан. — Ты не такая, как другие вендицы. Ты очень сильно от них отличаешься.

— Это было предопределено, — ответила Рамини. — Мы — те, кем мы рождаемся на свет. В Вендии нельзя изменить свою судьбу, свое будущее. Я нынешняя понимаю это и ненавижу, но угоразди меня родиться не в семье жрицы Иштар, мировоззрение мое было бы совершенно иным.

— Что толку размышлять, — спросил киммериец, — о том, что могло случиться, но не случилось? Рамини, ты умная, красивая, и у тебя есть власть. И при этом ты утверждаешь, что

изменить ничего нельзя. Я бы не смог просто сидеть, смотреть и думать о том, как все плохо.

— Ты — это не я, Конан, — вендийка остановилась и обняла северянина. — И за это я тебя люблю.

Рамини приподнялась на цыпочках и нежно поцеловала киммерийца.

— Но и я не сижу сложа руки, — сказала она, продолжая свой путь по земляной дорожке. — Я делаю для людей все, что в моих силах. До того, как меня провозгласили верховной жрицей, кульп Иштар в этих краях был не слишком популярен. Сейчас же в наш храм приходят сотни, тысячи паломников. Мне не по силам перевернуть мир с ног на голову, да и не хочу я этим заниматься. Кто сказал, что новый мир будет лучше? А за одну лишь попытку меня могут лишить жизни.

— Ты боишься?

— Очень боюсь, любимый, — прошептала Рамини и теснее прижалась к киммерийцу. — Иногда мне кажется, что я уже зашла слишком далеко, и за мной придет улычивый человек сшелковым платком.

— Кто? — не понял Конан.

— Фансигар, убийца Кали, — ответила вендийка. — Их ремесло — это смерть. Убийство, совершенное в соответствии со всеми ритуалами, считается жертвой для их богини. Имущество же убитых переходит в собственность фансигаров, а говоря точнее, к джемадарам, их предводителям.

— Они выполняют заказы?

— Когда им это выгодно. Или если за жертву платят серьезные деньги. Одна из иллюстраций к нашему разговору о закостенелости нравов — фансигары по своей морали ближе всего стоят к людям с заката. Они отлично знают цену золота и ставят его выше большинства принципов, Кали одобряет такой подход.

— Ее кульп не под запретом в Айодхье?

— Нет, конечно. Она одна из самых почитаемых в Вендии богинь. В полуденных частях страны кульп Кали едва ли не основной. А вот с фансигарами правитель ведет отчаянную борьбу. Они единственные практикуют человеческие жертвы, для остальных зарезать черного козлика на алтаре богини — это предел. В Айодхье только за принадлежность к фансигарам казнят, в некоторых районах Вендии хватает и простого подозрения. Фансигары, Конан, это не простые преступники или наемные убийцы, как это может показаться на первый взгляд, их кульп — это попытка приспособления к миру бедняков или просто выходцев из низших каст. Кали позволяет им менять свой общественный статус, не преступая религиозных запретов, не ухудшая карму. Чем хуже живется людям, тем больше будет фансигаров и тем сильнее будет их кульп.

— Насколько они сильны сейчас?

— Не знаю. И никто не знает, кроме них самих. Я не слышала ничего о всплеске убийств, совершенных с помощью шелковых платков. Их не больше и не меньше, чем прежде. Но это ничего не значит. Фансигары не боятся лезть в политику, среди джемадаров немало высокородных кшатриев. Золота у них в избытке. Они служат во славу богини, а не ради тех благ, что может принести это служение. Им важно, чтобы количество жертв на алтаре Кали не уменьшалось, а влияние культа росло. Остальное ниже их достоинства. Так что часть знатных джемадаров занимается тем, что организует убийства, другие же выискивают средства для возвышания культа фансигаров. И именно этих людей я и боюсь, Конан. Если они решат, что я увожу от них паству, это будет смертным приговором для меня. С джемадарами нельзя договориться, их нельзя умилостивить. Это люди с искаженной моралью, фанатики, но думающие и хитрые, как тысяча нагов.

— Ты не пыталась с ними встретиться?

— Бесполезно. Они не стали бы со мной разговаривать. К тому же меня никогда не допустили бы до тех джемадаров, что принимают решения. Они хранят в тайне факт своей принадлежности к фансиарам. Я уже говорила, что это не просто организация убийц. Их кульп по своей объединяющей силе один из самых могущественных во всей Хайбории. Любой их душитель, бхутот, у которого две заботы — желудок и кошель, и тот с радостью примет смерть во имя своей богини. У фансиаров свое мировоззрение, в корне отличное от нашего. И на переговоры они не пойдут вовсе не из-за своей кровожадности, просто они точно знают, что нам не найти точек соприкосновения.

— Удивительно. Я до этого дня о них почти ничего не слышал. В странах заката пересуды о разбойниках и убийцах — дело обычное, а эти, судя по твоим словам, с правителем во влиянии спорить могут.

— Все к ним давным-давно привыкли, вот и не говорят. Фансиары являются неотъемлемой частью общества и культуры. Люди знают, что они не просто убивают, а поклоняются своей богине. Также считают и сами бхутоты. Душитель скорее отпустит жертву, чем нарушит ритуал.

— То есть всегда можно понять, кто убил человека — фансиар или кто-то другой?

— Совершенно верно. За попытку подделаться под фансиара злоумышленнику ждет неминуемая расплата со стороны культа Кали.

— А были случаи?

— Давно, но о них все помнят.

— И как же определить, где работа бхутотов?

— Зачем тебе это, Конан?

— Мне интересно. Ты же обещала рассказать о Вендине все, что знаешь.

— За своих солдат беспокоишься или за меня?

— За тебя. Какое дело поклонникам Кали до отряда туранцев? А вот ты действительно находишься в опасности. Фансиары, как я понял, чуть ли не больше всех в стране желают, чтобы существующий порядок вещей оставался неизменным. Не думаю, что твоя деятельность как жрицы Иштар им по нраву.

— Тебе все равно не удастся защитить меня. А я привыкла жить со своими страхами.

— Мне не нравятся такие привычки, Рамини. Я не позволю фансиарам отнять тебя у меня. Прошу, расскажи мне об их методах. Пожалуйста. Я должен знать.

— Хорошо, милый. И все-таки, какую неподходящую мы тему выбрали для этого места. В садах надлежит говорить о любви. После того, как я поведаю тебе о ритуалах, принятых у душителей, ты засыпешь меня комплиментами, расцелуешь, и мы забудем об этом неприятном разговоре.

— Я даже думаю, мы уйдем подальше в заросли, чтобы я мог спокойно шептать тебе на ушко, какая ты потрясающая и обворожительная, и не бояться, что нас побеспокоят.

— Так еще лучше. Что ж, слушай. Вначале, когда жертва уже намечена, фансиары выбирают день, в который должно быть совершено убийство. В этом смысле они чрезвычайно мнительны. Говорят, у них даже существует специальный календарь дат, ориентироваться в котором могут лишь учёные джемадары. Но я думаю, что это всё-таки легенда. Если бы такой календарь был материальным предметом, а не набором знаний, передающихся из уст в уста от одного фансиара к другому, существовала бы опасность, что он попадет в руки стражей повелителя. Это очень серьезно ослабило бы кульп Кали. Но и без всяких календарей точно известно, что убивают душители на третий или на четвертый день седмицы. Если жертва выбрана не простая, тогда смотрят на положение луны и, наверное, еще на что-нибудь. В этом случае день может выпасть любой, кроме пятого в седмице. Убивший в этот день шелковым платком считается предавшим Кали.

— Что будет с фансигаром, если он убьет жертву на пятый день, но не в соответствии с ритуалом, а просто так, скажем, отрубит голову?

— Если фансигар будет знать, что перед ним будущая жертва Кали, он ни за что не тронет этого человека. За случайное же убийство, я думаю, наказания не последует. Джемадары решат, что такова была воля богини.

— Ритуалы обеспечивают их влиянием, но они же их и сковывают.

— Ты прав, Конан. Но определение даты — это еще не все. Существует множество примет, что дают знать фансигарам о невозможности продолжить ритуал. Так, убийцы непременно повернут назад, если у кого-нибудь из них упадет на землю тюрбан. Повстречав волка или шакала, трижды подумают, идти ли им дальше, ведь итогом для них станет тюрьма или виселица. Это то, что известно всем и каждому. Наверняка у фансигаров есть множество других примет. Так что только тщательное планирование позволяет им доводить их ритуалы до конца. Джемарады просчитывают все, что так или иначе сопряжено с предстоящим убийством. Обычно к жертве посыпают соглядатая, сотхи, который либо втирается к ней в доверие, либо ведет тайную слежку, оставаясь при этом незамеченным. Сотхи — самые хитрые и ловкие из фансигаров, ты никогда и не подумаешь, что он пособник душителя. Именно эти люди и определяют лучший момент для нападения. Джемадары лишь уточняют детали, ориентируясь на свой богатый опыт. Очень редко бывает так, что бхутот направляется к жертве в одиночку, фансигары привыкли страховать друг друга.

— Джемадары присутствуют при убиении жертвы?

— Те, что занимают низкое положение, — обязательно. Их интересует не только ритуал предания смерти, но и имущество жертвы. Большая его часть отходит именно им. Высокородные же джемадары показываются только в том случае, если считают жертву особенной, той, что доставит Кали настоящее удовольствие. Само убийство происходит следующим образом. Бхутот, ориентируясь на команду сотхи или джемадара, покидает свое укрытие и незаметно подкрадывается к жертве сзади. Затем накидывает ей на шею шелковый платок и начинает медленно душить, чтобы причинить жертве наибольшие страдания. При этом он возносит молитву Кали, призывает богиню обратить на него свой взор. Затем бхутот стягивает свой платок так, что у жертвы ломается шея. Если у него это не получается с первого раза, то на помощь к нему приходят шамсиасы, самые младшие из фансигаров, которым еще не доверили платка. Они скручивают жертву, чтобы та не сопротивлялась и бхутот мог спокойно завершить свою стадию ритуала. После этого бездыханное тело освобождают от одежды и украшений и делают на нем несколько глубоких надрезов для того, чтобы Кали могла высосать из трупа всю кровь. Если есть такая возможность, фансигары хоронят свои жертвы, чтобы люди и звери не помешали трапезе богини. Вот и все, Конан. Поможет тебе это знание защитить меня?

— Надеюсь, что да.

— Вот и замечательно, любимый, потому что о фансигарах я не скажу тебе больше ни единого словечка.

Глава 13.

Первый день расследования. Дворец Телиды.

Сегодня в комнату с водопадами Конана провожала не Залиль, а простая служанка. Киммериец хотел поинтересоваться у Телиды, куда делась ее внучка, но не стал, решив, что это было бы слишком большой наглостью.

Внешне северянин выглядел абсолютно спокойным. С вдовой посла он общался в привычной манере: поздоровался, поинтересовался здоровьем Осмара, спросил, не возникла ли необходимость в его помощи. О Сатти он пока не сказал ни слова. После появления тени у Конана существенно поубавилось доверия к окружающим. Если тысяцкий оставил сообщение для киммерийца, Телида его передаст, а вот о том, насколько заинтересован северянин во встрече с Сатти, ей знать не следовало.

Но Телида словно почувствовала такое его настроение и решила проверить терпение северянина. Конан провел в ожидании вдовы целую четверть колокола, успев за это время наполовину опустошить чашу с фруктами, предусмотрительно поставленную на столе.

— Прошу прощения, сотник, — первым делом Телида принесла извинения. — Я давала указания слуге, который отвечает за подготовку к отъезду. Надо было срочно принять решение насчет пары покупок, которые могли ускользнуть у меня из-под носа. Нехорошо возвращаться домой с пустыми руками, но и сорить деньгами я не привыкла. Столько проблем навалилось после смерти мужа, ты не представляешь.

— Догадываюсь, — сказал Конан, принимая из рук вдовы бокал с вином. Сегодня Телида сама ухаживала за гостем. — Поверь, я совершенно искренне предлагаю тебе свою помощь, и дело даже не в том, что я тороплюсь ускорить отъезд. Солдаты в большинстве своем маются бездельем, им не к чему себя приложить. Если ты займешь исполнением своих поручений хотя бы десяток, тем самым окажешь услугу и мне, и им.

— Сотник, не сочи за недоверие, — Телида тоже пригубила вино. — Но те дела, с которыми могли справиться твои люди, давным-давно завершены. То, что осталось, либо носит конфиденциальный характер, либо требует хорошего знания обычая и нравов Айодхьи. Я верю, что у тебя есть двое-трое солдат, которые удовлетворяют последнему требованию, но ты ведь их мне не дашь. Они могут понадобиться тебе самому на случай, если возникнет что-то непредвиденное.

— Ты права, — признал Конан.

— Вот видишь, — сказала вдова. — Пусть все идет, как идет. Я сама как-нибудь справлюсь со своими проблемами.

— Не сомневаюсь, — кивнул киммериец.

— Надеюсь, ты сказал это без иронии? — улыбнулась Телида. — Я не так стара, как это может показаться, и перед трудностями отступать не привыкла.

Конан улыбнулся в ответ и поднял свой бокал, давая понять, что пьет за будущие успехи Телиды.

— А вот у тебя вид неважный, — продолжала вдова. — Уже второй день подряд ты приходишь ко мне бледный, как смерть. Храбришься, хорохоришься, но я-то вижу, что что-то не в порядке. Признавайся, сотник. Что случилось?

— Выспаться никак не получается, — постарался отшутиться Конан. — Отсюда и бледность лица, хотя как ты ее разглядела под моим загаром, ума не приложу.

— Не хочешь говорить? — серьезно спросила Телида.

— В последние два дня, — сказал киммериец, — мир вокруг меня как будто ожила. До этого времени я пребывал в роли простого наблюдателя, а сейчас, кажется, очутился в самой гуще событий. Кто-то хочет задержать меня в этой стране, а кто-то желает, чтобы я немедленно покинул Айодхью. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

— К первым ты причисляешь и меня? — поинтересовалась вдова.

— Нет, — покачал головой северянин. — Я даже не знаю, кто они — эти первые. На самом деле это не более чем предположение, основанное не на фактах, а на интуиции. Видимо, наш отряд пробыл в Вендин достаточно долго, чтобы превратиться в составную часть местных интриг и заговоров.

— Все равно, ты чего-то недоговариваешь, — настаивала Телида. — Ну, да ладно, это твое дело, сотник. Просто я тоже хотела предложить тебе свою помощь.

— Спасибо, — поблагодарил вдову киммериец. — Быть может, если мои проблемы со сном не разрешатся, я попрошу у тебя совета, к какому лекарю или магу мне лучше обратиться. Мне не хочется обращаться к Шеймасай.

— Правильно, — твердо сказала Телида. — Чем меньше ты общаешься с этим болваном, тем лучше. Я знаю нескольких хороших врачевателей. Они помогут тебе, сотник, и не будут болтать лишнего.

— Еще раз спасибо. Если потребуется помочь, я дам знать.

Конан поймал себя на мысли, что в очередной раз был близок к тому, чтобы рассказать Телиде всю правду о своей миссии. И опять его что-то удержало. На предложение вдовы о помощи он пока откликаться не собирался, были у него и другие варианты, более привлекательные. Но в крайнем случае можно было обратиться и к магам, порекомендованным Телидой, чтобы те укротили тень.

Во дворце киммериец довольно явно ощущал присутствие этого существа. Как и в садах, тень старательно пряталась, но какие-то незначительные детали неизменно выдавали ее.

Конану казалось, что она не просто выбирает момент для очередного нападения, а еще и внимательно слушает, о чем говорит киммериец, следит за ним, осмысливает его действия. Скорее всего, это была игра воображения, попытка придать противнику человеческие черты, но легче от таких мыслей не становилось, наоборот, тяжелее. Киммериец предпочел бы иметь дело с лишенной разума тварью.

— Кстати, о Шеймасай, — вспомнил северянин. — Он заходил ко мне сегодня утром. Знаешь, чего хотел?

— Чтобы я немедленно убралась из Вендини? — зло проговорила вдова. — Еще, наверное, подбивал тебя увезти меня в Туран силой?

— Нет, до такого не дошло, — ответил Конан. — Но в целом ты угадала. На самом деле мне кажется, что Шеймасай раздражает именно мое присутствие, на тебя же он злится из-за того, что ты меня задерживаешь. Он сам этого даже не скрывает. Может, и врет, но я думаю, что говорит правду.

— Одно другому не мешает, сотник, — заверила Конана Телида.

— За что ты его так не любишь? — поинтересовался киммериец.

— Вспомни нашу с ним первую встречу, — ответила вдова. — Ты же был тогда.

— И это все? — не понял Конан.

— Разве этого мало?! — удивилась Телида.

Киммериец только пожал плечами. Он не считал личнуюссору поводом, чтобы обвинять человека во всех известных грехах.

— Ты же не на его стороне? — спросила вдова.

— Разумеется, нет, — поспешил рассеять подозрения Конан. — Я питаю к послу не менее

нежные чувства, чем ты. Он мне к этому давал столько поводов, что не пересчитать...

Северянин осекся. Телида на окончание фразы могла обидеться.

— Говори уж, — разрешила вдова. — Что я после одной-единственной перепалки возвела Шеймасай в ранг смертельного врага. Сотник, при всех своих достоинствах ты — мужчина, а потому не понимаешь очень многих вещей. Женщине порой хватает одного взгляда, чтобы понять, что представляет из себя человек. Нового же посла я могла лицезреть во всей красе и даже общалась с ним, и, уверяю тебя, он — негодяй похлеще многих.

— Не буду с тобой спорить, — сказал Конан. — Ты не раз и не два доказывала свою мудрость, а Шеймасай — не самый достойный объект для препирательств.

— Согласна, — кивнула Телида. — Видишь, он чуть не умудрился нас поссорить.

Киммериец не сразу понял, что это шутка. Вдова, глядя на то, как менялось лицо Конана по мере осознания фразы, не выдержала и засмеялась.

Сотник тут же провозгласил тост за остроумие.

— Я за всеми своими делами запамятовал одну важную вещь, — сказал Конан, когда бокал опустел. — Мне бы, наверное, стоило выяснить у кшатриев, где в действительности погребли Хамара и какие обряды при этом проводились. Ты не знаешь никого, кто мог бы мне посодействовать? Без письменного благословения Шеймасай на поиски уйдут по крайней мере сутки.

— Прости, сотник, — разочарованно развела руками Телида, — но я даже посоветовать тебе ничего не могу. Ни разу не сталкивалась с подобными вещами. Когда у нас в доме умирали слуги, мы хоронили их сами. В Айодхье ведь нет храма Эрлика, ни один из туранских царей так и не согласился на то, чтобы бога Огня здесь почитали как равного среди равных. Вот и ходят люди в посольство, чтобы ему поклониться, там установлен его алтарь.

— Ясно.

— Вообще очень странный случай. Вендицы к погребению относятся с большим почтением. Они бы испугались, что, если неправильно проведут обряд, тем самым испортят себе карму. Не понимаю, почему они после отказа Шеймасай принять тело не попытались отдать его солдатам.

— Они бы осмелились так поступить?

— Вполне. По их мнению, вы с послом принадлежите к разным кастам. Вернее, они понимают, что в Туроне подобного деления не существует, но интуитивно все равно производят. То, что Шеймасай не пожелал заниматься погребением Хамара, должно было только утвердить их в мысли, что он отрекается от человека не из своей касты.

— Надуманно как-то, — засомневался киммериец. Он уже успел неплохо изучить нравы вендицев и видел в словах Телиды изъян. — Местные вполне четко осознают, что наша мокша никак от рождения не зависит. Иноземцы для вендицев что-то вроде отдельной касты. Посол, солдат — значения не имеет.

— Сотник, ты слишком много общался с просвещенными людьми, — посетовала вдова. — С теми, кто знает, как живут в других странах. Простые вендицы, даже кшатрии, не относящиеся к знати, почти необразованы. Живут они сегодняшним днем и жаждой знаний не отличаются. Выходцы из той касты кшатриев, откуда набирают городских стражников, суеверны до невозможности. Такой человек просто в силу привычки, которая у него в крови, отнес бы тело Хамара к твоим людям.

— Главная привычка стражи — исполнять приказы. Наш посол дал понять кому-то из тысяцких, что погребением Хамара туранцы заниматься не будут. А дальнейшее — не проблемы Шеймасай.

— Не сомневаюсь, так оно и было, но в известность тебя должны были поставить и

испросить совета о надлежащих ритуалах. Люди из посольства передавали мне слова Шеймасай, в них не значилось запрета на общение с тобой.

— Ну, мне и сказали. Что тело сожгли, а прах сбросили в реку.

— Я думаю сотник, что те стражи, с которыми ты общался, нарушили приказ своего командира. Ты был прав, когда говорил, что подчинение у них стоит на первом месте. Какой-то высокопоставленный кшатрий распорядился провести обряд немедленно и втайне от туранцев. Иных вариантов просто нет. Стражники общались с тобой, потому что причисляли тебя к той же касте, что и Хамара. Увидели тебя на улице и рассказали что могли. Похоже, вы с Сатти заражаете меня своей манией заговоров. Но есть у меня такое чувство, что при погребении с телом Хамара могло произойти нечто не совсем обычное, способное вызвать нездоровий интерес. Необразованные кшатрии из числа своих людей — это одно, а почти целая сотня туранских воинов, из которых хоть кто-то да соображает, — совсем другое. Отказ Шеймасай стал для кого-то подарком судьбы, и этот человек не упустил своего шанса.

— Поступив так, он бы выдал свою заинтересованность.

— Наверное, — согласилась Телида. — Но если уж ты взялся расследовать историю преступлений Хамара, то почему бы не проверить и эту ниточку?

— Обязательно, — кивнул киммериец.

— Но прежде поговори с Сатти, — сказала вдова. — Он заходил ко мне сегодня рано утром. Весьма восторженно о тебе отзывался. Просил передать тебе, что хочет сегодня с тобой встретиться.

— Мы с ним условились общаться через тебя, — поведал Конан. — Ты не против?

— Его затея?

Киммериец кивнул.

— Не против, — вздохнула Телида. — Если Сатти считает, что так будет безопасней, наверное, оно так и есть. Но, говоря по правде, я очень сильно жалею, что свела тебя с ним, сотник. Добром это не закончится.

— Ты давно его знаешь? — спросил северянин. — Можешь сказать, что он за человек?

— Сатти был другом моего покойного мужа, — ответила Телида. — Они с ним очень много общались. Так получилось, что он часто заходил к нам домой. Мы сидели втроем, пили чай и вели умные разговоры о делах, творящихся в Айодхье. Сатти — вендиец до мозга костей, заговоры нутром чует. Иногда случалось, он перебарщивал и начинал искать тайную подоплеку там, где ее не было и быть не могло. Но я не помню ни одного раза, чтобы он признал свою ошибку. Погоня за призраками — его конек и цель жизни.

— Он говорил мне о своем чрезмерном любопытстве, — сказал Конан. — О том, что он стремится к чистому знанию.

— Это правда, — подтвердила слова киммерийца вдова. — Другой человек на его месте давным-давно обогатился бы на тех тайнах, что удалось раскрыть Сатти. Но ему это неинтересно. Приобретя богатство, он лишился бы возможности заниматься любимым делом. К тому же вряд ли ему удалось бы долго оставаться в живых.

— Не понимаю, почему его до сих пор не убили?!

— Я тебе объясню, — пообещала Телида. — Видишь ли, Сатти умудряется разглядеть некоторые несообразности там, где другой ничего и не увидит. Еще он очень хорошо умеет сопоставлять одно с другим и знает, какие политические в чем заинтересованы. В результате, в его голове рождается множество безумных предположений, одно из которых, тем не менее, соответствует истине. Сатти — фигура в Айодхье известная, кшатрии высших каст и брамины отлично представляют себе, кто он такой. Они уже привыкли, что Сатти сам по себе неприятностей не доставляет. Стоит ему добраться до истины, и он успокаивается. Те же, кого

он мог разоблачить, получают возможность увидеть собственные промашки, на которые опирался Сатти во время расследования, и замести следы уже окончательно. Он выполняет для них роль чистильщика, потому столь многое ему позволено.

— Не всегда такой человек полезен, — возразил северянин. — Наверняка многим не нравится, что у их политических противников есть возможность исправить недоработки. Ладно, предположим, у Сатти накопилось достаточно обличающих материалов, которые после его смерти попадут в руки к страже, — Телида кивнула. — А дела, не связанные с политикой? Что известно простому убийце о невероятной полезности Сатти? С религией то же самое, там логика отступает перед верой.

— Сатти осторожен, — сказала Телида. — Он ведет поиски таким образом, что жизнь его всегда находится вне опасности. Если он почувствует угрозу, то отступит или использует другого человека, чтобы тот принял на себя вероятный удар. И мне кажется, именно для этой цели ты и понадобился Сатти. Сожалею, что мое предупреждение запоздало. Не понимаю, как я вообще поддалась на его уговоры.

— Все в порядке, Телида, — успокоил женщину Конан. — Я рад, что ты свела меня с Сатти. Даже если это и ловушка, я согласен продолжать расследование. Мне предложили слишком богатую наживку, чтобы я мог отказаться.

— Я знала, что так будет, — сокрушенно опустила голову вдова. — Он использовал свой шанс.

— Я много раз бывал на волоске от смерти, — произнес Конан. — Вспомни те истории, что я тебе рассказывал. В них не было ни одного слова неправды. Демоны ломали об меня зубы, куда уж там людям!..

— Ни к чему эта бравада, сотник, — сказала Телида. — Лучше бойся, страх — хороший советчик. А еще лучше — отступи. Прошу тебя, брось это дело.

— Поздно, — грустно улыбнулся киммериец. — Ты сказала, что Сатти назначил мне встречу.

— Похоже, тебя не переубедить, — вздохнула Телида. — Он просил передать, что будет ждать в квартале Тринадцати Стен с четвертого послеполуденного колокола по шестой. Где именно его там искать, Сатти не сказал. Думаю, он сам тебя отыщет.

— Квартал Тринадцати Стен? — переспросил северянин.

Конан ожидал любого другого места, но не этого.

— Пойдешь? — вместо ответа произнесла Телида.

— Я же сказал, что у меня нет выбора, — напомнил киммериец. — Только не пойму, почему там, а не где-то еще.

— Что? Знакомое название? — невесело улыбнулась Телида.

Сотник кивнул.

— От жрицы своей слышал, наверное, — предположила вдова туранского посла. — В самом деле, гадкое место. Говорят, там устроили свои капища поклонники демонов. Да и без них не самый безопасный квартал. Радуйся хотя бы, что ты не вендиец. Сатти придется еще следить за тем, чтоб не дотронуться случайно до одного из неприкасаемых.

— Ты видела их? — спросил Конан.

Люди вне касты, он даже боялся представить, до какого состояния они могли себя довести.

— Не приходилось, благодарение Эрлику.

— Сатти связывает что-нибудь с кварталом Тринадцати Стен?

— Он упоминал о нем в разговорах со мной и моим мужем. Как раз в связи с демонопоклонниками, потому я о них и вспомнила. Мы тогда решили, что это одно из его немногочисленных заблуждений. Муж не верил, что в Айодхье могут поклоняться существам,

реальность которых, мягко говоря, сомнительна. Вендиjsкие демоны – это дети поверженных богов, которым досталась частичка бессмертной сущности прародителей. Брамины утверждают, что эта искра в них давным-давно угасла, а сами они вымерли. Поспорить с ними очень тяжело: живого демона в Вендии не видели уже пять с лишним веков. Есть ракшасы и пишачи, но они безмозглые, и им никто не поклоняется. Демонические культуры существуют в сельской местности в полуденных княжествах, там люди совсем необразованные и обожествляют все, что только могут. В Айодхье народ более просвещенный — стараниями браминов.

— Сатти считал, что неприкасаемые верят в демонов?

— Да ты что, сотник?! Как такое с их мокшой сочетаться может?! Они смиленно ждут перерождения. Сатти полагал, что демонопоклонники — это представители знати, которые питают зависть к секте фансигаров. Он хотели бы быть джемадарами, тайно вершащими судьбы страны, но волею судьбы оказались непричастны к культу Кали. И вот якобы они, дабы компенсировать свою мнимую ущербность, и решили поклоняться другим, не менее смертоносным существам.

— Звучит логично.

— Логично. Если не знать о храме Ямы, куда все эти обиженные кшатрии ходят молиться. Жрецы этого бога в свое время подсуетились и реформировали свое уже умирающее учение как раз в расчете на эту паству.

— Ненормальных на всех богов хватит.

— Вот и Сатти так говорил. Расследование-то он, кстати, бросил. Почему — не сказал. Ты в любом случае поосторожнее там будь, сотник. Из квартала Тринадцати Стен многие не возвращались. Не думай, Сатти о твоей безопасности беспокоиться не будет.

— Я за себя смогу постоять, — уверил вдову киммериец. — Благодарю тебя за радушный прием.

— Если хочешь, — предложила Телида, — можешь остаться у меня. Я провожу тебя в библиотеку, скротаешь время до встречи с Сатти. Или поупражняешься на мечах с кем-нибудь из охранников. Им полезно будет знать, что есть на свете фехтовальщики получше, чем они.

— Я все же пойду, — сказал Конан. — Не одному же Сатти заниматься поисками.

— Приходи в любое время, — в очередной раз повторила приглашение Телида.

Затем вдова кликнула слугу и приказала ему проводить гостя до выхода. Сама же она осталась сидеть в комнате с водопадами.

У киммерийца оставалось в запасе пять с лишним колоколов до встречи с Сатти. Можно было потратить их на поиски того места, где предали огню тело Хамара. Но это дело не представлялось Конану исключительно срочным. Куда больше его занимала тень, все так же неотступно следившая за ним. Еще оставалась нерешенной задача сближения с кем-нибудь из стражей повелителя.

Но с тенью в настоящий момент ничего поделать было нельзя. А значит, и выбирать не было необходимости. Путь киммерийца лежал к дворцу повелителя.

На самом деле название это было данью привычке. На берегу Рехара стояло целых семь дворцов, принадлежащих повелителю. Жил он, конечно, в одном, а остальные были отданы под государственные нужды. Тем не менее, все эти строения были огорожены рекой с одной стороны и высокой каменной стеной — с другой, и все вместе они звались дворцом повелителя.

Водный путь во дворец предназначался исключительно для раджей и высокородных князей, решивших почтить своим обществом повелителя. Все остальные могли попасть внутрь через пять ворот, устроенных в стене на равном расстоянии друг от друга. В дневное время стражи пропускали всех желающих без исключения.

На территории, лежащей за стеной, находился храм, посвященный Раме, огромный сад с

множеством арок, беседок и лабиринтов.

Дворец, где жил повелитель, стоял непосредственно на берегу Рехара. Остальные строения расходились от него полукругом, так, чтобы человек, вошедший через центральные ворота, оказался на равном расстоянии от всех семи дворцов. Конана интересовал тот, в котором устроились тайная служба и гвардия, — два крыла стражей повелителя.

Киммериец рассчитывал, что ему удастся отыскать там Тхана. Он дважды встречался с этим смуглым усатым кшатрием: после первого убийства, когда он показывал Шеймасай дом брамина, и перед судом над Хамаром. Тхан оставил у киммерийца впечатление человека умного и, что самое главное, порядочного.

Сложность заключалась в том, что у Конана не было в запасе ни одного нормального предлога для визита к кшатрию. Рассказывать об их с Сатти измышлениях — неразумно, завести разговор о погребении Хамара — еще большая несуразица. Правда, киммериец рассчитывал, что во время традиционного для Вендии обмена любезностями Тхан сам натолкнет Конана на нужную тему. В крайнем случае, можно было рассказать о фансигарах и Амьене. Шеймасай, конечно, потом весь желчью изойдет, но придется интересами посла пожертвовать.

До восходных ворот дворца киммериец добирался почти целый колокол. Народу на улицах было как никогда много, а пользоваться услугами носильщиков Конан так и не приучился. Равно как и протискиваться сквозь толпу, не теряя при этом скорости. Вот и пришлось искать обходные пути, где было бы посвободнее.

Обстановка за стеной, отделяющей дворец от прочих строений Айодхи, была совсем другая. По саду неспешно прогуливались почтенного возраста кшатрии, ведущие вполголоса важные беседы. Изредка мимо них пробегали молодые порученцы служащих повелителя. Откровенно скучали посольские помощники, что были обязаны пребывать вблизи дворца на случай, если понадобится передать весть от повелителя Вендии. Эти бедолаги облюбовали для себя беседки, коих здесь имелось множество. Почти у самых ворот киммерийцу встретилось человек десять поклонников Рамы, шедших со стороны храма, но после этого верующих он здесь не видел.

Конан узнал у стражника, стоявшего у ворот, в котором из дворцов размещается управление тайной службой повелителя. Оказалось, что в соседствующем с главным.

Чтобы срезать путь, киммериец пошел через сад, мимо храма Рамы. Сад этот был полной противоположностью тому, в котором он вчера встречался с Сатти. Если там было царство природы, то здесь правил человек. Кусты и деревья росли на одинаковом расстоянии друг от друга и были подстрижены самым аккуратным образом, равно как и трава. Садовники повелителя умудрились превратить растения в живые скульптуры, одни из которых могли напугать, другие, наоборот, рассмешить. У кого-то такой вид искусства, наверное, мог вызвать восхищение, но точно не у Конана. Киммерийца раздражало тщеславие людей, возомнивших, что они могут под себя перекроить природу.

Он уже успел пожалеть, что пошел на поводу у своей лени и не отправился в обход, как увидел в беседке по правую руку от себя трех кшатриев, одетых как гвардейцы повелителя. Киммериец мгновенно принял решение и повернулся к ним.

— Доброго вам дня, — обратился он к вендийцам.

Те прервали свой разговор и обратили взоры к подошедшему иноземцу.

— И тебе того же, — сказали они почти хором.

— Вам известно имя Тхан? — спросил киммериец.

— Зачем он тебе нужен? — поинтересовался самый старший из тройки кшатриев.

— Я помогал ему расследовать дело о резне во дворцах браминов, — соврал Конан. — Он сказал, что я могу обращаться к нему, если потребуется помощь.

— Ты из той турецкой сотни, откуда был убийца? — спросил кшатрий.

— Я их сотник, — на этот раз киммериец сказал правду. Пусть попытаются совместить несовместимое. — Так вы поможете мне?

— Ты точно знаком с Тханом? — решил еще раз удостовериться вендиец.

— Высокий, смуглый, с густыми черными усами, — описал киммериец Тхана. — Он?

— Ладно, мы тебя проводим, — смилиостивился кшатрий. — А то пока тебя к нему пропустят, целый день пройдет.

Оставшиеся двое вендиев живо закивали головами.

— Спасибо, — поблагодарил киммериец. — Если что, можете на меня рассчитывать.

— Договорились, — улыбнулся гвардеец. — Встречным будем говорить, что ты важный свидетель по делу о резне, раз уж ты в курсе обстоятельств.

Конан в сопровождении троицы гвардейцев продолжил путь к дворцу стражей повелителя.

Его слегка насторожило то, как легко откликнулись вендицы на его просьбу. Но сделанного было не воротить. Конан приготовился к тому, что на месте его могут ждать крупные неприятности. Оставалось надеяться, что знакомство с Тханом поможет ему выпутаться.

Но киммериец ошибся.

Проблемы начались еще в саду. Навстречу Конану и кшатриям шел тот самый десятник, который отказывался пускать киммерийца в дом первого убитого брамина. Судя по его довольной улыбке, оказался он здесь неспроста.

Киммериец потянулся за саблей, и в этот момент один из гвардейцев сунул Конану под нос щепотку какого-то порошка.

В глазах сразу же помутнело, ноги начали подкашиваться.

Другой гвардеец ударил Конана по голове эфесом сабли, и тогда северянин потерял сознание.

Глава 14.

День суда над Хамаром. Дворец городской стражи.

Вид у Конана был настолько мрачный, что все без исключения старались обходить его стороной. Но сам киммериец этого не замечал. Мысли его занимали совсем другие вещи.

Как могло получиться, что он не уследил за Хамаром?

Искал убийцу, строил предположения, подозревал чуть ли не заговор государственного масштаба, а преступник все это время находился у него под боком.

Прямо киммерийца никто не обвинял, даже Шеймасай. Но наверняка все думали, что сотник обязан был знать все про своих солдат, а значит, сколько-то жизней и на его совести тоже. Во всяком случае, сам Конан придерживался именно такой точки зрения.

Судилище над Хамаром должно было начаться через полколокола. Киммерийцу этот отрезок времени представлялся равным вечности, но надо было выдержать, дотерпеть.

Киммерийцу вспомнилось то утро после последнего убийства, когда Хамар, весь в крови, вошел в комнату, где сидели Конан, четверо десятников и еще несколько солдат. Он уставился на сотника совершенно пустыми глазами и спросил: «Что случилось?»

Тут же в комнате повисла гробовая тишина. Никто еще не успел сопоставить необычный вид Хамара с тем зверством, что творилось в домах семи браминов, но все почувствовали, что этим утром основам их мира суждено пошатнуться. И постепенно начало приходить понимание, вспомнились слова дежуривших этой ночью солдат о странном поведении Хамара, ходившие по Айодхье слухи о том, что убийца якобы туранец. Хамар же все так и стоял с ошарашенным лицом и повторял свой вопрос.

Хасан, наверное, спас парню жизнь, оглушив его ударом чернильницы по голове. Конан уже был готов самолично расправиться с убийцей, не думая о возможных проблемах. И, скорее всего, не он один. Но прикончить Хамара, когда тот потерял сознание, ни у кого рука не поднялась.

Допрашивать по общему молчаливому согласию Хамара не стали, все понимали, что закончится это расправой. Киммериец послал Халила за кшатриями и стал ждать.

И теперь он этим только и занимался: ждал. Все три последних дня. Сегодня, наконец, хоть что-то должно было решиться. Конан не сомневался, что Хамара приговорят к смерти, но все-таки страстно желал поскорее выслушать решение судьи и закрыть эту черную страницу своей жизни.

— Добрый день, сотник, — один человек все-таки осмелился подойти к Конану. — Хотя не знаю, можно ли его считать добрым.

Киммериец поднял глаза.

Перед ним стоял Тхан — кшатрий, что показывал им с Шеймасай дом первого убитого брамина.

— По мне, довольно отвратительный, — признался сотник. — Я был бы рад, если бы он поскорее закончился.

— Я вас понимаю, — сказал Тхан.

— Серьезно? — усмехнулся киммериец.

— Вполне, — ответил вендиец. — До суда еще много времени, нечего здесь сидеть. Давайте лучше пройдемся, осмотрим дворец, а заодно и поговорим.

— Как вам будет угодно, — все с той же грустной усмешкой произнес Конан.

На самом деле, он был рад обществу кшатрия. Одиночество и самокопание начинали сводить с ума.

Киммериец поднялся с мягкого кресла, в котором он просидел последний колокол. Здесь, перед дверьми той залы, где должно было состояться судилище, он ждал, когда же, наконец, кшатрий из касты законников начнут решать судьбу Хамара.

Комната эта была хоть и обширной с множеством таких же кресел и диванчиков, но проходной, и народ постоянно сновал туда-сюда.

Тхан был прав: не самое лучшее место, чтобы скоротать время.

— Куда направимся? — осведомился киммериец уже более вежливо.

— Не знаю, — развел руками кшатрий. — Предлагаю просто побродить. Я здесь бывал только три раза и никогда достаточно долго. В городской страже Айодхьи мне служить не пришлось, я вообще родом не из столицы.

— А откуда? — поинтересовался Конан. Не из любопытства, а просто, чтобы поддержать разговор.

Следующая на пути их следования комната напоминала ту, где сидел Конан, как сестра-близнец. Даже мебель была расставлена одинаковым образом.

— Из Джамму, — охотно ответил Тхан. — Это средних размеров городок у полуночной границы. Мой отец — его раджа.

— Значит, вы — принц? — спросил киммериец.

— Да. Правда, не наследный, — сказал кшатрий. — У меня есть пятеро старших братьев. Отцу повезло, редко у кого в Вендии бывает столько сыновей. Я тоже довolen своей долей. Сначала возглавлял стражей у себя в Джамму, потом меня взял под покровительство один из родственников и устроил на службу к повелителю. Мне нравится здесь работать. Лучше хорошо ловить преступников, чем плохо править городом.

— А вы их хорошо ловите? — не без доли сарказма произнес Конан.

— Это первый мой серьезный промах, — Тхан не стал снимать с себя вины за то, что не смог своевременно отыскать убийцу браминов.

Киммериец тут же устыдился своих слов, сказанных сгоряча.

— Простите, не хотел вас обидеть, — извинился перед кшатрием Конан. — Если уж кто и должен каяться, так это я.

Тхан вытянул руку и указал на одно из окон, выходящих на Рехар.

— Давайте, выйдем на ту террасу, — предложил вендиец. Действительно, у самой реки была обустроена небольшая прямоугольная площадка с декоративной оградой высотой в три локтя. От солнца террасу защищала крыша. В части ближней к Рехару стояло несколько кресел, где можно было отдохнуть, но людей там сейчас не было. — Сомневаюсь, что внутри дворца мы даем столь спокойное местечко.

— Хорошо, — согласился Конан.

Они немного поплутали по комнатам дворца городской стражи прежде, чем отыскали ту, из которой можно было выйти на террасу. Вот только дверь туда оказалась заперта. Тхан подмигнул киммерийцу, достал из кошеля отмычку и без особых хлопот справился с замком.

— Не думаю, что на нас за это обидятся, — сказал он.

Потом какое-то время Конан и Тхан стояли у ограды и любовались на неторопливое течение Рехара.

Первым молчание нарушил кшатрий.

— Вы не могли знать, что Хамар — убийца.

Непонятно было, для кого Тхан это сказал: для себя или для Конана.

— Я сейчас оглядываюсь в прошлое, — проговорил киммериец, — и понимаю, что мог. Были мелочи, обрати на которые я внимание, три-четыре нападения удалось бы предотвратить.

— Возможно, — задумчиво произнес кшатрий. — В страже болтают, что вместе с Хамаром

следовало бы судить и вас, и посла. Знаете, откуда такие разговоры?

— Догадываюсь, — ответил Конан.

Они с Тханом по-прежнему неотрывно смотрели на реку. Кто-то посторонний мог бы подумать, что их сейчас интересует исключительно Рехар, а разговор их — всего лишь обмен ничего незначащими репликами.

— Им тяжело поверить в то, что ларчик открывался так просто, — все-таки объяснил вендиец. — Думали, что имеют дело со смертельно опасными сектантами-фанатиками, а оказалось, что преступник — это простой туранский солдат. Мы должны были поймать его, обязаны были это сделать. Одиночку всегда проще вычислить. Но не все готовы признать свое поражение и слабость, им легче найти на стороне виновника всех несчастий.

— Честно говоря, мне все равно, — признался Конан. — Можете меня обличать, можете представлять в качестве жертвы обстоятельств, одно я знаю точно: я виноват не меньше Хамара. Царь Илдиз поручил мне этих людей, и я за каждого из них в ответе. Пенять на судьбу глупо. Перед другими я бы, наверное, смог оправдаться, но перед собой — никогда.

— Этим вы мне и симпатичны, сотник, — сказал Тхан. — Знаете себе цену и за ошибки платить готовы. Я ведь тоже вижу, что пусти я расследование по другому пути, и после второго убийства мы бы его поймали. Противно слышать, когда мне говорят, что я не виноват, что такого никто не мог ожидать. То ли льстить пытаются, то ли, и впрямь, за идиота держат. Правда на поверхности лежала, а я не сумел за нее ухватиться.

— Что толку жалеть о том, что осталось позади? — спросил Конан и понял, что именно этим он в последнее время и занимался.

— У того, кто не помнит прошлого, нет будущего, — изрек достаточно известную философскую истину Тхан. — Я, конечно, не верю, что подобное повторится, но урок этот, в любом случае, стоит выучить.

Кшатрий был первым, кто не посоветовал Конану выкинуть историю с Хамаром из головы и поскорее забыть о ней.

Киммерийцу нравилось общаться с Тханом, он озвучивал многие мысли, посещавшие некогда сотника, и при этом не стремился сглаживать углы. Чем-то вендиец напоминал северянину его самого.

— Вы видели Хамара? — спросил киммериец некоторое время спустя.

С тех пор, как убийцу передали в руки стражи, в отряде о нем ничего не было слышно. Только вечером первого дня приходил Шеймасай сказать, что Хамар действовал сам по себе и никаких следов колдовского воздействия на его сознание ни туранские, ни вендейские маги не обнаружили.

— Да, — сказал Тхан. — Последний раз — вчера перед тем, как его передали городским стражам. Когда выяснилось, что у него не было сообщников, он перестал представлять для нас интерес.

— Откуда такая уверенность, что их не было? — поинтересовался Конан.

Кшатрий не ответил.

— Его пытали? — уточнил свой вопрос киммериец.

— Вы спрашиваете меня об этом представитель Турана?

Конан догадался, на что намекает вендиец.

— Нет, можете говорить спокойно. Шеймасай ни о чем не узнает.

Посол не потерпел бы, чтобы к Хамару применяли пытки после того, как маги в один голос заявили, что убийца не был составной частью какого-либо заговора.

— Хамара угостили настойкой из лотоса, — сказал Тхан, — и отправили на два колокола к нашим пыточным дел мастерам. Они умеют работать, не оставляя на теле подопечных никаких

следов, и добиваются при этом замечательного эффекта. Но Хамар, как оказалось, говорил правду. Вернее, он искренне верил в ту ложь, что подсунуло ему его безумие.

— После лотоса он ничего не помнил? — спросил Конан.

— Ничего, — подтвердил Тхан. — И это к лучшему, поверьте. Он вчера был в таком состоянии, что на него смотреть страшно было. Весь трясясь, умолял его отпустить, клялся, что никого не убивал. Мне даже в какой-то момент стало его жалко.

— Проклятье, — пробормотал Конан.

Он представил себе задибу и жизнелюба Хамара, закованного в цепи, ожидающего скорой и неминуемой смерти. Образ получался пугающий.

— Иногда мне кажется, — тихо произнес вендиец, — что лучше было бы вам его тогда прямо у себя во дворце убить.

— Прощё, — поправил северянин. — Так было бы прощё.

Глава 15.

Первый день расследования. Где-то в Айодхье.

Когда киммериец очнулся, мир так и не пришел в норму.

Краски казались размазанными. Образы улицы, стоящих на ней людей, домов и неба сливались в единую картину, которую Конану никак не удавалось разбить на составляющие. Он мог только догадываться, что есть что. Этому сильно мешала головная боль, которая усиливалась при малейшем движении. Тело реагировало на команды разума с определенным запозданием и не всегда. Тем не менее, киммериец обнаружил, что он стоит на ногах и падать не собирается.

— Он, кажется, пришел в себя.

Конан узнал голос, но никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

— Слушай меня, туранский ублюдок, — человек подошел к киммерийцу, схватил его за подбородок и развернул к себе.

Сотник попытался ударить наглеца, но промахнулся.

Раздался смех.

— Рвешься в бой? — спросил человек и тут же отвесил Конану увесистую пощечину.

— Сдохнешь, — пообещал киммериец. Слова давались ему с большим трудом, но хоть по слогам, угрозу он выговорил.

Ответом ему стал очередной приступ смеха.

Конан сжал покрепче зубы и постарался сконцентрироваться. Надо было быстрее приходить в себя, иначе эта история могла плохо закончиться.

— Узнаешь меня? — киммерийца вновь схватили за подбородок.

— Нет, — ответил Конан.

Краски расплывались все больше и больше. Северянин даже перестал различать контуры стоящих перед ним людей. Судя по первому впечатлению, их было четверо, но он мог и ошибаться.

— Вспоминай! — потребовал человек. — Ты же узнал меня во дворце. Я это сразу понял.

Киммериец начал прокручивать в голове события последнего дня. Пробуждение, нападение тени, разговор с Шеймасаи, завтрак с Масулом, визит к Телиде... Что же было дальше? Головная боль мешала сосредоточиться. Еще должен был быть какой-то дворец...

Конечно! Дворец повелителя!

Конан понял, что за человек задавал ему вопросы. Тот десятник гвардии, так и оставшийся безыменными, что умудрился затеять ссору с Шеймасаи.

— Молодец, — похвалил северянина кшатрий и врезал кулаком ему по печени. — Вижу, ты догадался, кто перед тобой. Не хочу, чтобы ты принял смерть от руки незнакомца.

— Сдохнешь, собака, — еще раз пообещал киммериец. Теперь уже более твердым голосом.

— Из-за тебя меня разжаловали и унизили, туранец, — продолжал говорить кшатрий. — Я теперь простой гвардеец, и командовать десятком мне доверят не раньше через пять лет!

В конце фразы вендиец сорвался на крик. Чтобы выместить накопившуюся злобу, он со всей силы пнул северянина по коленной чашечке. Киммериец не издал ни звука, лишь плотнее скжал зубы.

— Но тебя это не должно волновать, — кшатрий явно желал выговориться. — По той простой причине, что сегодня, прямо сейчас, ты умрешь. Но это будет не убийство, а честная дуэль. Как видишь, мы не отобрали у тебя оружие.

Конан проверил. Сабля действительно была на месте.

Вот только поединок, в котором один из противников ничего не видит и двигаться может с большим трудом, он честным назвать не мог. Кшатрию, разумеется, до этого не было никакого дела.

— Начали, — сказал вендиец.

Киммериец тут же выхватил саблю и выставил блок против удара сверху. Раздался звон. Сталь встретилась со сталью. Повезло, первый удар удалось предугадать. Дальше оставалось ориентироваться только на звук шагов вендейца. Сам киммериец тоже не стоял на месте, заставляя противника двигаться. Еще трижды Конан умудрялся отводить удары противника. На четвертом удаче отвернулась от северянина. Он неудачно поставил блок, и вендиец вышиб саблю у него из руки. Тут же кшатрий свалил Конана подсечкой, опасаясь, что тот может попытаться убежать.

Сотник ждал. Он надеялся, что вендиец решит поиздеваться над ним прежде, чем добить. Тогда можно было постараться свалить его кулаком. Телом за время короткой схватки он уже более-менее научился управлять.

Но ничего не происходило.

И тут повисшее молчание разорвал громкий крик. Голос принадлежал тому гвардейцу, с которым Конан беседовал в саду. После этого послышался топот ног. Трое товарищей разжалованного десятника по непонятным причинам решили покинуть место схватки.

Конан возблагодарил судьбу. Что бы там не случилось, это, похоже, спасло ему жизнь.

Киммериец поднялся на ноги и шатаясь побрел в том направлении, куда убежали гвардейцы. Но не сделал он и пяти шагов, как обо что-то споткнулся. Упал он неудачно, больно ударившись головой. Краски перед глазами замелькали с калейдоскопической быстротой, и через несколько мгновений северянин потерял сознание.

Сотник приходил в себя постепенно. Сначала появилась головная боль, вслед за ней пришла возможность мыслить. Конан вспомнил проигранный кшатрию поединок и то, что было после него. Удивительно, что он остался в живых.

Киммериец аккуратно приоткрыл глаза, боясь увидеть свистопляску красок окружающего мира. Но нет, все было в порядке. Похоже, действие того порошка, что подсунули Конану во дворце, наконец, прошло. И вообще чувствовал северянин себя не так уж и плохо: голова постепенно проходила, слабость, поразившая его тело, исчезла без следа.

Конан поднялся на ноги и увидел, обо что он споткнулся.

В двух шагах позади него лежал труп кшатрия. Киммериец опустился перед ним на колени, желая понять, что послужило причиной смерти. Зрачки у вендейца были расширены, рот открыт, а руки стискивали шею. Конан тщательно осмотрел лицо, силясь узреть следы какого-нибудь порошка или капельку зелья на губах, но ничего такого не обнаружилось. Тогда он наклонился ко рту покойника, принял ход. После яда, скорее всего, остался бы запах. И опять надежды оказались напрасными.

Кшатрий задохнулся, и если отбросить версию колдовства, то оставался один единственный вариант. Вендейца убила преследующая Конана тень. Побоялась, что отнимут ее добычу, и нанесла удар. Гвардейцы бросились в бегство, увидев, что их товарищ начал задыхаться после того, как победил киммерийца. Они вполне могли решить, что это результат действия охранного заклятия. Тени же просто не хватило сил, чтобы добить Конана.

— Повезло, — прошептал киммериец.

Одна напасть уничтожила другую.

Местом для поединка гвардейцы выбрали тупик одной из уличек. Судя по обветшальным стенам домов по сторонам, район был не из богатых. Людей видно не было, и окон на эту часть улицы не выходило.

Киммериец бросил взгляд на небо. Солнце опустилось уже довольно низко. Конан прикинул, что сейчас должно быть пятый послеполуденный колокол. До окончания времени, выбранного Сатти для встречи в квартале Тринадцати Стен, оставалось всего ничего.

Здесь больше делать было нечего. Конан пнул труп безымянного кшатрия в память о тех ударах, что он нанес ему, когда сотник находился в беззащитном состоянии, поднял с земли свою саблю и пошел быстрым шагом вперед по улице.

Вскоре ему начали попадаться люди. Все, как один, шудры – выходцы из самых низших каст. Киммериец остановил смышеного на вид паренька и поинтересовался, как пройти к кварталу Тринадцати Стен. Оказалось, что это совсем недалеко: четверть колокола ходьбы строго на полдень. Конан поблагодарил парня, дал ему несколько медяков и двинулся в указанном направлении.

Где именно начался квартал Тринадцати Стен, киммериец не разобрал. Неприкасаемые внешне мало чем отличались от беднейших из шудр. Те же лохмотья, тот же пустой взгляд. Разве что с дороги северянина отступали более поспешно. Киммериец подозревал, что если бы неприкасаемый случайно столкнулся со знатным кшатрием, тот вполне мог в порыве отчаяния убить несчастного, презрев учение о карме. Обитатели квартала Тринадцати Стен, похоже, придерживались такого же мнения. Во всяком случае, на Конана они реагировали, как на опасного хищника, случайно забредшего к их жилищам.

Теперь вставал вопрос, как искать Сатти. Если, конечно, киммериец не опоздал на встречу, а он такой вероятности не исключал.

Но проблема эта решилась сама собой. Попутав немного по кварталу неприкасаемых, Конан увидел на одной из боковых улиц идущего к нему на встречу тысяцкого.

— Я уж думал, вы не придетете, — вместо приветствия сказал Сатти.

— В какой-то момент мне казалось, что я, и впрямь, не приду, — усмехнулся киммериец.

— Что-то случилось? — спросил тысяцкий.

— Мы так и будем говорить посреди улицы? — поинтересовался Конан.

Рядом с неприкасаемыми он чувствовал себя неуютно. Сатти же, несмотря на то, что был вендицем, никаких неудобств не ощущал.

— Если желаете, — предложил тысяцкий, — можем зайти в один из домов. Но и здесь вполне безопасно. Очень удачно, что появился повод встретиться именно в этом квартале.

— Вы о фансигарах?

Киммериец шагнул к ближайшему дому.

Неприкасаемого, что сидел у входа, как ветром сдуло. Сатти первым вошел внутрь, показывая, что никакой опасности нет. Изнутри дом представлял собой огороженный глиняными стенами участок земли с наброшенным в один из углов тряпьем, которое, видимо, выполняло роль подстилки.

— Как видите, разница невелика, — произнес Сатти, прислонившись спиной к стене. — А говорил я действительно о фансигарах. Не знаете, что им понадобилось от вашего солдата?

— Понятия не имею, — признался Конан. — Откуда вам стало известно об этом случае? Я думал, что это тайна.

— Не беспокойтесь, Конан, — сказал тысяцкий. — Стражи не знают ничего о связях вашего человека с фансигарами, во всяком случае, пока. Но все равно, советую вам поскорее решить эту проблему. Полагаю, посол сообщил вам о возможных последствиях.

— На вашу помощь я рассчитывать не могу? — поинтересовался киммериец.

Сатти развел руками и виновато улыбнулся.

— Так я и думал, — сказал Конан. — Значит, встречу вы здесь назначили не для того, чтобы показать мне нечто, связанное с фансигарами.

— Нет, сотник, — тысяцкий покачал головой. — Могу только предположить, что они забрались сюда именно ради возможности спокойно поговорить. Им очень не повезло, что их увидели и узнали. С нами, я надеюсь, такой неприятности не случится. Я проник в квартал незамеченным, а у вас был повод, чтобы сюда наведаться. Если кто за вами и следил, к неприкасаемым они не сунутся, предпочтут подождать, пока вы закончите здесь свои дела.

— Как вы меня нашли?

— Я немало времени провел в квартале Тринадцати Стен и сумел узнать некоторые его секреты, которыми теперь беззастенчиво пользуюсь.

У киммерийца так и чесался язык спросить о демонопоклонниках, но он предпочел сохранить в тайне подробности своей беседы с Телидой. Был и еще один вопрос, который он не задал: о происхождении названия квартала. Момент был неподходящий, чтобы тешить любопытство.

— Сатти вы вчера говорили, — напомнил Конан, — о тех созданиях, что обитают в садах повелителя. Якобы, они показываются на глаза только ночью.

— Так оно и есть, — подтвердил кшатрий. — А с чего вы ими заинтересовались? Вчера ситуация больше располагала к знакомству с ними.

— Когда я возвращался из садов в казармы, — сказал киммериец, — то заметил, что за мной следует весьма странное существо. То, что это не игра моего воображения, я убедился сегодня утром, когда эта тварь попыталась меня убить.

— Это что-то другое, — заверил Конана кшатрий. — Обитатели садов не покидают своей территории, и я не слышал, чтобы они нападали на людей. Как выглядело ваше существо?

— Как тень, — ответил северянин. — Небольшая, чуть крупнее собаки. Она постоянно прячется среди других теней, но иногда мне удается ее различить. Сейчас она тоже где-то здесь.

Сатти окинул комнату взглядом, но ничего похожего на существо, описанное Конаном, не обнаружил.

— Не знаю, что это может быть, — сказал он. — Говорите, эта тень пыталась вас убить?

— Да. Когда я проснулся, то почувствовал, что мне нечем дышать. Еще немного, и я бы задохнулся. К счастью, ко мне очень вовремя заглянул Шеймасай и спугнул это существо. Но одного человека за сегодня тень все-таки успела убить.

— Еще один труп? Похоже, у вас был насыщенный день.

— Да уж, — усмехнулся Конан. — Я решил исполнить вашу просьбу и начать налаживать связи со стражами повелителя. Есть у меня один знакомый в тайной службе. К нему я и направился. По пути меня перехватили четверо гвардейцев, одного из которых в свое время разжаловали по моей с Шеймасай вине. И он решил мне отомстить. Мне дали понюхать какого-то порошка и отвели в квартал по соседству, где устроили представление под гордым названием «поединок». Не вдаваясь в подробности, тень спасла меня, убив одного гвардейца и напугав до смерти его товарищей.

— Интересно, — Сатти оживился. — Получается, тень решила, что ваша жизнь принадлежит только ей и никому больше. Такое поведение не свойственно духам и демонам. При этом у нее есть явные зачатки разумности.

— Эта тварь хочет меня убить, — напомнил кшатрию Конан. — У меня не никакого желания изучать ее природу, пока моя жизнь находится в опасности. Надеюсь, хоть с тенью-то разобраться вы мне поможете. Мертвый я не смогу посодействовать вашему расследованию.

— Конан, я не знаю заклятия, — сказал Сатти, — что прогонит эту тварь или прикончит ее. Дайте подумать...

Кшатрий нахмурил лоб и уставился в пустоту.

Киммериец прислонился к противоположной стене и стал ждать.

— Вот что, — произнес Сатти после небольшой паузы. — Сомневаюсь, что это существо прицепилось к вам по себе. Скорее, его послали.

Конан кивнул в знак согласия.

— Еще оно обладает свободой воли, — продолжал тысяцкий. — И у него нет приказа «убить вас, во что бы то ни стало, любой ценой». Иначе бы тень не постеснялась послана, и от гвардейца бы не защищала вас. Наоборот, она должна была бы попытаться опередить его и прикончить вас первой.

Очередной кивок.

— Знаете, Конан, мне это очень не нравится, — заключил кшатрий. — Наверняка, тень следит за вами и передает все, что слышит, своему хозяину.

— Я ни разу не замечал, чтобы она отлучалась, — сообщил киммериец. — Ну, за исключением того времени, когда я был без сознания. Сами понимаете, тогда я за ней уследить мог.

— Возможно, они общаются на расстоянии, — предположил Сатти.

— Не исключаю, — согласился Конан.

— Никак нельзя позволять этому существу всюду ходить за вами, — заявил вендинец. — Но и убивать его нельзя. Чем бы эта тень ни была, в момент своей смерти она вполне может прихватить вас на Серые Равнины.

— И охотник, и приманка, — понял киммериец. — Очень разумно. Либо тень прикончит меня, либо я найду способ расправиться с ней, и умру от сработавшего заклятья.

— Верно, — кивнул Сатти. — Только магия, скорее всего, здесь не при чем. Эффект будет, скажем так, природный. Из оболочки тени вырвется энергия того мира, где живут ее собратья.

— Значит, надо поскорее найти того, кто ее послал, — заключил Конан.

— Не обязательно, — ответил кшатрий. — На поиски у нас с вами уйдет не день и не два, и вовсе не факт, что они увенчаются успехом. Поступим проще. Существуют специальные алхимические смеси, принципиально непереносимые обитателями других измерений. Лучше всего будет воспользоваться таким репилентом и понаблюдать за реакцией тени и ее хозяина.

— Это надежно? — спросил киммериец.

— Можете не сомневаться, — заверил Конана вендинец. — Алхимия — наука более точная, чем магия. Ни один демон низшего порядка к вам и близко не подойдет. А от тех тварей, которым до репилента нет дела, вас в Айодхье никто защитить не сможет. К счастью, наш друг явно не из таких.

— Где в городе можно достать репилент?

— В алхимических лавках. Но стоит он немалые деньги. Сделаем так: сегодня же отправитесь в лавку по соседству с храмом Сарсавати, ее владелец, его зовут Аямал, мне кое-чем обязан. Напомните ему о долге и скажите, что расплатиться он сможет, обеспечивая вас репилентом высшего качества столько времени, сколько будет нужно. Это выгодная сделка, он с радостью согласится.

— А если тень все-таки пробьется сквозь алхимический барьер?

— Тогда зовите мага и просите его прикончить тварь. Быть может, повезет, и она развоплотится, не причинив никому вреда.

— Как все просто! — хмыкнул киммериец.

— Я ведь предупреждал, — напомнил Сатти, — что вы сильно рискуете, согласившись содействовать моему расследованию.

Конану пришли на ум слова Телиды, что кшатрий постарается использовать его, чтобы огородить себя от возможных опасностей. Естественно, ему интересно узнать, как подействует репилент на тень.

— Не стоит так нервничать, — продолжал вендиец. — Я нисколько не сомневаюсь, что репилент отгонит это существо. Чуть позже, я отыщу для вас хорошего мага среди тантриков, который сумеет окончательно решить проблему тени. Я бы занялся этим прямо сейчас, но у меня за сегодня проявилось много дел, которые не терпят отлагательства.

— Договорились.

— Больше вас никто убить не пытался? Только тень и гвардейцы?

— Может, и еще кто был, но я не заметил.

— Хорошо, что даже в такой обстановке, сотник, вы способны щутить. Это говорит о крепости характера. Значит, я не ошибся в выборе союзника.

— Ну, пока я только и делаю что собираю проблему на свою голову. Хотя одну вашу просьбу я исполнил: поговорил с десятником Хамара.

— Разузнали что-нибудь конкретное?

— Более или менее. В сотню Хамар попал явно не случайно. Он замечательный фехтовальщик, как нам всем известно, но, пребывая в Аграпуре, свой талант продемонстрировал лишь единожды. В тот момент, когда за ним наблюдал его будущий десятник. Что к этому подвигло Хамара: собственные устремления или чья-то чужая воля, — неизвестно. Но после того случая он просто не мог не оказаться в Вендии. Масул, десятник, был одним из первых, кого определили в отряд, очень явная кандидатура. Ну, а он в силу ряда обстоятельств не мог пройти мимо Хамара.

— Нечто подобное я и предполагал.

— К сожалению, Масул не смог ответить, не попал ли в сотню еще кто-нибудь из тех солдат, что были тогда на тренировочной площадке вместе с Хамаром.

— Не сомневайтесь: тот, кто отвечал за препровождение Хамара в Вендию, сейчас в вашем отряде. И совсем не обязательно, что это один человек. Будь я на месте наших противников, постарался бы сделать так, чтобы в сотне оказался один мой человек в ранге десятника и два-три солдата, которые держались бы «за своих».

— Как сотхи, — согласно кивнул киммериец.

— Кстати, вполне может быть, — ответил Сатти. — Не обязательно, что они фансигары. Но задачи они выполняют те же. Следят и контролируют. Выяснить бы, кто эти люди...

— Ничего не обещаю, — сказал Конан. — Но постараюсь сделать все, чтобы выловить предателей. Должны же они как-то были себя изобличить.

— Пытайтесь, — произнес кшатрий таким тоном, что становилось понятно: в успех затеи киммерийца он не верил. — Однако не забывайте и о вашем друге среди стражей повелителя. Для нас намного важнее понять, какую роль во всем этом играет тайная служба. Мне удалось разузнать еще кое-что об их деятельности. Оказывается, что они ни на миг не выходили из состояния повышенной активности, в котором пребывали после первого убийства. Представьте себе: злоумышленник пойман и казнен, объявлено, что это был одиночка и никакой опасности для жителей Айодхьи больше нет, а бравые сыскари из тайной службы продолжают трудиться так, словно завтра наступит конец света и только они могут его предотвратить. Гвардия, что самое интересное, бездействует. Складывается такое впечатление, что она здесь вообще ни при чем.

— Обе ветви возглавляет один человек.

— Я знаю! Но разобщенность между службами налицо. У них там заваривается что-то очень серьезное, поверьте мне. Обязательно завтра отыщите вашего товарища. И не вступайте больше в конфликт с гвардейцами. Кстати, они знали, куда вы направляетесь?

— Да. Я как раз интересовался у них, не могут ли они мне помочь. Вначале вместе с ними не было того кшатрия, что пытался меня убить. Он появился, когда мы уже шли к дворцу стражей повелителя.

— Вам непременно нужно разобраться с этим вопросом. Узнайте имена тех, кто устроил покушение. Думаю, в тайной службе вам посодействуют. Тысяча нагов! А ведь это ваш шанс, Конан!

— Замечательные у меня перспективы вырисовываются, — усмехнулся киммериец. — Расскажите лучше, что у вас такого случилось, что времени ни на что не хватает.

— Одного из моих травников сегодня нашли мертвым, — с неподдельным восторгом сообщил Сатти.

— Поздравляю, — немедля отреагировал Конан.

— Приятно осознавать, что был прав, — похвастался кшатрий. — Но все могло выйти и лучшим образом. Обстоятельства смерти у травника, скажем так, весьма загадочные.

— А вы ожидали чего-то иного, — удивился киммериец, — от людей, у которых есть подручные даже в Аграпуре, и которые безо всякого стеснения препровождают на Серые Равнины семьи семерых браминов вместе со слугами?!

— Надеялся я на лучшее, — признался Сатти. — Должны же они были хоть когда-то допустить ошибку.

— Может, уже и допустили, — предположил Конан. — Вот только мы не заметили. Рассказывайте, что не так с вашим травником.

— Он — мертв, — ответил кшатрий. — Но совершенно непонятно, что послужило причиной смерти. Мои люди, приставленные к травнику, обратили внимание, что он сначала не пошел на утреннюю молитву в храм Шивы, потом не открыл двери трем визитерам, что по очереди приходили к нему. Жаль, меня там не было, я бы не стал дожидаться полудня и сразу попытался проникнуть в дом. Тогда, может, и удалось бы найти хоть какой-нибудь след. А так — полный ноль. Обстановка осталась как при жизни, никаких изменений, воздух чистый, без следов растительных или алхимический смесей, магии тоже не чувствовалось. Только труп в постели лежал.

— Вы владеете искусством магии?

— Не я, один из моих людей. Он осмотрел и комнату, и тело травника. По его заверению, никто в доме в последние три дня не колдовал, а может — и больше. Ран на трупе не было. Даже ни одного синяка не нашли или ссадины. Проверили, не отравили ли его, благо смесей подходящих вокруг было полным-полно. Точно установили, что убил его не яд.

— Травник старый был?

— Старый! Шестьдесят восемь год пошел. Кто-то явно хотел, чтобы мы подумали, что умер он, не выдержав груза прожитых лет. Но я слишком много повидал, чтобы вот так вот в сказки верить!

— Сатти, а вам это убийство кое-что не напоминает?

— Еще как напоминает! Я сразу про посла вспомнил, мужа нашей Телиды, безвременно на Серые Равнины отправившегося. Два случая — один к одному. И если с послом я еще сомневался, убийство ли это, то теперь после смерти травника все сомнения отпали.

— Хорошо, что отпали, — заключил Конан. — А вот все остальное плохо. Нашим противникам удалось избавиться от своего сообщника и не оставить при этом никаких следов.

— Это мы еще посмотрим, — уверил киммерийца Сатти. — Я еще телом всерьез не занимался. Этой ночью мы будем над ним работать. Я уже договорился с одним магом, специализирующимся на некромантии, чтобы он мне помог. Также будут двое лекарей из городской стражи, повидавшие на своем веку трупов немногим меньше, чем звезд на небе.

— Я правильно понял, что вы выкрали труп? — уточнил Конан.

В Вендии, как и во всех странах на восход от Турана, некромантия была запрещена. Наказание за изучение трудов с описанием этой области искусства традиционно было

небольшим, а вот за практическое применение могли и леса валить отправить или на рудники.

— Так проще, — ответил кшатрий. — Родственников у травника все равно не было, никто о нем не беспокоился. Вскрытие же лучше проводить в спокойной обстановке, а не во дворце городской стражи, куда мага, кстати, не пригласишь.

— Всерьез надеетесь что-нибудь отыскать? Посла чуть ли не по косточкам разобрали, прежде чем придать останки огню, но ничего подозрительного не обнаружили.

— Телида боялась применять некромантию, а я не боюсь. Воскрешать травника, конечно, смысла не имеет: те, кто над ним поработал, наверняка сделали так, чтобы он забыл все, что с ними связано. Воспоминания зомби о прошлой жизни вещь чрезвычайно хрупкая, и повредить ее большого умения не надо. Но вот посмотреть на то, как станут работать его внутренние органы, если им предать подобие жизни, очень интересно. Я надеюсь, что на основе увиденного лекари смогут сделать вывод о причине смерти. Со знанием о природе оружия мне будет значительно легче выйти на убийцу.

— Мне кажется, — сказал Конан, — что вы переходите ту границу, которую сами для себя очертили. Узнав, как убили посла и травника, вы можете подставить себя под удар. Будь я владельцем такого оружия, что использовали против них, постарался бы сохранить его тайну любой ценой. К тому же, вскрытие с привлечением некроманта выходит за рамки обычного любопытства.

— Я не думаю, что результаты работы с телом окажутся столь ошеломляющими, как вы это пытаетесь представить. В лучшем случае, удастся понять, была ли то магия, яд или иное не связанное с ними воздействие. Слово «оружие» я применил исключительно для простоты. Поверьте, сотник, мы имеем дело не с заколдованным мечом и не с волшебным платком богини Кали. Вероятнее всего, это все же заклятье... Сотник! Поведайте-ка мне, пожалуйста, как убивает ваша тень. Вы ведь видели труп гвардейца?!

— Глаза выпучены были, руками за шею держался, — совсем не похоже на покойного посла. Хотя тень тогда еще ослабленная была после утреннего нападения. Возможно, успей она набрать полную силу, убила бы парня мгновенно. Тогда сходство, наверное, было бы.

— Вы говорите о ней так, словно ей опыта не хватает. Одно нападение не удалось, во время второго силы не рассчитала.

— Думаю, что так оно и есть. Тень пока только учится убивать, и когда она войдет в полную силу, я не хочу, чтобы она по-прежнему в качестве своей цели видела меня.

— Вы все еще ее ощущаете? Где она сейчас?

— Кажется, в углу по правую руку от вас. Но я не уверен. Она хорошо умеет растворяться, выдает себя только, когда двигается.

— Проклятая тварь! Чем быстрее вы от нее отделаетесь, тем лучше.

— Если вам больше нечего мне рассказать, я бы занялся решением этой задачи немедля.

— Идите, — махнул рукой Сатти. — Завтра встретимся здесь в это же время, ни к чему лишний раз беспокоить Телиду. К храму Сарсавати знаете как выйти?

— Нет, — ответил Конан. — Как?

— Пойдете по этой улице в сторону восхода, — сказал кшатрий. — Как доберетесь до квартала деревянных дел мастеров, считайте что пришли. Спросите любого прохожего, он укажет вам дальнейший путь.

— Спасибо. Осторожнее с некромантией.

— Вы тоже берегите себя, сотник.

Конан поспешил прочь от квартала Тринадцати Стен. Уже смеркалось, Айодхья готовилась погрузиться во мрак ночи. И у киммерийца не было никакого желания находиться в опасной близости от неприкасаемых, когда на город опустится тьма.

На бег киммериец не переходил лишь по одной причине: боялся, что неприкасаемым не хватит ловкости своевременно уступать ему дорогу. Ближе к ночи те стали какими-то совсем вялыми.

Все это время тень неотступно следовала за киммерийцем.

Конан за сегодняшний день уже приспособился замечать ее среди других теней, имеющих естественное происхождение.

Как и по пути в квартал Тринадцати Стен, киммерийцу не удалось обнаружить той границы, что отделяла его от владений беднейших из шудр. И в том, и в другом месте северянин чувствовал себя достаточно неуютно. Лишь когда он заступил на обещанную Сатти территорию деревянных дел мастеров, его оставили неприятные ощущения.

— Где искать храм Сарсавати? — спросил Конан у пожилой женщины, что торговала пирожками.

— Сейчас направо повернешь, — для верности вендишка протянула руку в означенном направлении. — А как увидишь дом с желтой дверью, свернешь налево. Там через пару домов и будет храм. Понял?

— Да, спасибо.

Киммериец откланялся и продолжил путь. Есть ему хотелось, но купить пирожок он не решился, испытывая вполне обоснованные подозрения по поводу начинки.

С ориентиром, указанным вендикой, проблем не возникло. Желтая дверь была только у одного дома.

Храм Сарсавати мало чем отличался от большинства храмов Айодхьи. Разве что, деревянных деталей в нем было побольше, но это объяснялось его месторасположением.

Где именно здесь искать алхимическую лавку, Сатти не сказал. Не долго думая, Конан решил обойти храм кругом и посмотреть, что находится по сторонам. Над дверью одного из домов, располагавшегося позади храма, обнаружилась резная вывеска: небольшой котелок, подвешенный над костром.

— Грамотно, — оценил вывеску Конан.

Без лишней помпезности и сразу ясно, что скрывается за дверью.

Она, кстати, оказалась заперта. Сотник постучался. Время, конечно, уже позднее, но спать хозяева не должны были.

Изнутри послышались чьи-то тяжелые шаги.

Дверь отворилась. На пороге стоял невероятно толстый вендиец с заплывшим от жира лицом и сонно протирал глаза.

— Я от Сатти, — объявил Конан.

Хозяин лавки, если это, конечно, был он, киммерийцу сразу не понравился. Не любил сотник, когда люди доводили себя до такого свинского состояния.

— Не знаю такого, — сказал толстяк и попытался затворить дверь.

Конан не позволил ему этого сделать.

— Вы — Аямал? — спросил киммериец.

— Ну, я, — протянул толстяк, похоже, сообразивший, что от разговора уклониться не получится. — Чего надо?

— Сатти передает вам, что готов простить долг, — Конан подумав решил не ссориться с алхимиком. Еще не хватало, чтобы он ему вместо репилента подсунул яду.

— Что взамен хочет? — спросил Аямал

А ведь только что отрекался от знакомства с тысячким!

— Снадобье, — ответил Конан.

— Снадобье, говоришь, — повторил за киммерийцем толстяк. — Ну, пошли внутрь.

Конан спорить не стал и преступил порог дома. Правда, старался ни на мгновенье не выпускать хозяина из виду. С того вполне стало бы стукнуть гостя чем-нибудь тяжелым.

Внутри дома обстановка была препаршивая, хуже чем в квартале Тринадцати Стен. Посреди единственной комнаты стояли четыре котла: один огромный, три поменьше. Над ними в потолке была пробита дыра, чтобы зловония, исходившие от них, поскорее улетучивались. Но спасало это слабо. Конана от местных «алхимических» запахов едва не вывернуло наизнанку.

Вдоль трех стен стояли шкафы с глиняными сосудами. Часть из них была запечатана. Видимо, там находились готовые снадобья. Единственным предметом, не имеющим отношения к выделке алхимических эликсиров, была широкая низкая кровать, стоявшая у дальней стены.

Стоило Конану оказаться внутри лавки, как он тут же ощутил, что ему чего-то не хватает. Лишь спустя несколько мгновений он осознал, что тень не последовала за ним. Это вселяло определенные надежды. Неприятен был этой твари аромат алхимических варений.

— Какое снадобье ему нужно? — спросил Аямал. — И сколько?

— Нужно не ему, а мне, — пояснил Конан. — Но это пойдет в счет уплаты долга.

— Как мне узнать, что ты не врешь? — поинтересовался алхимик. — Что ты действительно друг Сатти, хотя я сомневаюсь, что у него вообще есть друзья.

— Не знаю, — пожал плечами киммериец. — Мог посторонний человек знать о твоем долге?

— Ладно, я тебе верю, — сказал Аямал. — Ты не похож на прохиндея. Говори, что именно тебе нужно.

— Репилент, — ответил Конан. — За мною следует существо, рожденное не в Хайбории. Оно уже пыталось убить меня и наверняка не оставило своего намерения. Мне нужно то, что поможет отогнать эту тварь.

— Хорошенькое описание, — хмыкнул алхимик. При этом все лицо его отвратительно содрогнулось. — Даже не ясно, демон это или дух. Придется расставаться с драгоценными запасами. Сатти знал, куда тебя посыпать. После глотка того снадобья, что я тебе дам, ни один выходец из другого измерения к тебе не приблизится. Сильный репилент.

Аямал подошел к одной из полок, снял с нее два сосуда и отдал их Конану.

— Вот, все что есть, — сказал толстяк. — Пить будешь по глотку, один раз в день. Больше — опасно для жизни и совершенно бессмысленно. В каждом сосуде по шесть порций. Как первый закончится, придешь ко мне. Я сделаю еще. Если с тварью со своей разберешься, тоже дай знать, чтобы я зря ингредиенты не переводил.

Киммериец откупорил одну из бутылочек и протянул ее Аямалу.

— Отпей, — попросил Конан.

Алхимик сделал глоток.

— Одной порцией меньше, — прокомментировал он.

Конан принял сосуд назад и тоже приложился к горльшку.

Репилент оказался горьким.

Глава 16.

День гибели Газила. У вендийской границы.

Уже третий день подряд отряд двигался на пределе.

Конан желал как можно скорее миновать опасный участок пути. До ближайшего городка на вендейской границе под названием Бхатинда было еще около полутора суток скачки. Там можно будет и отдохнуть, а до тех пор – сжать волю в кулак и терпеть. Того же киммериец требовал и от солдат.

Им приходилось нелегко. Ночью отряд останавливался всего на три колокола, за которые надо было успеть поесть и выспаться, а кому-то еще и выпадало дежурить.

Еще в Агропуре, сидя над картами и отчетами путешественников, киммериец выделил те места, где ему представлялось наиболее вероятным нападение на отряд. Два из трех неблагополучных участков сотня уже миновала. На первом никаких осложнений не возникло, а вот на втором завязалась нешуточная схватка с бандитами, в результате которой одиннадцать солдат отправились на Серые Равнины.

Третий, самый неприятный, участок приходился на ничейные земли вблизи закатной границы Вендии.

Издавна на эту территорию претендовали Туран и Кусала. Споры дипломаты вели самые ожесточенные, а вот осваивать земли ни один из правителей так и не начал. Что вполне объяснимо: полей, где можно было бы выращивать злаки, здесь не было, руды также не имелось, одни лишь бескрайние джунгли.

Бескрайние и бесполезные, – деревьев ценных пород на этих землях также не росло.

Зато сквозь эти самые джунгли проходила дорога, ведущая из Вендии в полуденные части Турана. Если верить рассказам путешественников, то в ее окрестностях лет тридцать тому назад обосновались разбойники и уходить никуда не собирались. Жили они в основном не грабежами, а тем, что собирали дань с проезжающих караванов. Одиночных путников либо пропускали, либо, что чаще, убивали.

В любой другой ситуации Конан предпочел бы вступить в переговоры с разбойниками, но командир сотни, сопровождающей посла Турана, должен был блюсти свою честь и честь страны и не увиливать от схватки. Киммерийца такая перспектива не впечатляла. В первые же мгновенья боя добрую треть солдат из луков положат. Это не честь, а самоубийство.

Так и созрело решение проскочить. Если двигаться достаточно быстро, то разбойники просто не успеют устроить засаду, а ночного нападения Конан не очень-то и боялся. Бандиты потеряли бы свое главное преимущество: возможность вести прицельную стрельбу из луков.

Пока все шло идеально.

Только Шеймасай жаловался на невыносимые условия, которые создал для него сотник. Конана его нытье изрядно раздражало. Мало того, что он в своем экипаже мог спать, когда пожелает, так и основная потеря скорости происходила из-за него. Лошади экипажа уставали быстрее других, и приходилось сбавлять темп, чтобы дать им передышку.

Дорога в последнее время петляла страшнейшим образом. Это подстегивало Конана к дополнительной осторожности. Два колокола назад он определил в дозор десяток Газила, солдат опытных, что смогут распознать засаду.

Только киммериец вспомнил о дозорных, как из-за поворота появился один из них. Амьен. Вид у него был сильно встревоженный.

— Что случилось? — крикнул киммериец.

Он скакал на два десятка шагов впереди основной группы солдат.

— На нас напали, — сказал Амьен, разворачивая свою лошадь, так, чтобы двигаться рядом с киммерийцем. — Обстреляли из луков. Газила ранили в шею, Осана убили и труп его забрали с собой. Остальные не пострадали.

— Убили кого-нибудь из них? — спросил Конан без особой надежды.

— Нет, они действовали очень быстро, — ответил Амьен. — И слажено.

— Понятно, — буркнул себе под нос киммериец. Затем поднялся в стременах, обернулся и крикнул. — Масул со своими, за мной! У нас там гости!

Конан пустил коня в галоп.

К нему присоединились Амьен и Масул со своим десятком.

По сторонам черно-зелеными красками переливались джунгли, образуя единое и неделимое полотно, в лицо бил бешеный ветер, в сердце зарождалось предчувствие схватки. Киммериец слишком долго ждал, слишком долго готовился. Вопреки разуму он всё-таки жаждал скрестить мечи с разбойниками, не перехитрить, а именно что перебороть их. Возможно, это в нем говорила молодость. А, может, то было лишь временное помутнение разума.

Скорее, второе. Потому что когда он увидел лежащего на дороге десятника в луже крови, от желания броситься на противника, не заботясь о последствиях, и следа не осталось.

Оставшиеся в живых семеро солдат стояли с натянутыми луками. Ждали повторного нападения. Откуда на этот раз может прийти враг, им было неведомо, и потому под прицелом они держали чашу по обе стороны от дороги.

Конан спрыгнул с коня и побежал к Газилу.

Десятник был очень плох. Ему пробило стрелой шею, и он потерял слишком много крови, чтобы остаться в живых. Тем не менее, Газил держался стойко. Туранец не ныл, не стонал, глаза у него были широко раскрыты, и страха Конан там не увидел.

Заметив сотника, Газил улыбнулся краешком губ.

— Добей, — прошептал он.

Все это время десятник ждал своего командира, чтобы именно он исполнил его последнюю волю. Газил был страшным гордецом. Он не желал умереть от руки простого солдата.

— Эрлик примет твою душу, — произнес Конан.

Газил вновь чуть ехидно улыбнулся.

Через мгновение клинок киммерийца отыскал в груди его сердце.

Конан подумал, что то была не самая дурная смерть для воина.

— Что здесь случилось? — спросил Масул, который не слышал разговора сотника с Амьеном.

— На нас напали, — ответил один из людей Газила. К Масулу он не повернулся и лука не опустил. — Подстрелили Осана, он ехал последним, схватили его тело и ринулись обратно в лес. Для остракти выпустили еще дюжину стрел. Одна из них и угодила в десятника.

— Вот что, — привлек к себе внимание Конан. — Масул, ты со своим десятком останешься здесь, будешь ждать приезда Шеймасаи. Погрузите труп Газила в экипаж и продолжите путь. А я с людьми десятника отправлюсь в лес. Попытаемся отбить тело Османа. Вряд ли разбойники ожидают от нас такой наглости.

— Но...

— Не спорь!

Конан и сам понимал, что его решение кажется неразумным. Да что там, оно и было неразумным! Но киммериец в тот момент ощущал острую необходимость поквитаться с разбойниками.

— Куда они пошли? — спросил сотник у Амьена.

Туранец указал направление.

— За мной, — велел Конан и первым двинулся в джунгли.

Солдаты подчинились, хоть и с явной неохотой. На дороге они чувствовали себя более уверенно. Одетым в доспехи воинам царя Идиша пробираться меж ветвей и лиан было очень неудобно. Но хуже всех, конечно, было Конану, который шел впереди. Все остальные двигались по его стопам.

Так, выстроившись цепочкой, туранские солдаты под предводительством Конана из Киммерии все дальше и дальше углублялись в джунгли. Примерно через полколокола ходьбы северянин начал осознавать всю бредовость собственной затеи. Кого он надеялся здесь найти?!

Но только он собрался отдать приказ возвращаться, как откуда-то сбоку послышались человеческие голоса. Киммериец жестами приказал солдатам не шуметь и начал медленно продвигаться в сторону этих звуков.

Вскоре деревья начали редеть, и впереди показался небольшой каменный храм. Под напором лет он заметно обветшал. Кладка обваливалась, лианы так плотно увивали уцелевшие стены, что камень едва был виден. Лет через десять или даже раньше это строение должен был окончательно поглотить ненасытный зев джунглей, не оставив о нем даже памяти.

— Амьен, пойдешь со мной, — киммериец вспомнил, что Газил всегда привечал этого солдата больше других. Мнению покойного десятника Конан доверял, в любимчики к нему попадали только исключительные воины. — Остальным — оставаться здесь и смотреть в оба. Если что, бегите на дорогу. Предупредите отряд об опасности.

Солдаты дружно закивали.

— Пошли, — шепнул Конан Амьену, и они начали короткими перебежками продвигаться к храму.

Вблизи строения голоса стали отчетливей.

Какой-то человек вещал внутри храма, затем спустя некоторое время другие отвечали ему.

Снаружи людей не было видно, и Конан рискнул подобраться к одному из оконных проемов.

Внутри храма на коленях перед статуей божества, у которого по воли неумолимого времени не было головы и части правой руки, стояло четыре десятка человек. В основном, мужчины и женщины. Детей и стариков почти не было. Рядом со статуей находился небольшой каменный трон, на котором восседал красивый широкоплечий мужчина с густыми черными волосами. Он только закончил произносить речь. Именно его голос Конан и различил в джунглях.

Амьен указал киммерийцу на алтарь, расположенный по другую сторону от статуи. На нем лежала окровавленная голова Осана.

Черноволосый красавец тем временем поднялся с трона, повернулся к божеству и воздел вверх обе руки. Остальные люди повторили его этот жест.

— Варха! — крикнул черноволосый.

— Варха! Варха! Варха! — вторили ему собравшиеся.

— Прими нашу жертву бог-хранитель, — сказал то ли предводитель, то ли жрец. Говорил он на вендинском языке с небольшой примесью восходных диалектов Кусалы. Не без труда, но Конан понимал, о чем идет речь. — Насыться кровью славного воина и даруй нам свою милость. Услыши мой голос, великий Варха!

— Услыши наш голос, Варха! Варха! Варха!

— К тебе взывают дети твои, — продолжал черноволосый. — Те, что живут издревле на землях, дарованных тобой. Те, что пронесли сквозь века веру в тебя. Обрати же свой взор на нас и узри, что мы умираем, Варха!

— Умираем, Варха! Варха! Варха!

— Земли наши перестали давать урожай. Хищные звери пожирают наших детей и стариков.

Почему ты допускаешь это? Мы же свято чтим твои заветы. Не знаем женщин, кроме сестер своих и матерей, воровства не терпим, обагряем кровью своей твой алтарь. Не о многом мы тебя просим. Даруй нам зерна столько, чтобы насытиться мы могли. Чтобы не прекратился наш род, Варха!

— Варха! Варха! Варха!

Черноволосый красавец схватил голову Осана и принялся колотить ею о грудь статуи.

Киммериец отвернулся.

— Пора возвращаться, — похлопал он по плечу Амьену.

Ветеран удивленно посмотрел на сотника.

Конан догадался, что тот хотел у него спросить.

— Нет, мы не будем их убивать, — проговорил северянин. — Когда прибудем в Бхатинду, я расскажу об этом месте кшатриям. Они вынесут приговор и приведут его в исполнение.

— Я понял, — сказал туранец.

Они медленно, не таясь брали к своим засевшим в джунглям товарищам.

Конан сомневался, что Амьен действительно понял, почему сотник решил отказаться от мести. Дело было не в страхе потерять людей и не в возможном гневе Шеймасай. Киммерийцу просто не хотелось пачкаться. Даже недолгое пребывание вблизи этих людей оставило на его душе неприглядное грязное пятно. Унизить же себя их убийством представлялось Конану совсем уж чем-то запредельным.

Из-за деревьев начали один за другим выходить солдаты. Они непонимающе смотрели на приближающихся Конана и Амьена.

Со стороны храма продолжало доноситься бесконечное: «Варха! Варха! Варха!»

Глава 17.

Второй день расследования. Казармы.

Приятно было проснуться и обнаружить, что жив.

Конан, во всяком случае, искренне радовался тому, что он по-прежнему в Вендии, а не на Серых Равнинах.

А с каким трудом он заставил себя лечь!

Вернувшись в казармы из лавки алхимика, киммериец уселся играть с солдатами в кости. Одновременно с этим была заключена сделка с совестью. Конан обязал себя верить, что он не ложится спать, потому что хочет дождаться Амьена, которого с утра никто не видел.

На самом же деле киммериец боялся, что действие репилента может закончиться и тень объявитя вновь. После визита к Аямалу Конан перестал замечать ее присутствие, но насколько он себе представлял природу этой твари, тень по-прежнему находилась неподалеку и ожидала того момента, когда сила эликсира иссякнет.

Ближе к третьему послеполуночному колоколу сотник начал задумываться и об Амьене. Зря он отнесся к его встрече с фансигарами с такой прохладцей. Что если у него уже не появится шанса поговорить с новоявленным десятником?!

Окончательно испортили настроение кости, которые сегодня принципиально не желали ложиться нужным образом. Когда киммериец понял, что успел спустить половину месячного жалования, то, послав по проклятию всем известным ему вендиjsким богам, отправился спать. Со злости даже отказался от идеи поставить дежурить у своих дверей парочку солдат.

Уснул он не сразу: слишком много эмоций накопилось. Но потом усталость взяла свое.

Сейчас-то все вчерашние страхи казались киммерийцу смешными, но ночью они были вполне осозаемыми.

Конан быстро привел себя в порядок, надел чистый наряд и отправился завтракать.

О серьезных вещах он с солдатами специально не заговаривал. Нечего себе и им настроение портить. Болтали за столом все больше о местных красотках, что щедро одаривали туранцев любовью.

За этим разговором киммериец вспомнил, что уже довольно давно не был у Рамини. Вендиjsка могла на него за это обидеться.

Взвесив все «за» и «против», Конан решил ненадолго отложить визит к Тхану. Первым делом сегодня стоило посетить храм Иштар. Киммериец представил, как Рамини будет рада его видеть. Можно будет позвать к ней в покой и других жриц и на три-четыре колокола отрешиться от всех проблем.

Чем больше северянин думал о такой возможности, тем сильнее ему хотелось поскорее очутиться на мягкой постели верховой жрицы Иштар.

— Сотник, — обратился к замечавшемуся киммерийцу Хасан. — Знаете, а ведь Амьен так и не вернулся. Не случилось бы с ним чего. Вдруг кто-то нам за браминов, убитых Хамаром, решил отомстить.

— Я поищу его, — пообещал Конан, поднимаясь из-за стола.

Ну, уж нет! Никаких убийств! Никаких браминов!

Сначала продолжительные женские ласки, прохладное вино и ощущение блаженства. Только после этого киммериец был согласен вернуться в этот бренный мир.

Киммериец спешно покинул казармы и быстрым шагом устремился к храму Иштар, где ждала его Рамини.

Впервые за долгое время он не обращал внимания на толпы вендиев на улицах и безо всякого стеснения отталкивал прохожих в сторону. Сколько раз он уступал им дорогу, теперь пришла и их очередь.

Находясь под воздействием захлестнувшей его идеи, Конан не сразу заметил, что кто-то его окликает по имени.

Он обернулся и увидел, что к нему спешит Залиль.

Внучке Телиды киммериец всегда был рад, но сейчас она выбрала очень неподходящее место для встречи. Почти перед самым храмом Иштар. Если Рамини увидит ее, беседующей с Конаном, не миновать страшнейшего скандала.

— Конан! — Залиль остановилась в шаге от киммерийца. — Я зову, зову тебя, а ты не слышишь...

— Прости, пожалуйста, — северянин обнял девушку и начал гладить по волосам.

Но Залиль от него отстранилась.

— Я к тебе не за этим, — заявила она. — Меня Телида послала.

— Что-то случилось? — обеспокоено поинтересовался Конан.

— Они просила передать, что твоего знакомого по имени Сатти сегодня утром убили.